

ISSN 2411-2070

ИСТОРИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 1 (37) | 2025

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 1 (37)

Киров
2025

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 1 (37)

Kirov
2025

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philol. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philol. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Беклемишева Мария Михайловна. Деятельность воронежских архивистов по сбору трофейных документальных материалов после освобождения города и области (1943 год).....</i>	9
<i>Аксянов Алексей Сафлович. Нижегородский губернский Совет народного хозяйства и кустарная промышленность в период военного коммунизма.....</i>	18
<i>Стрельников Максим Александрович. Вклад 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД в победу под Сталинградом.....</i>	29
<i>Попов Евгений Викторович. Законодательная деятельность правительства в сфере переселенческой политики в 80–90-е гг. XIX в.</i>	34

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Балашова Елена Валерьевна. Память о нацистском прошлом в ФРГ: опыт классификации мемориальных музеев</i>	41
<i>Давыдов Денис Александрович, Минкова Кристина Владимировна. Внешние связи провинций Южно-Африканской Республики (на примере Западно-Капской провинции).....</i>	49
<i>Кочегуров Дмитрий Александрович, Гасанов Камран Низами оглы. Феномен независимых кандидатов в президентских выборах в США.....</i>	61

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Новиков Михаил Васильевич. Советско-японский вооруженный конфликт у реки Халхин-Гол (май – сентябрь 1939 г.): дипломатический аспект</i>	71
---	----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Хурмаев Анвар Альбертович, Алексеева Анастасия Юрьевна, Фаррахов Артур Азатович. Новые данные по динамике культурного развития и освоения среднего течения р. Дёма в эпоху бронзы (Южный Урал)</i>	83
---	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Сыромятников Олег Иванович. Тема масонства в творчестве Ф. М. Достоевского</i>	93
<i>Курьянова Валерия Викторовна, Климкина Оксана Петровна. «Попутный диалог» на железной дороге в русской литературе второй половины XIX в.</i>	100
<i>Курбакова Марина Андреевна. Некоторые заметки о взглядах русских классиков на литературное творчество</i>	107
<i>Мещерякова Лариса Александровна. «Выразить невыразимое» как сверхзадача западноевропейского романа о холокосте («Благоволительницы» Д. Литтелла, «ННН» Л. Бине и «Аустерлиц» В. Г. Зебальда)</i>	116

*Комин Максим Вадимович. Эволюция образа оружия в прозе
Владислава Крапивина 125*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Дюкин Сергей Габдульсаматович. Формы и способы освоения
литературной классики в дискурсивных практиках русской рок-культуры 133*

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Beklemisheva Maria Mikhailovna</i> . The activity of Voronezh archivists in collecting captured documentary materials after the liberation of the city and region (1943)	9
<i>Aksyanov Alexey Safovich</i> . Nizhny Novgorod Provincial Council of National Economy and Handicraft Industry during the Period of War Communism	18
<i>Strelnikov Maxim Aleksandrovich</i> . Contribution of the 10th Infantry Division of the NKVD Internal Troops to the victory at Stalingrad	29
<i>Popov Evgeny Viktorovich</i> . Legislative activity of the government in the field of resettlement policy in the 80s–90s of the XIX century	34

GENERAL HISTORY

<i>Balashova Elena Valeryevna</i> . The memory of the Nazi past in Germany: the experience of classifying memorial museums.....	41
<i>Davydov Denis Alexandrovich, Minkova Kristina Vladimirovna</i> . External Affairs of the Provinces of the Republic of South Africa (on the Example of the Province of the Western Cape).....	49
<i>Kochegurov Dmitry Alexandrovich, Hasanov Kamran Nizami oglu</i> . The phenomenon of independent candidates in the US presidential election.....	61

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

<i>Novikov Mikhail Vasilevich</i> . The Soviet-Japanese armed conflict near the Khalkhin Gol River (May–September 1939): a diplomatic aspect.....	71
---	----

ARCHEOLOGY

<i>Khurmaev Anvar Albertovich, Alekseeva Anastasia Yurievna, Farrakhov Artur Azatovich</i> . New data on the dynamics of cultural development and development of the middle reaches of the Dema River in the Bronze Age (Southern Urals)	83
--	----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Syromyatnikov Oleg Ivanovich</i> . The theme of Masonry in the works of F. M. Dostoevsky	93
<i>Kuryanova Valeria Viktorovna, Klimkina Oksana Petrovna</i> . "Passing dialogue" on the railway in Russian literature of the second half of the 19th century	100
<i>Kurbakova Marina Andreevna</i> . Some notes on the views of Russian classics on literary creativity	107
<i>Meshcheryakova Larisa Alexandrovna</i> . "To express the inexpressible" as a super-task of the Western European novel about the Holocaust ("The Well-wishers" by D. Littell, "HHhH" by L. Binet and "Austerlitz" by V. G. Zebald)	116

*Komin Maxim Vadimovich. The evolution of the image of weapons
in the prose of Vladislav Krapivin.....*125

CULTURAL STUDY

*Dyukin Sergey Gabdulsamatovich. Forms and methods of mastering
literary classics in discursive practices of Russian rock culture.....*133

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 35.073.532.2(470.324)«1943»

DOI: 10.25730/VSU.2070.25.001

Деятельность воронежских архивистов по сбору трофейных документальных материалов после освобождения города и области (1943 год)

Беклемишева Мария Михайловна

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению истории Великой Отечественной войны, Институт российской истории, Российская академия наук; старший преподаватель кафедры истории и культурологии, Московский энергетический институт. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-6648-6395. ResearcherID: AIC-6718-2022. E-mail: mariabekl@mail.ru

Аннотация. В статье впервые в историографии изучается деятельность сотрудников Отдела государственных архивов УНКВД и Государственного архива Воронежской области по розыску трофейных документов на освобожденной территории области. Сбор документов начался уже в декабре 1942 г. и закончился в 1944 г. Оперативная группа архивистов, прибывшая в Воронеж в феврале 1943 г., изначально состояла из 4 человек. Активное участие в работе по сбору принимали Г. И. Федянин, А. П. Родаковский, М. П. Башлыкова, А. А. Кулинченко и др. Статья написана на материалах фонда Главного архивного управления НКВД СССР (ГАРФ, Ф. Р-5325), Архивного отдела Воронежской области (ГАВО, Ф. Р-98) с использованием других неопубликованных и опубликованных источников. Ее цель – осветить меры, предпринятые Отделом госархивов по организации этой работы: отправке сотрудников в освобожденные районы, информированию населения, подключению к работе органов советской власти. В статье указаны пути комплектования архивов обнаруженными документами, их виды и обстоятельства передачи в другие ведомства. Освещается руководство работой Отдела со стороны Управления государственными архивами НКВД СССР. Делается вывод о том, что, несмотря на сложные условия работы (разрушенную инфраструктуру, наличие мин, нехватку кадров) и отсутствие опыта, было собрано несколько тысяч единиц хранения вражеских документов и актов о злодеяниях захватчиков. Материалы статьи могут стать основой для дальнейшего изучения ряда проблем истории Великой Отечественной войны, а также судеб архивистов, работавших в освобожденном Воронеже.

Ключевые слова: трофейные документы, Отдел государственных архивов, Управление государственными архивами, Воронежская область, Великая Отечественная война.

В начале Великой Отечественной войны возможности для захвата документов противника были в значительной мере ограничены по сравнению со следующим ее этапом, когда Красная Армия перешла в наступление. Однако и в первые месяцы войны такие документы, подобранные на поле боя, захваченные при разгроме штабов противника и изъятые у убитых, стали попадать к красноармейцам. Согласно указаниям Генштаба РККА эти материалы подлежали сдаче в разведывательные органы штаба. Вместе с тем в документах трофейного происхождения, характеризующих морально-психологическое состояние войск противника, нуждались и политорганы РККА, поэтому в течение 1941 г. был издан ряд указаний о передаче их в Главное политическое управление РККА. Большое значение придавалось и розыску трофеев, подтверждавших зверства немецко-фашистских войск на захваченной советской территории [25, л. 65]. 7 отдел самостоятельно распоряжался судьбой присылаемых документов, оставляя их в своем архиве или передавая различным организациям. Так, например, 8 февраля 1943 г. начальнику Главного политического управления РККА генерал-лейтенанту А. С. Щербакову от политуправления Воронежского фронта были отправлены две папки документов, захваченных при разгроме 310 батальона 15-го немецкого полицейского полка. Это были приказы, распоряжения и отчеты германских властей, в том числе об использовании рабочей силы во временно оккупированных областях, мобилизации рабочих в Германию и использовании военнопленных, а также Журнал боевых действий 310 батальона 15-го поли-

цейского полка с приложением (сентябрь 1940 г. – ноябрь 1942 г.) [26, л. 20]. Оригиналы документов хранились в архиве 7 отдела Главного политуправления, а впоследствии были переданы на хранение в архив Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков [15, с. 23].

Различные виды трофейных документов представляли большой интерес и для органов государственной безопасности СССР. Собранные представителями органов НКВД документы после оперативного использования хранились в оперативных отделах и Отделах государственных архивов УНКВД, и впоследствии согласно распоряжениям Управления государственными архивами НКВД СССР должны были поступать на хранение в государственные архивы. Так, документы служебного характера на русском, немецком, итальянском и венгерском языках, топографические карты, листовки, печатные издания на разных языках (книги, брошюры, альбомы) и изобразительные материалы за 1942–1943 гг., изъятые у военнопленных сотрудниками НКВД во время проведения допросов и обысков на территории Грязинского, Дрязгинского, Семилукского, Хлевенского районов Воронежской области, составили Ф. Р-2100 «Коллекция трофейных документов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Государственного архива Воронежской области [11, с. 699]. Документы учреждений, организаций и предприятий, действовавших в период оккупации Воронежской области, образовали 12 фондов в том же архиве [21, с. 56].

Сотни документов трофейного происхождения о сражениях под Воронежем отложились в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ (письма с фронта и на фронт, описание боевых действий венгерских и итальянских войск, приказы командующих и др.), Центрального архива ФСБ РФ, Архива УФСБ России по Воронежской области (протоколы допросов военнопленных). Часть из них была опубликована в издании «Война на воронежской земле 1942–1943 гг. в документах Красной Армии, вермахта и войск сателлитов» (Воронеж, 2014–2019 гг., в 5 томах) [22].

С началом освобождения советских территорий, ранее занятых захватчиками, среди трофейных документов появляются материалы гражданских оккупационных учреждений, комендатур, полиции, органов «самоуправления». Значительно возрастает количество печатных материалов врага – брошюр, книг, газет, журналов и т. д. К работе по сбору документов подключаются архивисты, которые, действуя совместно с сотрудниками УНКВД, выполняют на освобожденной территории различные задачи: занимаются розыском и сохранением всевозможных документов, восстанавливают архивы и оценивают нанесенный им ущерб, отбирают документы для использования в оперативно-чекистских, военных, пропагандистских целях, составляют акты о злодеяниях захватчиков. Деятельность архивистов по сохранению Государственного архивного фонда и сбору трофейных документов в освобожденных районах СССР слабо изучена в отечественной и зарубежной историографии. Известно, что в ряде республик СССР и некоторых областях РСФСР для решения поставленных задач были организованы специальные оперативные группы, состоявшие из архивистов и сотрудников НКВД [17, с. 387]. Большинство из них вступали в населенный пункт в первые дни после его освобождения: действовать нужно было быстро, поскольку промедление грозило гибелью документов от пожаров, осадков, расхищением или халатным к ним отношением со стороны властей. По обнаруженным свидетельствам выявлялись предатели Родины и враждебные советской власти граждане, проявившие себя во время оккупации. Краткие сведения о ходе сбора трофейных документов опергруппами на Украине приводятся в статье И. Н. Мищака и других работах украинских историков и архивистов [19].

Наиболее существенный вклад в изучение заявленной тематики был сделан в советское время известным историком-архивистом В. В. Цаплым. Так, в IV Главе своей диссертации – к сожалению, полностью не опубликованной – он рассматривает условия и результаты работы архивистов в различных освобожденных областях и республиках СССР [20]. Текст этой главы послужил основой для его статьи 1969 г. [23] В. В. Цаплин дает оценку результативности действий архивистов с помощью ряда показателей: быстроты возвращения в освобожденные населенные пункты, многообразия источников комплектования архивов, степени привлечения к сбору документов неспециалистов (представителей общественности, частей Красной Армии) [24, с. 91]. По мнению исследователя, многие архивисты в республиках, краях и областях не были достаточно подготовлены к работе в новых условиях, и в РСФСР определенная целенаправленность чувствовалась только в Воронежской и Адыгейской областях [20, л. 315]. В. В. Цаплин отмечает, что в феврале 1943 г. в освобожденный Воронеж была направ-

лена группа из 4 архивистов, задачей которых было спасение и обеспечение сохранностицелевых материалов государственного архива, однако подробно не рассматривает их работу [20, л. 309]. Осветить этот вопрос позволяют документы Государственного архива Воронежской области, а также Государственного архива Российской Федерации, чему и посвящена настоящая статья.

Методология статьи основана на использовании системного подхода: рассматривается организация собирания трофейных документов на территории СССР и ее региональная специфика на примере Воронежской области. Источниковую базу исследования составила в основном делопроизводственная документация, отложившаяся в фондах Государственного архива Воронежской области (ГАВО) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): приказы и циркуляры, директивные письма и указания, протоколы совещаний, отчеты о работе, квартальные планы. Слабой стороной этих источников является отсутствие уточняющей информации о составе собранных архивистами вражеских документов, иногда – разницей в датах. Для дальнейшего изучения темы перспективным представляется обращение к документам Архива УФСБ России по Воронежской области, что позволит получить, в том числе, более подробные сведения биографического характера.

С приближением фронта к Воронежу в июле 1942 г. Отдел государственных архивов (ОГА) УНКВД по Воронежской области эвакуировался в Борисоглебск. По пути эшелон подвергся бомбардировке, и все текущее делопроизводство Отдела погибло [5, л. 5]. На момент эвакуации в Отделе работал 21 сотрудник.

В декабре 1942 г. по мере продвижения Красной Армии и освобождения населенных пунктов области Отдел госархивов продолжал концентрацию документов о зверствах захватчиков согласно приказу НКВД СССР № 057 от 25 февраля 1942 г., а также советских документальных материалов из прифронтовых районов в г. Борисоглебск. Для этого начальникам районных отделов НКВД 15 районов области были даны указания о создании групп, ответственных за сбор печатных материалов врага, оставленных в освобожденных районах, и составлению актов о зверствах [5, л. 4]. В районы области было командировано 7 сотрудников УНКВД, к которым присоединились заведующая книгохранилищем М. П. Башлыкова и научный сотрудник госархива С. Г. Торбэк [5, л. 7–8]. В результате этой работы было собрано 104 документа, сведения о которых присылались в Главархив [13, л. 46–47]. В основном это были акты об ущербе, нанесенном захватчиками, а также 21 немецкая листовка и 2 газеты из разных районов с обращением немецкого командования к населению и воинским частям СССР с целью внесения в массы паники и дезорганизации [13, л. 47 об.].

В период с 17 декабря 1942 г. по 20 февраля 1943 г. начальник ОГА Г. И. Федянин, старший инспектор А. А. Кулинченко, а также заведующая книгохранилищем М. П. Башлыкова выезжали с опергруппами УНКВД для сбора материалов, оставленных немецко-фашистскими войсками в освобожденных районах области. Таким путем было собрано 4212 книг, брошюр, плакатов, листовок, газет, журналов и других материалов [12]. По мере поступления и обработки они отправлялись в УГА НКВД СССР. Часть этих материалов была передана 4 отделу УНКВД ВО [4, л. 2].

После освобождения 25 января 1943 г. Воронежа от немецких оккупантов туда из Борисоглебска была командирована группа сотрудников ОГА УНКВД ВО и Госархива ВО из 4 человек во главе с Г. И. Федяниным. Она прибыла в город 12 февраля 1943 г. [7, л. 2] (по другим данным – 8 февраля). В материалах приказов по Отделу госархивов УНКВД ВО имеется приказ от 30 января 1943 г. об отбытии в командировку в Воронеж с 1 февраля Г. И. Федянина, секретаря Отдела Н. М. Поляковой, с.н.с. А. П. Родаковского и уборщицы Деньшиковой¹, т. е. прибытие в город планировалось на целую декаду раньше, однако по неустановленной причине было отложено [6, л. 3]. Предположительно, выезд работников не состоялся вовремя из-за занятости в районах области. Остальная часть архивных работников вернулась в Воронеж 15 марта. Интересно отметить, что в январе 1943 г. в Борисоглебске также находилось четверо украинских архивистов, ожидавших выезда на освобожденную территорию УССР в составе опергруппы работников НКВД Украинской ССР.

Кровопролитные бои за Воронеж длились 212 дней и ночей. Город был разрушен практически до основания. Многие улицы, здания и сооружения, даже огороды были заминированы врагом при отступлении. Как отмечал Г. И. Федянин, первое время архивохранилища про-

¹ По всей видимости, вместо нее была отправлена А. А. Кулинченко.

верялись им совместно с А. П. Родаковским на наличие мин, и только через 4 дня после приезда в Воронеж удалось добиться осмотра помещений минерами [4, л. 2–2 об.]. Город был в основном очищен от мин и неразорвавшихся бомб к июлю 1943 г.

К моменту возвращения в Воронеж основные кадры ОГА и госархива были растеряны. Виной тому был не только уход сотрудников на фронт, но и, по утверждению Г. И. Федянина, безответственность бывшей начальницы ОГА М. И. Володиной, которая в 1942 г., еще до приближения прямой опасности, бросила весь аппарат и бежала в тыл, захватив с собой ведомости и зарплату, за что не понесла наказания и даже была назначена начальницей пензенского госархива, хотя впоследствии вернулась и проработала начальницей воронежского госархива до мая 1943 г. [4, л. 4]. Остались только А. П. Родаковский, С. Г. Торбэк, М. П. Башлыкова и А. А. Кулинченко. После переезда Отдела в освобожденный Воронеж остро ощущалась нехватка квалифицированных кадров – научных сотрудников и инспекторов, что негативно сказывалось на возможностях обработки документов и обследования районных и городских архивов. Эта проблема сохранялась и в конце 1943 г. Направляя в Москву сведения о сотрудниках, Г. И. Федянин писал начальнику отдела кадров УГА Арапову: «Вторично прошу Вас прислать двух ст[арших] научных сотрудников Госархива, т. к. без них сдвинуть научную работу с мертвой точки нельзя. Мне пришлось все создавать и делать заново (Вам это известно больше всех), но найти ст[арших] научных сотрудников на месте я не могу и это невозможно» [3, л. 45].

Сведения о работниках, активно участвовавших в восстановлении работы архивов и сборе документов в Воронеже и Воронежской области, скудны. Исключением может стать лишь Антон Иванович Башта (1894–1977), командир истребительного батальона, занявший должность начальника Отдела госархивов в феврале 1944 г., жизненный путь которого отражен в литературе. Как отмечается, в освобожденном Воронеже он спасал от гибели книги, редкие издания, рукописи и документальные материалы, которые затем передавал в Государственный архив Воронежской области [18]. Среди забытых работников – старший воронежский архивист Антон Петрович Родаковский (1884, с. Житковичи Минской губ. – не ранее 1966). Он служил в архивных органах с 1923 г., был обладателем многочисленных наград и премий, награжден медалями «За победу над Германией» и «30 лет Советской армии и флота» [8, л. 8, 66]. По служебной характеристике, данной ему начальником ОГА А. И. Баштой, А. П. Родаковский как методист архивного строительства считался одним из лучших в Советском Союзе [8, л. 17]. Долгое время по прибытии в освобожденный Воронеж и в послевоенные годы он жил непосредственно в бывшей Ильинской церкви, где располагалось архивохранилище № 2 Государственного архива Воронежской области, сохранившееся после боевых действий примерно наполовину (его домашний адрес совпадал с адресом архивохранилища: Севастьяновский съезд, 26). Родной брат Антона Петровича Сергей Петрович Родаковский (1882, с. Житковичи Минской губ. – 1933, Минская область) был священником, расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности в 1933 г., канонизирован как священномученик протоиерей Сергей Родаковский.

Биографических сведений о начальнике ОГА, старшем лейтенанте госбезопасности Георгии Ивановиче Федяnine разыскать не удалось². Известно лишь, что он имел воинское звание старшего лейтенанта и работал в должности начальника Отдела госархивов УНКВД ВО с 4.12.1942 г. по 10.02.1944 г. – в самое трудное время восстановления работы архивов, требовавшее напряжения всех сил [9, л. 1, 3]. В августе – сентябре 1943 г. Г. И. Федянин был председателем Воронежской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецких захватчиков [2]. 8 членов комиссии во главе с председателем, занимаясь расследованием, беседовали с пострадавшими, очевидцами, проверяли ранее составленные акты, получали и разбирали показания и заявления, вскрывали могилы жертв фашистского террора, проверяли факты злодеяний на местах, где они были совершены. 4 марта 1944 г. вышел приказ начальника УНКВД по ВО об увольнении Г. И. Федянина «как не обеспечившего руководство работой и допустившего разбазаривание государственных средств». В вину ему ставилось и то, что за 1943 г. работниками Отдела и госархива из уцелевших в архивохранилище № 2 после освобождения Воронежа документальных материалов было «разобрано и частично уложено по стеллажам только 111 тыс. единиц хранения» [12]. На наш взгляд, это заявление выглядит необоснованным, учитывая громадный ущерб, причиненный архивохранилищу,

² Его портрет среди руководителей государственной архивной службы Воронежской области см. в фотоальбоме [1].

серьезный дефицит кадров и тяжелые условия, в которых приходилось работать архивистам по освобождению города.

В феврале 1943 г. Г. И. Федянин наладил контакт с разными лицами и учреждениями для организации сбора документов. Помощь в выявлении бывших оккупационных учреждений архивистам могли оказывать органы госбезопасности. Огромная работа предстояла и по разборке частей уцелевших зданий, сбору строительных материалов, восстановлению хранилища и дома, занятого под канцелярию ОГА и Госархива. Г. И. Федянин в отчете Отдела госархивов за первую половину 1943 г. сообщал в Москву, что средств на восстановление никто не давал, и ОГА снова поднимал вопрос об этом перед Облисполкомом. Такое положение объясняется тем, что архивные учреждения, в административном порядке подчинявшиеся НКВД, находились на финансировании местных органов власти, однако в первой половине 1943 г. доказать значимость соответствующей работы начальнику Отдела не удалось.

По сбору трофейных материалов Отделом была проделана значительная работа. Для сбора вражеских материалов, документов, печатей, штампов и т. п., брошенных врагом или отбитых у него, посылались сотрудники ОГА: Г. И. Федянин предварительно выезжал в районы, подробно инструктировал людей о том, какие документы должны собираться и кому они должны быть переданы. Кроме того, в каждую фронтовую опергруппу УНКВД по ВО включался работник ОГА. На последнее обстоятельство обратил внимание Оргметодический отдел УГА НКВД СССР в Москве, и в отчете это место было подчеркнуто красным карандашом. За первое полугодие 1943 г. Г. И. Федяниным было собрано 3642 документа, которые были обработаны и сданы в УГА, а также 1800 единиц документов на Среднем Дону, 2 печати, 17 штампов, 18 советских паспортов, 150 немецких бланков паспортов, 180 разных бланков удостоверений на немецком и итальянском языках, которые были переданы 4 отделу УНКВД для оперативного использования, что принесло, по утверждению начальника ОГА, весьма полезные результаты. Старшим инспектором А. А. Кулинченко было собрано в опергруппе около 350 документов, которые были использованы на месте, а затем переданы в УГА. Старший научный сотрудник госархива А. П. Родаковский собрал по г. Воронежу до 170 документов, которые также были переданы в УГА. Научным сотрудником М. П. Башлыковой было собрано около 50 документов по вопросам разрушений и злодеяний немецких захватчиков и их сообщников [12]. Работа Отдела по концентрации документальных материалов в соответствии с приказом НКВД СССР № 057 получила оценку со стороны УГА как показательная, и главк обещал использовать опыт Воронежа для других областей [3, л. 41].

Летом 1943 г. трофейные немецкие и итальянские документы, в том числе документы итальянского командования (896 листов) и печатные материалы, собранные ОГА УНКВД по Воронежской области, были переданы Оргметодическому отделу УГА [13, л. 97]. Немецкие трофейные документы по артиллерии (1939–1942 гг.) (карты, курс артиллерийского обучения, отправные точки командования при установке батареи и др.) были переданы по акту от ОГА УНКВД Воронежской области Центральному государственному архиву Красной Армии [13, л. 83].

Помимо отправки в апреле и июле трофейных документов в Москву часть из них была передана в 5 отдел УНКГБ по Воронежской области. По этому поводу следующий начальник Отдела госархивов УНКВД Воронежской области А. И. Башта вспоминал: «Собрано было достаточно. Правда, я не знаю, кто виноват, но тот колоссальнейший материал, который был собран работниками Отдела государственных архивов Воронежской области, не подвергся обработке на месте, был отправлен в ГАУ (Главное архивное управление, до 1944 г. носившее название Управления госархивами. – М. Б.), и о результатах этой разработки я не знаю. Попало, правда, около 2 тысяч документов в оперативные отделы НКВД и НКГБ. Архивный отдел здесь прошляпил, отдал материалы и забыл о них, и теперь приходится это расхлебывать. Правда, я добился, чтобы 1-й спецотдел потрянул свои архивы и изъял все те документы, которые ему не принадлежат, а давались только для использования» [14, л. 38]. Действительно, Главархив предписывал передавать документы следственным органам только в виде копий, поскольку они относились к Государственному архивному фонду СССР. Отправка же документов в Москву была инициирована самим Главархивом, так же, как в случаях других прифронтовых областей, и была ситуативным решением. 20 апреля 1943 г. начальник УГА И. И. Никитинский и начальник Оргметодического отдела А. Ф. Горленко директивным письмом обратились к Г. И. Федянину с указанием срочно, через фельдсвязь, выслать в Управление все оставленные немецко-фашистскими войсками в г. Воронеже и Воронежской области доку-

менты [3, л. 27]. Причиной такого распоряжения могли быть большие, чем в областях РСФСР, возможности для оперативной разработки и перевода документов на русский язык.

УГА НКВД СССР оказывало некоторую практическую помощь Отделу госархивов УНКВД Воронежской области. Так, 13 марта 1943 г. по инициативе представителя УГА, старшего научного сотрудника Б. Е. Иллерицкого, находившегося в Воронеже в служебной командировке, было проведено первое производственное совещание сотрудников ОГА и Госархива ВО, на котором присутствовало 6 воронежских архивистов (Федянин, Володина, Родаковский, Чернышова, Полякова, Башлыкова). Б. Е. Иллерицкий остановился на предстоящей огромной работе архивных органов, отметив, что Отдел должен заняться сбором беспризорных и немецко-фашистских материалов, взять на учет все прибывшие и погибшие материалы, собрать материалы о зверствах захватчиков, заняться укомплектованием штата Отдела путем вызова на работу и подбора кадров на месте [4, л. 2 об. – 3]. В командировке Б. Е. Иллерицким был составлен проект решения Воронежского облисполкома о сборе советских и трофейных документов на территории Воронежа и области (Исполком обещал включить вопрос о рассмотрении проекта в повестку заседания 18 марта), составлено письмо всем начальникам районных отделов УНКВД об определении ущерба районным госархивам, собирании и учете всех документальных материалов.

Учитывая то обстоятельство, что в районных организациях бывших оккупированных районов могли оставаться документы и материалы, но руководители этих организаций, не зная об их важности и полезности, могли их уничтожать, Отдел госархивов добился того, чтобы УНКГБ, УНКВД, Обком ВКП(б), Облисполком направили инструктивные письма в районы о сдаче документов в ОГА. В директивном письме Управления НКВД секретарям РК ВКП(б), председателям райисполкомов и начальникам РО НКВД бывших оккупированных районов Воронежской области от 25 июня 1943 г. отмечалось, что в ряде районов секретари райкомов и председатели райисполкомов не только не принимали участия в сборе документов, но наоборот, давали указания об уничтожении документов путем использования их на канцелярские нужды, объясняя это тем, что на другой стороне листа можно писать [10, л. 63]. Такое явление было установлено в Радченском, Богучарском, Писаревском, Кантемировском, Россошанском, Острогжском и других районах. При этом в письме подчеркивалась важность оставленных врагом документов, которые, в том числе, помогли бы Воронежской областной комиссии в расследовании злодеяний захватчиков.

Велась работа и среди населения области: несколько докладов было прочитано начальником ОГА, а также опубликована специальная статья в областной газете «Коммуна», призывающая приносить документы [16]. Все эти мероприятия, по свидетельству Г. И. Федянина, дали в работе хорошие результаты. В газете «Коммуна» отмечалось, что своевременно собранные и обработанные специалистами документы и материалы дали бы полную характеристику германскому фашизму, его союзникам и пособникам, а также показали бы героизм советских патриотов в их борьбе с захватчиками. На хранение принимались советские приказы, листовки, плакаты, распоряжения, письма, карты и планы обороны, документы, находимые в разрушенных домах, подвалах и зданиях города и его окрестностей; германские, итальянские и другие вражеские приказы, брошюры, книги, газеты, письма, открытки, фотографии, печати, штампы, мобилизационные карточки на советских граждан, насильно направляемых в Германию на принудительные работы и др. Рабочие и служащие могли сдавать собранные документы своим руководителям и начальникам, а последним полагалось сдавать их по акту в Отдел государственных архивов. Граждане, не состоявшие на работе, могли сдавать все собранные документы по месту жительства в ближайшие отделения милиции или лично приносить в ОГА УНКВД Воронежской области по адресу Севастьяновский съезд, д. 26 [16].

В 1944 г. продолжилось собирание документальных материалов немецких захватчиков и их союзников, оставленных ими после изгнания. Всего за этот год было собрано 2809 единиц хранения, куда вошли книги, приказы, журналы, газеты и другие материалы на немецком, венгерском, итальянском и латышском языках. Работа проводилась силами аппарата инспектуры Отдела госархивов УНКВД по Воронежской области. Материалы были обнаружены в основном в южных районах области (Кантемировский, Россошанский, Михайловский, Ольховатский и др.) [12]. Собранный материал был сложен в архивохранилище, а его разработка намечена на 1945 г. В 1944–1945 гг. начальник ОГА А. И. Башта принял меры к возвращению из оперативных отделов НКВД и НКГБ всех трофейных документов и документации на дезертиров, предателей Родины, шпионов, диверсантов для их разработки и взятия на учет соответствующих лиц Отделом секретных фондов Госархива.

Таким образом, с конца 1942 г. к красноармейцам, сотрудникам органов госбезопасности и др. для сбора как фронтовых, так и оставленных врагом документов присоединились архивисты – сотрудники Отдела государственных архивов областного УНКВД и Государственного архива Воронежской области. В их задачу входил сбор и учет не обнаруженных ранее документов, концентрация документов из оперативных отделов НКВД и НКГБ, составление актов о зверствах захватчиков. Их работа проходила в обстановке сильно разрушенного города, отсутствия необходимой материально-технической базы, нехватке кадров.

Такие архивисты, как Г. И. Федянин, А. П. Родаковский, А. А. Кулинченко, М. П. Башлыкова, А. И. Башта, внесли ценный вклад в сохранение историко-документального наследия Великой Отечественной войны на воронежской земле. В трудный восстановительный период функционирования города многое зависело от личной инициативы и целеустремленности руководителя Отдела государственных архивов УНКВД, его умения организовать работу, а также от эффективного взаимодействия архивистов с вышестоящим начальством и другими ведомствами. В этих вопросах работу воронежских архивистов по сбору, обработке и использованию трофейных документов можно оценить как успешную, особенно по сбору всевозможных печатных материалов врага. Много было сделано для привлечения населения к задаче собирания документов. На опыт организации работы по сбору трофейных документов, а также документов о зверствах и разрушениях захватчиков обратило внимание Управление государственными архивами НКВД СССР в Москве. Вместе с тем время в объеме около двух первых недель после освобождения Воронежа было упущено. Здесь Воронеж занимает промежуточное положение между теми областями и республиками, куда архивисты прибывали в день освобождения или на следующий день, и областями, где сбор документов проходил намного позднее.

Список литературы

1. 100 лет Государственной архивной службе Воронежской области // Архивная служба Воронежской области / сост. В. В. Гуров, Н. Г. Воротилина. Воронеж, 2018. 200 с. URL: http://arsvo.ru/images/publikacii/ist_arh_sluzhby_voronezh_obl_dlya_interneta.pdf (дата обращения: 01.07.2024).
2. Акт Коротоякской районной комиссии ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских войск и их сообщников на территории района в период оккупации (19 сентября 1943 г.) // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: <https://victims.rusarchives.ru/akt-korotoyaskoy-rayonnoy-komissii-chgk-o-zlodeyaniyakh-nemecko-fashistskikh-voysk-i-ikh> (дата обращения: 01.07.2024).
3. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 375.
4. ГАВО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 424.
5. ГАВО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 428.
6. ГАВО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 434.
7. ГАВО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 437.
8. ГАВО. Ф. Р-98. Оп. 3ЛД. Д. 382.
9. ГАВО. Ф. Р-98. Оп. 6. Д. 109.
10. ГАВО. Ф. Р-2745. Оп. 1. Д. 3.
11. Государственный архив Воронежской области : путеводитель // Архивная служба Воронежской области / Управление делами Воронежской обл.; Казенное учреждение Воронежской обл. «Государственный архив Воронежской области». Воронеж, 2016. 738 с. URL: https://arsvo.ru/files/putevoditel_gavo.pdf (дата обращения: 01.07.2024).
12. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Коллекция документов.
13. ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1551.
14. ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1698.
15. Документы обвиняют : сб. док. о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советских территориях. Вып. II. М. : ОГИЗ; Госполитиздат, 1945. 392 с.
16. Коммуна. 17 апреля 1943 г. № 84 (4059).
17. Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М. : Наука, 1969. 430 с.
18. Манушин А. Лихой кавалерист – казак Башта // Коммуна. № 1 (26949). 10 января 2020 г. // Сетевое издание «Коммуна». URL: <https://communa.ru/obshchestvo/likhoj-kavalerist-kazak-bashta/> (дата обращения: 01.07.2024).
19. Мицак І. М. Діяльність оперативних груп Архівного управління України по збиранню документальних матеріалів (1941–1944 рр.) // Історія України: Маловідомі імена, події, факти : Зб. Статей / П. Т. Тронько та ін. (відп. ред.). К., 1999. Вип. 6. С. 204–209.
20. РГАЭ (Российский государственный архив экономики) // Рукопись монографии В. В. Цаплина «Архивы, война и оккупация». М., 1968. Ф. 777. Оп. 1. Д. 36.

21. Спаннут С. Н. О работе над путеводителем по фондам Государственного архива Воронежской области // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. Вып. 9 / Архивный отдел Воронежской обл.; Воронежское областное отделение Российского общества историков-архивистов. Воронеж : Фортуна, 2011. С. 54–58. // Архивная служба Воронежской области. URL: https://arsvo.ru/images/publikacii/vestnik_arhivista_9_dlya_interneta.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

22. Филоненко С. И. Война на Воронежской земле 1942–1943 гг. в документах Красной Армии, вермахта и войск сателлитов : в 5 т. Воронеж : Кварта, 2014–2019.

23. Цаплин В. В. Восстановление архивных фондов в период войны // Советские архивы. 1969. № 3. С. 22–29.

24. Цаплин В. В. «Я на все хочу иметь собственное мнение...». Научные труды, письма, воспоминания / отв. ред. Е. А. Тюрина, отв. исп. А. Г. Черешня, сост. М. М. Альтман, Е. Н. Калинина. М. : Древлехранилище, 2011. 611 с.

25. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88.

26. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 259.

The activity of Voronezh archivists in collecting captured documentary materials after the liberation of the city and region (1943)

Beklemisheva Maria Mikhailovna

PhD in Historical Sciences, researcher at the Center for the Study of the History of the Great Patriotic War, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer at the Department of History and Cultural Studies, Moscow Power Engineering Institute. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-6648-6395. ResearcherID: AIC-6718-2022. E-mail: mariabekl@mail.ru

Abstract. For the first time in historiography, the article examines the activities of employees of the Department of State Archives of the NKVD and the State Archive of the Voronezh Region in searching for captured documents in the liberated territory of the region. The collection of documents began in December 1942 and ended in 1944. The operational group of archivists, which arrived in Voronezh in February 1943, initially consisted of 4 people. G. I. Fedyanin, A. P. Rodakovskiy, M. P. Bashlykova, A. A. Kulinchenko and others took an active part in the work. The article is based on the materials of the fund of the Main Archival Administration of the NKVD of the USSR (GARF, F. R-5325), the Archival Department of the Voronezh Region (GAVO, F. R-98) using other unpublished and published sources. Its purpose is to highlight the measures taken by the Department of State Archives to organize this work: sending employees to the liberated areas, informing the population, and involving Soviet authorities in the work. The article indicates the ways of completing archives with discovered documents, their types and circumstances of transfer to other departments. The management of the Department's work by the Main Archival Administration of the NKVD of the USSR is highlighted. It is concluded that, despite the difficult working conditions (destroyed infrastructure, mines, lack of personnel) and lack of experience, several thousand units of storage of enemy documents and acts of atrocities of the invaders were collected. The materials of the article can become the basis for further study of a number of problems of the history of the Great Patriotic War, as well as the fate of archivists who worked in liberated Voronezh.

Keywords: captured documents, State Archives Department, Main Archival Administration of the NKVD, Voronezh Region, the Great Patriotic War.

References

1. 100 let Gosudarstvennoj arhivnoj sluzhbe Voronezhskoj oblasti – 100 years of the State Archival Service of the Voronezh region // *Arhivnaya sluzhba Voronezhskoj oblasti* – Archival Service of the Voronezh region / comp. V. V. Gurov, N. G. Vorotilina. Voronezh, 2018. 200 p. Available at: http://arsvo.ru/images/publikacii/ist_arh_sluzhby_voronezh_obl_dlya_interneta.pdf (date accessed: 01.07.2024).

2. *Akt Korotoyaxskoj rajonnoj komissii ChGK o zlodeyaniyah nemecko-fashistskih vojsk i ih soobshchnikov na territorii rajona v period okkupacii (19 sentyabrya 1943 g.)* – Act of the Korotoyax district Commission of the ChGC on the atrocities of the Nazi troops and their accomplices in the territory of the district during the occupation (September 19, 1943) // *Federal'nyj arhivnyj proekt "Prestupleniya nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naseleniya SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg."* – Federal Archival project "Crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population of the USSR during the Great Patriotic War 1941–1945". Available at: <https://victims.rusarchives.ru/akt-korotoyaxskoy-rayonnoy-komissii-chgk-o-zlodeyaniyakh-nemecko-fashistskikh-voysk-i-ikh> (date accessed: 01.07.2024)

3. SAVR (State Archive of the Voronezh Region). F. P-98. Inv. 1. File 375.

4. SAVR. F. P-98. Inv. 1. File 424.

5. SAVR. F. P-98. Inv. 1. File 428.
6. SAVR. F. P-98. Inv. 1. File 434.
7. SAVR. F. P-98. Inv. 1. File 437.
8. SAVR. F. P-98. Inv. 3LD. File 382.
9. SAVR. F. P-98. Inv. 6. File 109.
10. SAVR. F. P-2745. Inv. 1. File 3.
11. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti : putevoditel'* – The State Archive of the Voronezh Region : guide // Archival Service of the Voronezh Region / Administration of the Voronezh Region; State Institution of the Voronezh Region "The State Archive of the Voronezh Region". Voronezh, 2016. 738 p. Available at: https://arsvo.ru/files/putevoditel_gavo.pdf (date accessed: 01.07.2024).
12. SARF (State Archive of the Russian Federation). A collection of documents.
13. SARF. F. R-5325. Inv. 10. File 1551.
14. SARF. F. R-5325. Inv. 10. File 1698.
15. *Dokumenty obvinyayut : sb. dok. o chudovishchnyh prestupleniyah nemecko-fashistskih zahvatchikov na sovetskikh territoriyah. Vyp. II* – The documents accuse : coll. doc. about the monstrous crimes of the Nazi invaders in the Soviet territories. Is. II. M. OGIz; Gospolitizdat, 1945. 392 p.
16. *Kommuna* – The commune. April 17, 1943, No. 84 (4059).
17. *Maksakov V. V. Istorija i organizacija arhivnogo dela v SSSR (1917–1945 gg.)* [The history and organization of archival work in the USSR (1917–1945)]. M. Nauka (Science), 1969. 430 p.
18. *Manushin A. Lihoy kavalerist – kazak Bashta* [The dashing cavalryman – Cossack Bashta] // *Kommuna – Commune*. No. 1 (26949). January 10, 2020 // Online publication "Commune". Available at: <https://communa.ru/obshchestvo/likhoy-kavalerist-kazak-bashta-/> (date accessed: 01.07.2024).
19. *Mishchak I. M. Diyal'nist' operativnih grup Arhivnogo upravlinnya Ukraini po zbirannyu dokumental'nih materialiv (1941–1944 rr.)* [Activities of operational groups of the Archive Department of Ukraine for collecting documentary materials (1941–1944)] // *Istorija Ukraini: Malovidomi imena, podii, fakti : Zb. Statej* – Little known names, events, facts : collection of articles / P. T. Tronko et al. (editors). K., 1999. Is. 6. Pp. 204–209.
20. RSAE (Russian State Archive of Economy) // Manuscript of V. V. Tsaplin's monograph "Archives, war and occupation". M. 1968. F. 777. Inv. 1. File 36.
21. *Spannut S. N. O rabote nad putevoditelem po fondam Gosudarstvennogo arhiva Voronezhskoj oblasti* [On the work on the guide to the funds of the State Archive of the Voronezh Region] // *Voronezhskij vestnik arhivista: nauchno-informacionnyj ezhegodnik. Vyp. 9* – Voronezh Archivist's Bulletin: scientific and informational yearbook. Is. 9 / Archive Department of the Voronezh Region; Voronezh Regional Branch of the Russian Society of Historians and Archivists. Voronezh. Fortuna, 2011. Pp. 54–58. // Archival Service of the Voronezh Region. Available at: https://arsvo.ru/images/publikacii/vestnik_arhivista_9_dlya_interneta.pdf (date accessed: 01.07.2024).
22. *Filonenko S. I. Vojna na Voronezhskoj zemle 1942–1943 gg. v dokumentah Krasnoj Armii, vermahta i vojsk satellitov : v 5 t.* [The war on the Voronezh land 1942–1943 in the documents of the Red Army, the Wehrmacht and the satellite troops : in 5 vols.]. Voronezh. Kvarta, 2014–2019.
23. *Tsaplin V. V. Vosstanovlenie arhivnyh fondov v period vojny* [Restoration of archival funds during the war] // *Sovetskie arhivy* – Soviet archives. 1969. No. 3. Pp. 22–29.
24. *Tsaplin V. V. "Ya na vse hochu imet' sobstvennoe mnenie..."*. *Nauchnye trudy, pis'ma, vospominaniya* ["I want to have my own opinion on everything...". Scientific works, letters, memoirs] / ed. by E. A. Tyurina, ed. by A. G. Cheresnaya, comp. by M. M. Altman, E. N. Kalinina. M. Drevlekhreshche, 2011. 611 p.
25. CAMD (Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation). F. 32. Inv. 11306. File 88.
26. CAMD. F. 32. Inv. 11306. File 259.

Поступила в редакцию: 31.07.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Нижегородский губернский Совет народного хозяйства и кустарная промышленность в период военного коммунизма

Аксянов Алексей Сафович

главный хранитель фондов, Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Щелоковский хутор».
Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-9237-0513. E-mail: aksyanovaleksey1@yandex.ru

Аннотация. Исследование предлагает рассмотреть государственную политику в отношении кустарной и мелкой сельской промышленности в годы «военного коммунизма». Освещаются актуальные вопросы подбора форм взаимодействия советского строя и частной экономической инициативы, выразителями которой стали кустари. В фокусе внимания становление и деятельность Нижегородского губернского Совета народного хозяйства. Работа выстроена вокруг вопросов становления государственного аппарата управления кустарной промышленностью. Внимание уделено методам взаимодействия государственного аппарата с кустарями, законотворчеству в отношении кустарей, соотношению крупной индустрии и кустарного производства. Представлено место кустарной промышленности в советской экономике. Изучение особенностей политики советского руководства на местах позволило выделить региональную специфику ее воплощения, раскрыть суть ее реализации.

Целью статьи является формулирование и описание организационной структуры управления кустарной промышленностью в годы «военного коммунизма» с учетом региональной специфики; анализ перехода НГСНХ на функциональный принцип управления промышленностью губернии; уточнение локальных особенностей реализации законодательных инициатив в отношении кустарной промышленности.

Для Нижегородской губернии в годы «военного коммунизма» обрабатывающая кустарная промышленность имела стратегическое значение. Ведение боевых действий и снабжение армии требовало контроля и подчинения единому центру. Период характеризуется процессом монополизации управления и контроля кустарной промышленностью региона через различные формы. Организация Главкустпрома и губернских управлений стала проявлением политики централизации, продемонстрировала ориентир государства на консолидацию ресурсов. В ответ на это проявил себя встречный вектор, который выразился в конкуренции с местными органами управления, параллелизме работы учреждений. К концу периода методы «военного коммунизма» управления экономикой теряют свою актуальность и эффективность. Проявляется упадок промышленного производства, что провоцирует переход страны к принципам Новой экономической политики.

Ключевые слова: кустарные промыслы, кустари, военный коммунизм, совнархоз, экономика РСФСР, государственная политика, Нижегородская губерния.

В литературе, посвященной губернским Советам народного хозяйства, в основном, предлагается общая характеристика их деятельности [2; 7, с. 20; 22, с. 100–112]. Мы в нашей работе сосредоточимся на политике совнархозов в отношении кустарной промышленности. Первые годы работы Нижегородского губернского Совета народного хозяйства подробно рассмотрели в своей статье Н. Е. Хитрина и О. Н. Воропай [22, с. 100–112]. Началом деятельности Нижегородского губернского Совета народного хозяйства считается 1 апреля 1918 г.

Состав ГСНХ определялся Нижегородским губернским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Руководил органом Пленум, в который входили представители всех секций. Пленум избирал исполнительный орган – президиум с председателем. Руководил всем аппаратом председатель НГСНХ. С 1919 по 1921 г. председателем Нижегородского губернского Совета народного хозяйства был М. А. Воробьев, выходец из владимирских крестьян, бывший рабочий завода «Добровых и Набгольц», активный революционный деятель. На посту председателя М. А. Воробьев сменил А. Н. Костина.

Попытка выделить в единую структуру управление кустарной промышленностью региона предпринималась в сентябре 1918 г.: была выделена *Секция предметов массового потребления*. Первоначально орган должен был объединить все предприятия легкой промышленности, т. е. вырабатывающие предметы массового потребления. Задачи структуры выражались просто: учет, контроль и организация промышленности в этих отраслях. Первоначально секция сконцентрировала внимание на сборе данных: составление списков предприятия, включая ку-

старные и артельные; составление каталогов изделий массовой выработки; количество рабочих; мониторинг технического оснащения предприятий и артелей, необходимого сырья, состояния заказов и финансов предприятий; составление классификации и групп предприятий. В дальнейшем предполагалось «...выделить из общего целого кустарное производство и создать отдельный центр для управления последним» [14, с. 36]. Каждый отраслевой губернский отдел ГСНХ ставил перед собой задачу управления, организации и контроля кустарного производства настолько, насколько это позволяли кадровые и финансовые ресурсы. Отягчалось решение этой задачи сильной физической и организационной разрозненностью кустарей. Следовало искать возможности их объединения, укрупнения. Работа велась вокруг так называемых *Кустарных Правлений*, которые на местах контролировали работу мелких и средних производителей. Назревала необходимость централизации работы в кустарной и мелкой промышленности. Для этого было необходимо выделение отдельного управленческого органа на губернском уровне.

Большое значение придавалось кустарной деревообрабатывающей промышленности. Сказывался недостаток топлива, сырья и общее положение фабрично-заводской промышленности. Для решения проблем с топливом власть губернии обратила внимание на кустарей. В январе 1919 г. при *Гублескоме* образована специальная *кустарная Секция*. На местах, в уездах организовывались *Секции Гублескома*. Вся работа сводилась к инструкторской деятельности, выработке инструкций, составлению смет, уточнению статистики по губернии, был составлен каталог вырабатываемых изделий и произведена их расценка. Часть разрозненных кустарей удалось организовать в производственные группы. К концу 1920 г. таких было организовано 228, которые объединили 17 632 человека [8, с. 83]. *Секцией* организовано два крупных кустарных съезда в 1920 г. Параллельно с работой Секции Гублескома над теми же задачами трудились Губкустпром и отчасти Губсоюз. Во многом это отягчало развитие отрасли, создавало конфликт ведомственных интересов. Отдел горно-металлургической и металлообрабатывающей промышленности реорганизовывал производство и концентрировал мелких кустарей в Павлово и Ворсме [6, с. 39].

Оформление Губкустпрома началось в конце 1919 г. Сохранились документы *Коллегии подотдела кустарной промышленности при Нижегородском губернском земельном отделе*, за председательством П. А. Львова [19, л. 2]. Далее, всю первую половину 1920 г. функционировала Коллегия Нижегородского губернского управления по делам кустарной и мелкой промышленности, за председательством А. А. Короткова, которого 16 декабря 1920 г. на посту председателя Губкустпрома сменил И. И. Линьков [19, л. 140].

20 мая 1920 г. Вышло постановление ВСНХ и Народного комиссариата Земледелия о создании *Главного управления по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Главкустпром)*. 7 июня 1920 г. Протоколом № 1 заседания *Коллегии Нижегородского губернского управления*, под председательством Л. П. Воробьева (председатель коллегии Главкустпрома) по делам кустарной и мелкой промышленности, была предложена структура будущей организации губернского управления. Все детали ее формирования, а также направления деятельности Губкустпрома можно проследить в документе «Схема Главкустпрома», который отложился в архивах [18, л. 109]. Общее руководство учреждением отводилось Коллегии с председателем (А. А. Коротков) и секретариату. Было выделено шесть подотделов:

- Управление делами. Секретарь, делопроизводитель, регистратор и машинистка.
- Технический – улучшение способов обработки кустарных изделий, совершенствование самих изделий, техническое оборудование мастерских, устройство общественных мастерских и оборудование их станками и двигателями, переход организаций с кустарного на фабрично-заводское производство и электрификация.
- Экономический – сбор статистических сведений по кустарной промышленности и разработка их для руководства при развитии промышленности. Развитие кооперативного дела, инструктирование на местах и ведение библиотечного дела.
- Производственный (заказов и заготовок) с отделениями – по государственным заказам, военным заказам и экспортному фонду.
- Снабжения (отдел Заказов) – заготовка материалов и сырья, необходимых для производства, ведение складами материалов и готовых изделий, кустарными магазинами.
- Финансово-счетный (счетно-кассовый). Бухгалтерия и кассиры [18, л. 1].

К 20 октября 1920 г. структура была пересмотрена в сторону расширения: был добавлен седьмой *Хозяйственный отдел*. Структура приобрела заверченный вид [15, л. 34].

Официальной датой начала работы *Нижгубкустпрома* указывается 28 августа 1920 г., когда было принято Положение о Нижгубкустпроме. Так, в Протоколе № 19 от 28 августа 1920 г. обозначено, что: «...с 28 августа наконец можно считать Нижгубкустпром за аппарат Советской Власти, ведающий делами Кустарной и Мелкой промышленности в губернии и Промысловой кооперации...» [18, л. 18]. В ряде других источников указывается 25 августа 1920 г. [19, л. 5, 6]. Кустарная и мелкая промышленность губернии обрела свой специализированный аппарат управления в общей схеме управления экономикой НГСНХ. В дальнейшем его следовало только совершенствовать.

В Положении о Нижгубкустпроме дано общее направление деятельности организации: «...Управление признано единым аппаратом Советской власти в Нижегородской губернии, ведающими делами кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации» [19, л. 5]. Тем не менее Нижгубкустпром организовывался для решения практических задач. С момента оформления и на всем протяжении периода «военного коммунизма» ключевыми задачами аппарата было:

- государственного военного заказа на кустарные изделия для нужд армии;
- наполнение экспортного фонда предметами кустарных промыслов, имеющих высокую художественную ценность;
- удовлетворение потребностей людей в повседневных товарах широкого потребления.

Процесс кооперации кустарей был лейтмотивом существования Губкустпрома. Без этого невозможно было претворять в жизнь все задачи «Центра».

Важным направлением деятельности Губкустпрома было открытие показательных мастерских, школ и музеев с предметами кустарной промышленности. К примеру, 7 августа 1920 г. началась организация центральной показательной мастерской в г. Н. Новгороде при Губкустпроме [18, с. 14]. Велась образовательная и инструкторская деятельность. Так, при Профессиональном факультете Нижегородского государственного университета Кустарно-художественных курсов. Курсы были рассчитаны на 4 месяца (с 1 декабря 1920 по 1 апреля 1921 г.) на 30–40 человек для грамотных, имеющих опыт работы в кустарной промышленности мастеров [18, с. 40 об.]. Не оставалась без внимания показательно-выставочная деятельность. Зафиксированы свидетельства о слиянии Кустарного Музея Губкустпрома с историческим музеем Губотнароба и этнографическим кабинетом при Нижегородском университете. Это было сделано для организации совместного Музея местного края 8 июля 1920 г. В новое музейное образование вошли экспонаты – работы местных кустарей.

Говорить о сформированной монолитной, объединенной системой, кустарной промышленности было преждевременно. Из докладов представителей уездных кустарных союзов становится ясно, что работа кустарей отягчалась рядом факторов, среди которых:

- параллелизм по эксплуатации кустарей разными учреждениями и организациями (Совнархозами, Главками, Центрами);
- недостаток доступного сырья;
- трудности со сбытом, поскольку: «они [кустари] охотно сдают тем учреждениям и организациям, которые им дороже платят или снабжают продовольствием или предметами домашнего обихода, вследствие чего цены на изделия спекулятивно взвинчиваются» [18, с. 5 об.];
- дезорганизация в работе кустарей из-за отвлечения их на обязательные трудовые, гужевые и прочие повинности;
- вывоз некоторых категорий изделий из губернии в соседние по причине более выгодного сбыта.

К середине 1920 г. (25 августа 1920 г.) в общей схеме управления экономикой НГСНХ выделяется отдельный аппарат управления, организации и контроля кустарной и мелкой промышленности губернии. Формируются отделы и подотделы учреждения, расширяется сеть подведомственных организаций по уездам. Отлаживается межведомственная связь с Главками и прочими отделами НГСНХ.

К концу 1920 г. НГСНХ приобрел разветвленную структуру. Главным, руководящим органом оставался Президиум из 3–5 лиц. Далее условные подразделения, обеспечивающие общие параметры работы: Секретариат и Главная Бухгалтерия (Финсчет) и Часть Снабжения (отдел общего снабжения). Затем следовали отраслевые отделы, всего 20 единиц: Губкож, Губтекстиль, Губутиль, Губметалл, Химический отдел, Гуммука, Губмех, Губщетина, Трамол, Пожарно-страховой отдел, Комгосоор, Автосекция, Губкустпром, Губвоензаг, Полиграфотдел, Губторф, Государственный технический надзор, Губэлектро, Топливный отдел, Губодежда.

Каждый из отделов имел свое уникальное построение, в соответствии с целями и задачами перед ним стоявшими. Некоторые, к примеру, Губщетина, располагали скромным штатом и соответственно упрощенной иерархией. Иные, особо ценные и, как правило проблемные отрасли, обрастали большим количеством подотделов и секций. Лидерами по этому параметру были Металлотдел, Губкода, Химотдел. В структуре также прослеживается принцип разделения по материалу. Существенным отличием и по содержанию, и по форме становится общегубернский масштаб отделов. НГСНХ расширял свое влияние.

В каждом из уездов управлением промышленностью занимался *Уездный Совет народного хозяйства (УСНХ)*. Они имели и другое название – *Экономический отдел (Экономотдел)*. В свою очередь им были подведомственны *производственные отделы*. УСНХ трудились под подчинением Губернского Совета и должны были управлять производственной жизнью уездной промышленности.

Повышенный интерес к работе УСНХ возник во второй половине 1919 г. В это время Президиумом НГСНХ была проведена ревизия большинства уездов Нижегородской губернии: Нижегородский, Воскресенский, Васильский, Макарьевский, Павловский, Семеновский, Балахнинский и т. д. Результаты показали, что состояние предприятий на местах плохое, управление хозяйственной жизнью на низком уровне. Логичным следствием стало решение о передаче части крупных кустарных объединений в управление напрямую губернским отделам НГСНХ.

Семеновский отдел металлов и Нижегородский экономотдел были упразднены, а Краснораменские (около 1300 человек) и Безводненские кустари перешли под контроль губернского отдела металлов [10, с. 7]. В ведении Уездных экономических отделов оставались только мелкие предприятия, обеспечивающие потребность местных жителей: в Семеновском, Балахнинском, Воскресенском, Городецком и Козьмодемьянском уездах. Та же участь ждала валяно-сапожную промышленность, которая была помещена в ведение Губтекстиля.

Требовал внимания и Павловский район. Ко второй половине 1919 г. проявил себя упадок в работе местных кустарей. Изначально здесь работал Профессиональный Союз, затем отделение Продрасмета, которое концентрировало внимание только на закупке металла и скупке изделий у местных кустарей. Управление фабриками велось фабрично-заводскими комитетами разрозненно. После ревизии 23 августа 1919 г. было принято решение о создании кустовых (кустарных) управлений и объединении их в Райметалл, который проработал весь 1920 г. [5, с. 14]. В конечном счете район был передан в управление ГСНХ. Смена управляющих органов подрывала промышленный потенциал района.

Кооперация кустарей. По всей России в 1917 г. насчитывалось около 4600 кустарей, из которых только по 40 губерниям Европейской части страны и 4 губерниям Сибири 1,7 миллиона человек занимались обработкой растительного и животного волокна. Только учтенные мелкие и кустарные предприятия вырабатывали 27 % стоимости продукции, выпускаемой всеми отраслями промышленности [1, с. 5]. Около 65 % в кожевенном производстве составляли заводы мелкокустарного типа с выделкой до 250 кож в месяц [20, с. 19].

Управление и контроль столь значительной массы мелких производителей был возможен только через их организацию в крупные структурные единицы. Для реализации указанного законодательного акта при ВСНХ был учрежден *Отдел кооперации (Кооперативный отдел)*. Было разработано положение Отдела, где четко прописывался состав и полномочия органа. Основными функциями отдела были: сбор данных по вопросу кооперации в стране; выработка законопроектов; составление заключений по всем законопроектам и распоряжениям в отношении кооперации; издание инструкций; контроль за осуществлением декрета от 12 апреля 1918 г.; установление сроков отчетности кооперативных обществ и установление порядка регистрации кооперативных организаций [10, с. 29].

Циркуляром ВСНХ от 18 мая 1918 г. [12, с. 347] было предписано при всех губернских *Советах Народного хозяйства (СНХ)* организовывать *Кооперативные отделы*. Существовала соответствующая инструкция. Ключевыми задачами Отделов стали: организация регистрации кооперативов, согласно инструкции ВСНХ; учет существующих и вновь возникающих кооперативов; распределение районов их деятельности и привлечение их к участию в продовольственных организациях; сбор статистических сведений о развитии кооперации; наблюдение за реализацией декрета на местах; контроль и ревизия отчетности потребительской кооперации; установление взаимоотношений между потребкооперацией и правительственными органами (т. е. все жалобы и запросы кооперативов должны были направляться в местные От-

дела СНХ). В состав Кооперативного отдела должны были входить представители Советских организаций и представители кооперации.

Регистрация кооперативных товариществ и их союзов возлагалась на особые *Комиссии при губернских СНХ*. В ведение комиссий переходили все дела и архивы окружных судов по регистрации кооперативных товариществ. Регистрация уставов должна была производиться на основании еще дореволюционного законодательства – закона от 20 марта 1917 г. «О регистрации товариществ, обществ и союзов», декрета о потребительских организациях от 12 апреля 1918 г. и правил о регистрации от 21 июня 1917 г. [13, с. 20]. Данные документы не изменялись по причине закрытия окружных судов (судебных палат и сената), куда ранее поступали уставы кооперативов для регистрации.

Процедуру регистрации кооперативных товариществ и их Союзов регистрационными Комиссиями регламентировала инструкция [13, с. 23–32]. Все документы кооператива, а именно уставы, изменения, дополнения должны были предоставляться в комиссию в 5 экземплярах (по одному в местную кооперативную организацию, Кооперативный Отдел ВСНХ, в Совет Всероссийских кооперативных съездов). При этом если Комиссия отказала в регистрации устава кооператива, она должна была составить *мотивированный отказ* и также направить его в Кооперативный отдел ВСНХ [16, с. 524].

Все уставы кооперативов и изменения к ним должны были пройти верификацию по формальным и содержательным признакам. Для этого регистрационная комиссия должна была получить *Отзыв* соответствия регистрируемых уставов в местных Кооперативных организациях (Советами Съездов представителей кооперативных учреждений либо коллегией из представителей местных кооперативных объединений). Для потребительных обществ выдача отзыва осуществлялась местным Союзом потребительных обществ. Союзы кооперативов должны были получить отзыв от Всероссийского центрального Союза потребительных Обществ или Всероссийского Совета Рабочей кооперации. Объемная процедура, учитывая количество кооперативов и количественное и качественное наполнение кадров органов контроля.

Первая попытка, с позиций советского законодательства, упорядочить регистрацию кооперативов и ввести их в легальное поле была предпринята в 1918 г. Правовой механизм был направлен в первую очередь на те кооперативы, которые возникли после Октябрьской революции, за сравнительно небольшой отрезок времени: с момента прекращения работы окружных судов (упразднены Декретом «О суде» от 22 ноября 1917 г.) [3, с. 85] и до издания правил регистрации кооперативов и их союзов от 29 мая 1918 г. В этот период возникло много кооперативов, которые не соответствовали требованиям советской власти: не имели регистрации вовсе; были зарегистрированы в учреждениях, не имевших на то юридического права, к примеру, в местных Совдепах; по виду экономической деятельности были частнокапиталистическими, спекулятивными организациями. С целью устранения сложившейся неразберихи и установления контроля над процессом кооперации Кооперативный отдел ВСНХ обязывал все кооперативные объединения, возникшие до 29 мая 1918 г. и не зарегистрированные в Регистрационных отделениях бывших Окружных судов, в месячный срок предоставить в Кооперативный отдел ВСНХ по одному экземпляру уставов, а также сведения о количестве членов и в какое кооперативное объединение входит организация. Все местные учреждения, в которых производилась регистрация кооперативов, также должны были предоставить список всех кооперативных организаций, которые были зарегистрированы за данный отрезок времени.

Следующим логичным шагом выстраивания вертикали кооперативного управления стало Постановление ВСНХ об изменении ст. 11 постановления «О кооперативных товариществах и их Союзах» от 26 сентября 1918 г. Как было отмечено выше, Кооперативные организации действовали на основании декрета о Потребительской кооперации и кооперативного закона от 20 марта 1917 г., поскольку последний не был отменен. Данная норма была обращена на кооперативы, образованные до 20 марта 1917 г., то есть до издания Постановления Временного правительства. Всем кооперативным объединениям и их союзам до указанной даты Постановления и имеющих утвержденные уставы следовало пройти процедуру перерегистрации в *Кооперативных отделах СНХ* не позднее 1 января 1919 г. [16, с. 977]. Таким шагом Советское правительство выводило из тени еще одну большую группу кооперативов.

Ввиду того, что огромное количество жалоб и ходатайств поступило в ВСНХ от кооперативных отделов местных СНК, союзов и различных кооперативных учреждений, Кооперативному отделу ВСНХ пришлось продлить срок перехода на новые уставы до 1 апреля 1919 г. Ко-

оперативы, которые не смогли подать документы в указанный срок, соответствующие 1 ст. закона от 20 марта 1917 г., закрывались [12, с. 222]. Постепенно, шаг за шагом, из тени советского законодательства выводились группы кооперативов, которые ввиду исторического контекста оказались в правовом вакууме: кооперативы, образованные до 20 марта 1917 г. (до революционных событий); кооперативы, созданные с 20 марта 1917 г. до 29 мая 1918 г. (первый год строительства советского государства); кооперативы, созданные после 29 мая 1918 г. (новые кооперативы). Перечень принимаемых правовых норм демонстрирует тенденцию к формированию централизованной вертикали управления кустарной промышленностью.

Важной вехой в вопросе кооперации стало структурное общереспубликанское преобразование. Постановлением ВСНХ от 21 июля 1919 г. «Об управлении по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности при Высшем Народном Совете (Положение)» Кооперативный отдел при ВСНХ был преобразован в Управление по делам кооперации (трудовых, производительных, посреднических, сельскохозяйственных кооперативов и товариществ ответственного труда), кустарной и мелкой промышленности. Новый орган должен был наладить работу всех действовавших в стране Главков, Центров и местных СНХ по вопросу кустарной и мелкой промышленности. Фактически из ведения структуры были выведены потребительская и кредитная кооперация, что было сделано с явным акцентом на большее развитие промысловой и кустарной. Во многом функции оставались прежние:

- разработки проектов декретов, издания циркуляров, инструкций, дает заключение по проектам декретов, других ведомств, касающихся кооперации кустарной и мелкой промышленности;

- оказание содействия по приобретению сырья, орудий производства и сбыте товаров кустарного производства;

- регистрация всероссийских и областных союзов кооперативов;

- осуществление общего контроля по реализации декретов и постановлений центральных органов в вопросе кустарной и мелкой кооперации.

Национализация и кустарная промышленность. Рассматривая кооперацию кустарей, невозможно обойти проблему национализации, т. е. процедуру перехода права собственности из частных владений в государственное средство производства. Важной точкой в истории хозяйственной жизни стал Декрет о национализации промышленности от 28 июня 1918 г. По всей стране национализация предприятий. Выше упоминалось явление «вынужденной национализации», которая была вызвана рисками социального волнения. Еще одним важным фактором изъятия предприятий в государственную собственность стала продолжающаяся гражданская война, которая диктовала необходимость в контроле ключевых для военных нужд предприятий: упор делался на металлообрабатывающие и топливные заводы и фабрики.

Этот период отмечен конкуренцией НГСНХ с Главками за право управления промышленностью региона. Сам НГСНХ принимал активное участие в национализации промышленности региона. Многие предприятия, находящиеся в ведении НГСНХ, еще долгое время формально и юридически оставались ненационализированными. Губернские власти проявляли расторопность в вопросе изъятия собственности. Неразборчивость и бессистемность, излишняя инициативность на местах приводили к незапланированным результатам: в лоно государственного управления и контроля попадали явно убыточные предприятия, ускользали крупные прибыльные, к тому же национализация стала затрагивать те предприятия, которые не должна была, к примеру, некоторые кустарные и мелкие сельские заведения.

Здесь важно подчеркнуть, что для кустарной промышленности и кооперации национализация не предполагалась: «Не подлежат переходу в собственность Республики предприятия, принадлежащие потребительским кооперативным обществам и товариществам и их объединениям» [4].

Декрет ВЦИК и СНХ от 26 апреля 1919 г. «О мерах содействия кустарной промышленности» предполагал, что все предприятия кустарной и мелкой промышленности не подлежали национализации в какой-либо форме, только в исключительных случаях. Документ ценен тем, что приводит расшифровку, какие именно предприятия считать кустарной промышленностью: «...кустарные трудовые артели, так и предприятия отдельных кустарей, обслуживаемые их личным трудом. Мелкопромышленными предприятиями признаются предприятия, имеющие не свыше пяти наемных рабочих, с двигателем или десяти без двигателя...» [12, с. 743]. Далее очерчивалась граница полномочий государственной власти в вопросах развития кустарной промышленности. Для устранения затруднений при применении декрета ВСНХ были выпущены разъясняющие инструкции [12, с. 163–164].

В целом конец 1919 – начало 1920 гг. период, отмеченный тенденцией к укрупнению мелких кустарных предприятий и трудовых артелей по всей Нижегородской области. Катализатором этих процессов отчасти стало противостояние Главков и Губернских Советов народного хозяйства. После изъятия крупных предприятий под контроль Управлений ВСНХ, губернским органам оставалось пристальней обращать внимание на кустарей и промыслы в целом. Так, в Семеновском уезде 68 предприятий и артелей были объединены в 13 кустовых управлений. В дальнейшем эта тенденция закрепилась. Мелкие предприятия по возможности прикреплялись к фабрикам, крупные образования поглощали мелкие. В сапога-валяльно промысле Балахны и Семенова 7 фабрик, 13 мелких предприятий и 1 валяно-сапожный Союз укрупнились в 6 Кустовых управлений [9, с. 28].

Очередным витком усиления централизации в вопросе кооперации стал Декрет СНК от 29 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций». К основным задачам документа относилось: широкое содействие производственным кооперациям, поощрение высших форм земледелия и промыслов, централизация кооперативного движения. Выстроенная на начало 1920 г. существующая организация кооперативного движения была разделенная на многие очаги управления, разрозненные по составу и строению без четкого разграничения по деятельности. Кооперативная система не отвечала нуждам исторического момента. Для усиления контроля, организации и управления распределения продуктов и их заготовок следовало идти по пути централизации.

Декрет 29 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» предполагал: во-первых, кредитные и ссудо-сберегательные, промышленные и сельскохозяйственные кооперации, а также их районные, губернские и областные союзы влить в состав находящихся в той же местности *потребительских обществ* и их союзов. Во-вторых, Всероссийский центр сельскохозяйственных, промысловых и прочих коопераций слить с *Центросоюзом* на правах отдельных секций. В-третьих, при Народном комиссариате продовольствия был образован *Главный комитет по кооперативным делам*. Данный орган должен был возглавить работу по слиянию указанных выше структур [15, с. 35–36]. В дальнейшем *Декретом СНК от 27 января 1920 г. «О ликвидации Советов кооперативных съездов»* Центросоюз «поглотит» общеккооперативный центр в лице Совета всероссийских кооперативных съездов и его губернские советы [15, с. 36].

Огосударствление кооперации продолжилось. В дальнейшем для разъяснения четкой административной вертикали подчинения был дополнительно издан Декрет «О сельскохозяйственных и промысловых кооперативных организациях» от 19 апреля 1920 г. [15, с. 209–210]. Кооперативы первой степени объединялись в районном, губернском (областном) и всероссийском масштабе в автономные секции соответствующих союзов потребительских обществ. Последние находились под контролем государственных органов Народного комиссариата продовольствия, ВСНХ, Народного комиссариата земледелия и т. п. Основной задачей данного усовершенствования организационной структуры кооперации был контроль за производством определенных продуктов, сбор производственной продукции для передачи государственным органам.

По мнению Чичулина А. В., методы «военного коммунизма» не допускали иного отношения к кооперации. В условиях затянувшихся войн: отсутствия рынка, товарно-денежных отношений, продрозверстки, централизации производства и распределения «...кооперация могла существовать исключительно как государственная отрасль, иначе... ее ждала ликвидация...» [21, с. 41].

Для кустарной промышленности одним из ключевых моментов стало издание постановления ВСНХ и Народного комиссариата Земледелия от 20 мая 1920 г. Создается *Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Главкустпром)*. Основные задачи нового органа обозначались в Положении организации: «плановое регулирование и организация кустарной, мелкой и ремесленной промышленности в целях наилучшего использования ее в интересах государства...» [17, с. 325]. На местах органами Главкустпромы становились Отделы кустарной и мелкой промышленности при ГСНХ и Губернском Земельном отделе. Подробно деятельность Главкустпромы описана в 5 параграфе Положения. Главкустпром должен был стать ключевым органом, замыкающим на себе всю вертикаль управления кустарной и мелкой промышленностью: «Все распоряжения Главкустпрома, касающиеся регулирования, развития и организации кустарной и мелкой промышленности и деятельности промысловой кооперации, являются обязательными, подлежащими

неуклонному исполнению как частными предприятиями и лицами, так и общественными и правительственными организациями» [17, с. 326]. Факт появления Главкустпрома означал очередной виток централизации. В документе подчеркивается главенствующая роль Главкустпрома перед местным ГСНХ: «Местным Губернским Советам Народного Хозяйства предоставляется право таксировать цены на вышеуказанные изделия, немедленно уведомляя Главкустаром... Губернские Советы Народного Хозяйства в отдельных случаях с предварительного утверждения Главкустпрома могут изымать отдельные категории изделий... Вся деятельность... кустарей, так и их объединений подчиняется общему контролю и руководству Главкустпрома...» [13, с. 177]. Посредническая торговля запрещалась. Регистрация кустарей сельской местности возлагалась на *Волостные исполнительные комитеты*, в городах на *Кооперативно-кустарные отделы СНХ*.

Декрет СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г. «О регулировании кустарных промыслов и национализированной промышленности» определял оборот кустарной и ремесленной продукции, уточнял зафиксированные в декрете от 26 апреля 1919 г. отличительные черты кустарной промышленности. Вся кустарная деятельность должна была подчиняться контролю и руководству Главкустпрома и его местных органов.

Кустарные предприятия, аффилированные с государством или государственными предприятиями, были: «...обязаны принимать к исполнению все предлагаемые им заказы государственных органов» [11, с. 176]. В то же время по Декрету кустари могли работать на свободный рынок: «...изделия, изготовленные кустарями по отдельным заказам частных лиц из материалов, им принадлежащих, и заказываемые ими для личного потребления, сдаче не подлежат» [13, с. 177]. Борьба с перекупщиками в кустарной промышленности имела важное значение. Закон разрешал торговлю только непосредственным производителям изделий и их кооперативным объединениям. Посредническая торговля попадала под запрет. В дальнейшем, уже в период НЭПа, борьба с частным капиталом в кустарной промышленности станет одной из важнейших задач советской власти.

Период 1920 г. вплоть до введения Новой экономической политики определяется как время распространения Главкизма. Попытка тотальной централизации промышленности страны; конкуренция центральных органов управления промышленностью и местных Советов народного хозяйства – основные характеристики данного временного отрезка. Конкуренция центральных и местных органов управления ярко проявила себя в споре ГСНХ с Главметаллом за Павловский металлообрабатывающий район, который после долгих споров в 1920 г. перешел под управление НГСНХ постановлением ВСНХ [5, с. 12]. Главкизм сойдет с политической арены в 1921 г. после VIII съезда Советов, а окончательно отомрет как рудимент после введения Новой экономической политики, уступив место трестам как основной хозяйственной единице.

Для кустарной и мелкой сельской промышленности время «военного коммунизма» очередной, уникальный этап развития. Отсюда вытекает спектр актуальных вопросов – поиски форм взаимодействия государства и частной экономической инициативы, методы работы с кустарями, адаптация значительного класса мелких собственников под основы социалистического строительства в экономике, соотношение крупной индустрии и кустарного производства и т. п. Опыт взаимодействия советского государства, структур РКП (б) с отраслью кустарной промышленности уникален. Совершенные ошибки, кризисы и пути выхода из них позволяют глубже осознать значение исторического контекста эпохи и сделать практические выводы.

Список литературы

1. Вестник промысловой кооперации. 1923. № 1. С. 5.
2. Вуколова К. А. Губернские советы народного хозяйства на Южном Урале (1919–1923 гг.) : дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 23 с.
3. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Политиздат, 1957. С. 85.
4. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 30 (17) июня 1918 г. СУ РСФСР. 1918. № 47. Ст. 559. URL: <https://istmat.org/node/30542> (дата обращения: 10.09.2024).
5. Краткий исторический обзор (деятельности Нижегородского губернского Совета народного хозяйства за 1918–1922 гг.). Нижегородская местная промышленность 1923–1924 гг. Н. Новгород, 1925 г. С. 14.
6. Мирошин С. Осуществление очередных задач Отдела горно-металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Нижегородская местная промышленность 1923–1924 гг. Н. Новгород, 1925. С. 39.

7. Морозов В. Ю. Советы народного хозяйства Среднего Поволжья в 1918–1920 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 20 с.
8. Нижегородская губерния. Совет народного хозяйства. Обзор промышленности Нижегородской губернии: (Отчет Ниж. Губ. сов. нар. хоз.) за 1918–1920 гг. / под ред. М. А. Воробьева. Нижний Новгород, 1921. С. 83.
9. Обзор промышленности Нижегородской губернии (Отчет Ниж. губ. сов. нар. хоз.) за 1918–1920 гг. / под ред. М. А. Воробьева. Тип. № 2, НГСНХ, Н. Новгород. 1921. С. 28.
10. РСФСР. Законы и постановления. Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству / под ред. Юрид. отдела ВСНХ. М. : Высший совет народного хозяйства, 1918–1921. Вып. 1: (25 октября 1917 г. – 25 октября 1918 г.). 1918. XXXIX. С. 29.
11. Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917–1920 гг. М. : Госиздат, 1922. С. 176.
12. Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству. Издание Высшего Совета народного хозяйства: в 3 вып. / под ред. Юридического отдела В.С.Н.Х. Вып. 2. (25 октября 1918 г. – 15 марта 1919 г.). С. 222.
13. Сборник декретов, постановлений, инструкций Высшего Совета Народного Хозяйства по кооперации / Редак. журн. «Народное Хозяйство». М. : Б. и., 1918. С. 20.
14. Секция предметов массового потребления. Нижегородская местная промышленность 1923–1924 гг. Н. Новгород, 1925. С. 36.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 35–36.
16. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 г. М., 1942. С. 524.
17. Спиринов Н. В. Политика КПСС в области развития товаров народного потребления : монография. М. : Высшая школа, 1980. С. 19.
18. Статья № 218. Постановление Высшего Совета Народного Хозяйства и Народного Комиссариата Земледелия. О Главном Управлении по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Положение). Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 325.
19. ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 1.
20. ЦАНО. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 2.
21. Чичулин А. В. Советское кооперативное законодательство на пути огосударствления кооперации (1917–1931 гг.) // Вестник ТГПУ. 2007. № 3. С. 41.
22. Хитрина Н. Е., Воронин О. Н. К истории возникновения Нижегородского совнархоза (1917–1918 гг.). Вопросы истории и истории культуры Нижегородского Поволжья. С. 100–112.

Nizhny Novgorod Provincial Council of National Economy and Handicraft Industry during the Period of War Communism

Aksyanov Alexey Safovich

chief curator of funds, "Shchelokovsky Khutor" Architectural and Ethnographic Museum-Reserve. Russia,
Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-9237-0513. E-mail: aksyanovaleksey1@yandex.ru

Abstract. The study suggests examining government policy towards artisanal and small rural industries during the years of "war communism". The current issues of the selection of forms of interaction between the Soviet system and private economic initiative, which were expressed by artisans, are highlighted. The focus is on the formation and activities of the Nizhny Novgorod Provincial Council of National Economy. The work is built around the issues of the formation of the state administration of the handicraft industry. Attention is paid to the methods of interaction of the state apparatus with handicrafts, lawmaking in relation to handicrafts, the ratio of large-scale industry and handicraft production. The place of handicraft industry in the Soviet economy is presented. Studying the specifics of the Soviet leadership's policy on the ground made it possible to identify the regional specifics of its implementation and reveal the essence of its implementation.

The purpose of the article is to formulate and describe the organizational structure of the handicraft industry management during the years of "war communism", taking into account regional specifics; to analyze the transition of the NHS to the functional principle of industrial management in the province; to clarify the local features of the implementation of legislative initiatives in relation to the handicraft industry.

During the years of "war communism" in Nizhny Novgorod province, the handicraft industry was of strategic importance. The conduct of military operations and the supply of the army required control and subordination to a single center. The period is characterized by the process of monopolization of management and control of the artisanal industry in the region through various forms. The organization of Glavkustprom and pro-

vincial administrations became a manifestation of the policy of centralization, demonstrated the orientation of the state towards the consolidation of resources. In response, a counter vector manifested itself, which was expressed in competition with local governments and the parallelism of the institutions' work. By the end of the period, the methods of "war communism" in economic management were losing their relevance and effectiveness. There is a decline in industrial production, which provokes the country's transition to the principles of a New Economic Policy.

Keywords: handicrafts, handicraftsmen, war communism, Council of National Economy, economy of the RSFSR, state policy, Nizhny Novgorod province.

References

1. *Vestnik promyslovoj kooperacii* – Herald of commercial cooperation. 1923. No. 1. P. 5.
2. *Vukolova K. A. Gubernskie sovety narodnogo hozyajstva na Yuzhnom Urale (1919–1923 gg.) : diss. ... kand. ist. nauk* [Provincial councils of national economy in the Southern Urals (1919–1923) : diss. of the PhD in Historical Sciences]. Yekaterinburg, 2015. 23 p.
3. Decrees of Soviet power. Vol. I. October 25, 1917 – March 16, 1918. M. Politizdat, 1957. P. 85. (in Russ.).
4. *Izvestiya Vserossijskogo Central'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta Sovetov ot 30 (17) iyunya 1918 g.* – Proceedings of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets of June 30 (17), 1918. SU RSFSR. 1918. No. 47. Art. 559. Available at: <https://istmat.org/node/30542> (date accessed: 10.09.2024).
5. *Kratkij istoricheskij obzor (deyatelnosti Nizhegorodskogo gubernskogo Soveta narodnogo hozyajstva za 1918–1922 gg.). Nizhegorodskaya mestnaya promyshlennost' 1923–1924 gg.* – A brief historical overview (of the activities of the Nizhny Novgorod Provincial Council of National Economy in 1918–1922). Nizhny Novgorod local industry 1923–1924. Nizhny Novgorod, 1925. P. 14.
6. *Miroshin S. Osushchestvlenie ocherednyh zadach Otdela gorno-metallurgicheskoy i metalloobrabatyvayushchej promyshlennosti. Nizhegorodskaya mestnaya promyshlennost' 1923–1924 gg.* [Implementation of the next tasks of the Mining, metallurgical and metalworking Industry Department. Nizhny Novgorod local industry 1923–1924]. Nizhny Novgorod, 1925. P. 39.
7. *Morozov V. Yu. Sovety narodnogo hozyajstva Srednego Povolzh'ya v 1918–1920 gg. : diss. ... kand. ist. nauk.* [Soviets of the national economy of the Middle Volga region in 1918–1920 : diss. ... of the PhD in Historical Sciences]. Samara, 2000. 20 p.
8. *Nizhegorodskaya guberniya. Sovet narodnogo hozyajstva. Obzor promyshlennosti Nizhegorodskoj gubernii: (Otchet Nizh. Gub. sov. nar. hoz.) za 1918–1920 gg.* – Nizhny Novgorod province. The Council of National Economy. An overview of the industry of the Nizhny Novgorod province: (Report of the Lower Gubernatorial Soviet household) for 1918–1920 / ed. by M. A. Vorobyov. Nizhny Novgorod, 1921. P. 83.
9. *Obzor promyshlennosti Nizhegorodskoj gubernii (Otchet Nizh. gub. sov. nar. hoz.) za 1918–1920 gg.* – Review of the industry of the Nizhny Novgorod province (Report of the Lower Gubernatorial Council of Agricultural Enterprises) for 1918–1920 / ed. by M. A. Vorobyov. Typ. No. 2, NGSNH, N. Novgorod. 1921. P. 28.
10. The RSFSR. Laws and regulations. Collection of decrees and resolutions on national economy / ed. by Jurid. Department of Supreme Council of National Economy. M. The Supreme Council of National Economy, 1918–1921. Is. 1: (October 25, 1917 – October 25, 1918). 1918. XXXIX. P. 29 (in Russ.).
11. Collection of decrees and resolutions on the People's Commissariat of Agriculture. 1917–1920. M. Gosizdat, 1922. P. 176. (in Russ.).
12. Collection of decrees and resolutions on national economy. Edition of the Supreme Council of the National Economy: in 3 is. / ed. by Jurid. Department of the Supreme Council of the National Economy. Is. 2. (October 25, 1918 – March 15, 1919). P. 222. (in Russ.).
13. Collection of decrees, resolutions, instructions of the Supreme Council of the National Economy on Cooperation / Ed. journal. "National Economy". M. Without publ., 1918. P. 20. (in Russ.).
14. *Sekciya predmetov massovogo potrebleniya. Nizhegorodskaya mestnaya promyshlennost' 1923–1924 gg.* – Section of consumer goods. Nizhny Novgorod local industry 1923–1924. Nizhny Novgorod, 1925. P. 36.
15. Collection of laws and orders of the government for 1920. Administration of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. M. 1943. Pp. 35–36. (in Russ.).
16. Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government for 1917–1918. M. 1942. P. 524. (in Russ.).
17. *Spirin N. V. Politika KPSS v oblasti razvitiya tovarov narodnogo potrebleniya : monografiya* [The policy of the CPSU in the development of consumer goods : a monograph]. M. Vyshsaya Shkola (Higher School), 1980. Pp. 19.
18. Article No. 218. Resolution of the Supreme Council of National Economy and the People's Commissariat of Agriculture. About the General Directorate for Handicraft and Small Industry and Commercial Cooperation (Regulations). Collection of laws and government orders for 1920. Administration of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. M. 1943. P. 325. (in Russ.).
19. CANNR (Central Archive of the Nizhny Novgorod region). F. P-226. Inv. 1. File 1.
20. CANNR. F. P-226. Inv. 1. File 2.
21. *Chichulin A. V. Sovetskoe kooperativnoe zakonodatel'stvo na puti ogosudarstvleniya kooperacii (1917–1931 gg.)* [Soviet cooperative legislation on the path of nationalization of cooperation (1917–1931)] // Herald of TSPU. 2007. No. 3. P. 41.

22. Hitrina N. E., Voropaj O. N. *K istorii vzniknoveniya Nizhegorodskogo sovnarhoza (1917–1918 gg.). Voprosy istorii i istorii kul'tury Nizhegorodskogo Povolzh'ya* [On the history of the emergence of the Nizhny Novgorod Council of National Economy (1917–1918). Questions of history and cultural history of the Nizhny Novgorod Volga region]. Pp. 100–112.

Поступила в редакцию: 17.09.2024

Принята к публикации: 12.12.2024

Вклад 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД в победу под Сталинградом

Стрельников Максим Александрович

ассистент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет. Россия, г. Волгоград. ORCID: 0000-0002-8371-8127. ResearcherID: ACA-5983-2022.
E-mail: ma_strelnikov@volsu.ru

Аннотация. Тема деятельности Народного комиссариата внутренних дел СССР до сих пор вызывает в обществе жаркие дискуссии. Это тесно связано с вопросом о демаркации границы между историей и политикой. Однако для научного сознания любые «темные» или «белые» стороны различных исторических феноменов не имеют существенного значения в ценностном плане, поскольку в науке есть четкая установка на объективность исследования. В этой связи необходимость изучения вопроса деятельности НКВД в период Великой Отечественной войны позволяет дать, во-первых, непредвзятый взгляд на нее, во-вторых, позволяет раскрыть еще одну сторону этого конфликта, а в-третьих, имеет прикладное значение – применение современных аналогов данных органов для решения подобных задач.

Целью исследования является определить вклад 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД в победу под Сталинградом. Предметом исследования является деятельность 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД в Сталинградской битве. Данная статья является продолжением авторских изысканий. В ней были рассмотрены основные элементы деятельности соединения в указанном сражении, определены их особенности. Было выявлено, что функционально у 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД были существенно расширены ее задачи, что позволило в условиях тяжелой ситуации на Сталинградском фронте удержать г. Сталинград, и т. о. это внесло существенный вклад в победу в оборонительном этапе битвы. Также были отмечены некоторые проблемы современной отечественной историографии по названной теме.

Ключевые слова: НКВД, Сталинградская битва, оборона Сталинграда, 10-я стрелковая дивизия ВВ НКВД.

Введение. Сталинградская битва является одним из крупнейших сражений как Второй мировой войны, в целом, так и Великой Отечественной войны, в частности. Ее итоги трудно переоценить. Однако вопрос участия войск НКВД в сражении хоть и известный факт, отразившийся в топонимике нынешнего г. Волгограда, но имеющий некоторые проблемные моменты. Так, современная отечественная историография имеет целый ряд сложностей, которые малое количество исследователей разрешают [12, с. 471].

Так, можно повсеместно встретить информацию об участии 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД (далее — 10-я стрелковая дивизия ВВ НКВД) [1–3, 5–7, 9, 19–20], однако описания достаточно общие и конкретных результатов, а также особенностей применения внутренних войск НКВД (далее – ВВ НКВД) не представляется, лишь цитата из представления к награждению соединения орденом Ленина [4, с. 28–34]¹. Нынешнее исследование посвящено именно этим вопросам.

Методы и материалы. В исследовании были использованы традиционные методы научного исследования как общенаучные, так и частнонаучные. В качестве основы применен принцип историзма. Также в основу изыскания положены материалы Центрального архива Министерства обороны России, а также архивов Главного управления Министерства внутренних дел России по Волгоградской области и Управления Федеральной службы безопасности России по Волгоградской области.

Результаты и их обсуждение. С июля 1942 г., т. е. начала Сталинградской битвы, и до конца августа – начала сентября 1942 г.² 10-я стрелковая дивизия ВВ НКВД выполняла свою

© Стрельников Максим Александрович, 2025

¹ Само награждение также является проблемой, поскольку авторы неверно его представляют [3, с. 12; 6, с. 75; 9, с. 7]. Подробнее см.: [12, с. 471].

² Точную дату указать невозможно, поскольку отдельные подразделения соединения вступали в боевые действия в разное время: 269-й стрелковый полк ВВ НКВД – 13 сентября 1942 г.; 270-й стрелковый полк ВВ НКВД – 13 сентября 1942 г. (не считая эпизодических столкновений 3 августа 1942 г. 6-й стрелковой роты 2-го стрелкового батальона в районе Аксай – Перегрузный); 271-й стрелковый полк ВВ НКВД –

непосредственную функцию, возложенную на ВВ НКВД – служба заграждения и охрана общественного порядка в г. Сталинграде [14, л. 108–109]. Соединение осуществляло эту деятельность в тесном взаимодействии с органами милиции Управления НКВД по Сталинградской области. Это особенно важно стало с приближением фронта к городу и объявлением осадного положения по области.

Так, формирования 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД осуществляли охрану переправ через крупные транспортные артерии Сталинградской обл., имеющие стратегическое значение – р. Волгу и Дон [12, с. 476–477]. Также отдельные формирования осуществляли охрану особо важных объектов промышленности в Ворошиловском и Ерманском р-нах г. Сталинграда [12, с. 477]. Это можно объяснить тем, что охрану иных, в т. ч. оборонных предприятий осуществляло Управление НКВД по Сталинградской обл. оперативно-боевыми группами [13, л. 46–47] и военизированными пожарными командами [8, л. 64–65 об.]³. В то же время в распоряжении Управления не было достаточных сил, чтобы обеспечить охрану всех предприятий города.

Нельзя не упомянуть, что в период 25 июля – 2 сентября 1942 г. 270-й стрелковый полк ВВ НКВД осуществлял заградительную службу по охране тыла 64-й армии, находясь в оперативном подчинении начальника войск НКВД по охране войскового тыла Сталинградского фронта. Полком было задержано 8188 военнослужащих [14, л. 108–109], из них: неорганизованно отходящих с поля боя – 5737 чел. (70,07 %), отставших от своих частей – 1666 чел. (20,35 %), не имеющих документов военнослужащих – 370 чел. (4,52 %), вышедших из окружения – 327 чел. (3,99 %), бывших в плену – 88 чел. (1,07 %).

Результатами заградительной службы и охраны тыла 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД стало задержание 72 632 чел. (военнослужащие и гражданское население) за период 13 июля – 13 сентября 1942 г. [12, с. 478]⁴.

После начала боев на окраинах и в самом городе 10-я стрелковая дивизия ВВ НКВД начала принимать в них участие. Это существенно изменило их функциональную нагрузку, хотя отдельные подразделения полков соединения продолжали первую половину сентября 1942 г. выполнять прежние задачи по охране общественного порядка в г. Сталинграде.

Нет необходимости подробно описывать по каждому подразделению соединения об их боевом применении, достаточно проследить на примере одного полка – 270-го стрелкового полка ВВ НКВД.

С 3 сентября 1942 г. полк выводится из подчинения начальника войск НКВД по охране войскового тыла Сталинградского фронта и спешно перебрасывается в батальонные районы⁵ № 2, 3 и 11 (Ерманский, ч. Дзержинского и заполотновая часть Ворошиловского р-нов г. Сталинграда) [14, л. 33]. Однако уже 7 сентября 1942 г. 3-й стрелковый батальон был переброшен из батальонного района № 11 в № 6 (Северный городок – пос. Баррикады), в этой связи формирование было передано в подчинение командира 272-го стрелкового полка ВВ НКВД [14, л. 7, 42].

Затем в течение сентября 270-й стрелковый полк ВВ НКВД часто перебрасывался на угрожающие направления для усиления, а иногда и создания обороны. Это сопровождалось частой придачей как всего полка, так и его отдельных подразделений различным соединениям Красной армии – 35-й гвардейской или 244-й стрелковым дивизиям [16, л. 16; 18, л. 69]. После же тяжелых потерь в личном составе остатки полка 21 сентября 1942 г. были переданы в состав 272-го стрелкового полка ВВ НКВД [16, л. 23].

Отдельно стоит сказать о 282-м стрелковом полке ВВ НКВД. Данное подразделение 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД самое длительное время принимало участие в Сталинградской битве – с 24 августа до конца октября⁶ 1942 г. По характеру боевых действий на Северном боевом участке обороны г. Сталинграда⁷ полк не имел частых смен мест дислокации, а

3 сентября 1942 г.; 272-й стрелковый полк ВВ НКВД – 3 сентября 1942 г.; 282-й стрелковый полк ВВ НКВД – 24 августа 1942 г.

³ Материалы ГУ МВД России по Волгоградской обл. рассекречены по заключению ЦЭК от 12 октября 2006 г.

⁴ Данные продолжают уточняться.

⁵ Батальонные районы были составной частью оборонительных рубежей сталинградских обводов [15, л. 177].

⁶ Точную дату окончания участия части сил 282-го стрелкового полка ВВ НКВД установить пока не удалось по источникам, а в историографии нет однозначных сведений. На момент 24 октября 1942 г. сводный батальон полка еще находился на переднем крае Северного боевого участка обороны г. Сталинграда [17, л. 206].

⁷ Официальное наименование в соответствии с делопроизводственной документацией воинских формирований Сталинградского фронта.

располагался в районе выс. 93,2 – выс. 135,4 [14, л. 25]. Подразделение вело активную оборону, лишь изредка принимало участие в наступательных действиях смежных формирований. Именно в этой связи 282-й стрелковый полк ВВ НКВД имел на момент вывода основных подразделений 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД из сражения для пополнения в своем составе самое большое количество личного состава – более 1000 чел.⁸

Нельзя не упомянуть, что описание боев 282-го стрелкового полка ВВ НКВД исследователем Н. Н. Стариковым⁹ вызывает расхождения с выявленными нами документами в Центральном архиве Министерства обороны России, поскольку бои 26–27 августа 1942 г. шли с переменным успехом – высоты переходили из рук в руки [14, л. 13, 15], а не как у Николая Николаевича – только противник их занимал [10, с. 239–240]. Плюс время начала наступления 27 августа 1942 г. приведено с ошибкой. Также отчего-то полк был придан 124-й отдельной стрелковой бригаде [10, с. 258]. Вероятно, имеется в виду то, что полк был включен в состав оперативной группы полковника С. Ф. Горохова [18, л. 57], который был командиром 124-й отдельной стрелковой бригады. Однако в подчинении самой бригады полк не находился.

Выводы. Подводя итоги, можно отметить, что 10-я стрелковая дивизия ВВ НКВД в период Сталинградской битвы выполняла задачи, которые не возлагались на ВВ НКВД. Так, расширение ее функций привело к тому, что в отдельные периоды соединение заменило собой войска НКВД по охране войскового тыла действующей Красной армии, войска НКВД по охране железных дорог и армейские формирования. Кроме этого, дивизия выполняла задачи по наведению порядка в г. Сталинграде, что сравнимо с работой милиции, т. е. Управления НКВД по Сталинградской области. В результате попытка очередного штурма города Вермахтом во второй половине сентября 1942 г. оказалась неудачной – город так и не удалось захватить, хотя это и привело к серьезным потерям соединения.

Список литературы

1. Аблизин В. А., Ананьев С. В. Летопись героев. 282-й (Саратовский) полк 10-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР в Сталинградской битве // Академический вестник войск национальной гвардии РФ. 2017. № 2 (35). С. 35–40.
2. Бунин С. В. Внутренние войска в Сталинградской битве // Академический вестник ВВ МВД России. 2012. № 4 (17). С. 10–16.
3. Бунин С. В. Служебно-боевая деятельность войск НКВД в годы Великой Отечественной войны // Академический вестник ВВ МВД России. 2015. № 1 (26). С. 9–15.
4. Войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны : книга-альбом / под общ. ред. В. В. Золотова. М. : На боевом посту, 2019. 112 с. : ил.
5. Дубовицкая Н. В., Лысенков С. Г. Войска НКВД в системе обороны Сталинграда // Вестник СПбУ МВД России. 2012. № 4 (56). С. 20–23.
6. Емельянов В. М. Участие войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 4 (49). С. 73–79.
7. Кардаш И. Л. Участие личного состава войск НКВД СССР в Сталинградской битве // Академический вестник войск национальной гвардии РФ. 2017. № 2 (35). С. 3–7.
8. ОСиРЖПР ИЦ ГУ МВД РФ ВО (Отдел спецфондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Главного управления Министерства внутренних дел России по Волгоградской обл.). Ф. 33. Оп. 1. Д. 26.
9. Рогожкин Н. Е. Внутренние войска МВД России: история и современность // Академический вестник ВВ МВД России. 2011. № 1 (10). С. 3–14.
10. Стариков Н. Н. Войска НКВД на фронте и в тылу. М. : Эксмо, 2016. 320 с., ил.
11. Стрельников М. А. Потери личного состава 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД в Сталинградской битве // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 3. С. 111–124. DOI: 10.15688/jvolsu.4.2024.3.10.
12. Стрельников М. А. Специфика оперативно-служебной деятельности органов НКВД в Сталинградской битве // Via in Tempore. История. Политология. 2023. Т. 50. № 2. С. 470–483. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-470-483.
13. УФСБ РФ ВО (Управление ФСБ России по Волгоградской обл.). Ф. 13. Д. 3.

⁸ Более подробно о потерях 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД можно узнать в авторском исследовании [11].

⁹ Николай Николаевич Стариков один из немногих исследователей, который издавал книги об участии войск НКВД в Сталинградской битве, в которых освещал не отдельные стороны деятельности, а проводил всестороннее изыскание о деятельности всех войск НКВД, принимавших участие в сражении. Однако автором было допущено достаточное количество ошибок и неточностей, что снижает достоверность его работ.

14. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны России). Ф. 48. Оп. 451. Д. 53.
15. ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 262. Д. 122.
16. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8.
17. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 32.
18. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 87.
19. Ченцов А. С. Войска НКВД в Сталинградской битве // Родина. 2013. № 4. С. 98–100.
20. Шутько В. В. Сибирские части в составе 10-й стрелковой дивизии войск НКВД // Академический вестник ВВ МВД России. 2015. № 3 (28). С. 26–29.

Contribution of the 10th Infantry Division of the NKVD Internal Troops to the victory at Stalingrad

Strelnikov Maxim Aleksandrovich

assistant professor at the Department of History and International Relations, Volgograd State University.
Russia, Volgograd. ORCID: 0000-0002-8371-8127. ResearcherID: ACA-5983-2022.
E-mail: ma_strelnikov@volsu.ru

Abstract. The topic of the activities of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR still causes heated discussions in society. This is closely related to the issue of demarcating the boundary between history and politics. However, for the scientific consciousness, any "dark" or "white" sides of various historical phenomena are not significant in terms of value, since science has a clear commitment to the objectivity of research. In this regard, the need to study the issue of the NKVD's activities during the Great Patriotic War allows us to give, firstly, an unbiased look at it, secondly, it allows us to reveal another side of this conflict, and thirdly, it is of practical importance – the use of modern analogues of these bodies to solve similar problems.

The purpose of the study is to determine the contribution of the 10th Infantry Division of the NKVD internal troops to the victory at Stalingrad. The subject of the study is the activities of the 10th Infantry Division of the NKVD internal troops in the Battle of Stalingrad. This article is a continuation of the author's research. It reviewed the main elements of the unit's activities in the specified battle, and identified their features. It was revealed that functionally, the 10th Infantry Division of the NKVD internal troops had significantly expanded its tasks, which made it possible to hold Stalingrad in the difficult situation on the Stalingrad front, and thus made a significant contribution to victory in the defensive stage of the battle. Some problems of modern Russian historiography on this topic were also noted.

Keywords: NKVD, Battle of Stalingrad, defense of Stalingrad, 10th Infantry Division of the NKVD.

References

1. Ablizin V. A., Anan'ev S. V. *Letopis' geroev. 282-j (Saratovskij) polk 10-j strelkovoju divizii vojsk NKVD SSSR v Stalingradskoj bitve* [Chronicle of heroes. The 282nd (Saratov) regiment of the 10th Infantry Division of the NKVD troops of the USSR in the Battle of Stalingrad] // *Akademicheskij vestnik vojsk nacional'noj gvardii RF* – Academic herald of the troops of the National Guard of the Russian Federation. 2017. No. 2 (35). Pp. 35–40.
2. Bunin S. V. *Sluzhebno-boevaya deyatel'nost' vojsk NKVD v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Internal troops in the Battle of Stalingrad] // *Akademicheskij vestnik VV MVD Rossii* – Academic herald of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 4 (17). Pp. 10–16.
3. Bunin S. V. *Sluzhebno-boevaya deyatel'nost' vojsk NKVD v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Service and combat activities of the NKVD troops during the Great Patriotic War] // *Akademicheskij vestnik VV MVD Rossii* – Academic herald of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1 (26). Pp. 9–15.
4. *Vojska NKVD SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny : kniga-al'bom* – The troops of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War : a book-album / under the gen. ed. of V. V. Zolotov. M. On a combat post, 2019. 112 p. : ill.
5. Dubovickaya N. V., Lysenkov S. G. *Vojska NKVD v sisteme oborony Stalingrada* [NKVD troops in the Stalingrad defense system] // *Vestnik SPbU MVD Rossii* – Herald of SPbU Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 4 (56). Pp. 20–23.
6. Emel'yanov V. M. *Uchastie vojsk NKVD SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Participation of the troops of the NKVD of the USSR in the Great Patriotic War] // *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* – Herald of Ural Institute of Economics, Management and Law. 2019. No. 4 (49). Pp. 73–79.
7. Kardash I. L. *Uchastie licnogo sostava vojsk NKVD SSSR v Stalingradskoj bitve* [Participation of personnel of the NKVD troops of the USSR in the Battle of Stalingrad] // *Akademicheskij vestnik vojsk nacional'noj gvardii RF* – Academic herald of the troops of the National Guard of the Russian Federation. 2017. No. 2 (35). Pp. 3–7.
8. *OSiRZhPR IC GU MVD RF VO (Otdel specfondov i rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij Informacionnogo centra Glavnogo upravleniya Ministerstva vnutrennih del Rossii po Volgogradskoj obl.)* – OSiRZhPR IC GU of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of Volgograd region (Department of special funds and

rehabilitation of victims of political repression of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Volgograd region). F. 33. Inv. 1. File 26.

9. Rogozhkin N. E. *Vnutrennie vojska MVD Rossii: istoriya i sovremennost'* [Internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: history and modernity] // *Akademicheskij vestnik VV MVD Rossii* – Academic herald of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1 (10). Pp. 3–14.

10. Starikov N. N. *Vojska NKVD na fronte i v tylu* [NKVD troops at the front and in the rear]. M. Eksmo, 2016. 320 p., ill.

11. Strel'nikov M. A. *Poteri lichnogo sostava 10-j strelkovoj divizii vnutrennih vojsk NKVD v Stalingradskoj bitve* [Losses of personnel of the 10th Infantry Division of the NKVD internal troops in the Battle of Stalingrad] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relations. 2024. Vol. 29. No. 3. Pp. 111–124. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.3.10.

12. Strel'nikov M. A. *Specifika operativno-sluzhebnoj deyatel'nosti organov NKVD v Stalingradskoj bitve* [Specifics of operational and official activities of NKVD bodies in the Battle of Stalingrad] // *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya* – Via in Tempore. History. Political science. 2023. Vol. 50. No. 2. Pp. 470–483. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-470-483.

13. UFSB of the Russian Federation IN (Directorate of the FSB of Russia for the Volgograd region). F. 13. File 3.

14. CAMD RF (Central Archive of the Ministry of Defense of Russia). F. 48. Inv. 451. File 53.

15. CAMD RF. F. 206. Inv. 262. File 122.

16. CAMD RF. F. 345. Inv. 5487. File 8.

17. CAMD RF. F. 345. Inv. 5487. File 32.

18. CAMD RF. F. 345. Inv. 5487. File 87.

19. Chencov A. S. *Vojska NKVD v Stalingradskoj bitve* [NKVD troops in the Battle of Stalingrad] // *Rodina*. 2013. No. 4. Pp. 98–100.

20. Shit'ko V. V. *Sibirskie chasti v sostave 10-j strelkovoj divizii vojsk NKVD* [Siberian units of the 10th Infantry Division of the NKVD troops] // *Akademicheskij vestnik VV MVD Rossii* – Academic herald of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3 (28). Pp. 26–29.

Поступила в редакцию: 27.09.2024

Принята к публикации: 24.12.2024

Законодательная деятельность правительства в сфере переселенческой политики в 80–90-е гг. XIX в.

Попов Евгений Викторович

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и правоведения, филиал Омского государственного педагогического университета. Россия, г. Тара. E-mail: e.popov@tara.omgpiu.ru

Аннотация. В статье представлены основные законодательные инициативы 80–90-х гг. XIX в., определены спорные моменты, а также охарактеризована система управления переселенческим делом. Указаны направления развития переселенческой политики на уровне правительственных органов, определены дискуссионные позиции разных политических сторон по вопросу создания инфраструктуры переселенческим делом и формирования ее на региональном уровне. В работе охарактеризованы дискуссионные площадки как на правительственном, так на общественно-политическом уровне, аргументированно определены проблемные моменты, которые сдерживали развитие проекта. Раскрыты потенциалы каждого мнения со стороны правительства по решению переселенческого вопроса, определена динамика и тенденция принятия решений или их отсутствия. Охарактеризована инфраструктурная политика государства на уровне правительства по переселенческому вопросу, прописаны и указаны законодательные инициативы с указанием как положительных, так и отрицательных моментов в плане их реализации. В статье раскрыты основные механизмы управления переселенческими потоками с помощью финансовых подходов, особенностей региональной системы управления, представлен анализ мнений, суждений политических кругов правительства, как развивать и каким путем идти в контексте реализации переселенческой политики.

Рассмотрена законодательная деятельность государства как фактор возросшего интереса к переселенческому проекту, как инструменту формирования нового этапа внутренней политики и решения острых социально-экономических проблем в стране. В работе представлены основные государственные и общественно-политические деятели, которые сыграли наиболее важную и яркую роль в реализации переселенческого проекта, а также были имперскими экспертами. Статья представляет собой систематизацию научных материалов опубликованных, неопубликованных и новых научных подходов к заявленной теме.

Ключевые слова: имперские проекты, переселенческое управление, колонизационная политика, геополитический проект, комитет по строительству железной дороги.

С середины 80-х гг. XIX в. приход людей с либеральными взглядами в правительство изменил вектор развития переселенческой политики. Как минимум два политических лагеря к этому периоду времени для себя определили пределы уступок по переселенческому вопросу. Во-первых, окончательно стало понятно, что только крестьянство сможет решить весь комплекс мер в колонизационной политике. Во-вторых, постепенно был очерчен круг мер для поддержки переселенческого движения. В-третьих, дискурс и споры помогли окончательно прийти к позиции, что переселенческая политика должна быть контролируемым процессом с конкретной программой мер поддержки. В-четвертых, споры и дискуссии подчеркнули, что колонизационная политика в отношении Сибири должна выйти на абсолютно новый уровень [1, с. 55–60].

К 80-м гг. XIX в. в правительственных кругах была выработана концепция переселенческого движения, которая в основном исходила из положений о поэтапных или волновых переселениях. Так, во-первых, мигрантам легче переезжать из малообжитых регионов в необжитые, во-вторых, колонизировать и осваивать пространства приграничные, рядом располагающиеся удобнее, чем достаточно удаленные, в-третьих, в переселенческом движении все больше людей принимали участие и соответственно получали определенный миграционный опыт [2, с. 45].

Попытка объединить под руководством кохановской комиссии все основные элементы, занимающиеся переселенческим делом, в частности, административные учреждения и общественное управление, с целью уменьшения числа чиновников и сокращения формальностей, а также для установления более тесной связи между государственной системой управления и обществом. В 1881 г. эта идея была воплощена в жизнь – появилось совещание «сведущих лиц

из общества», лиц, которые в разной степени знакомы с проблемами в переселенческом деле. Однако на практике эти два органа – совещание и комиссия – расходились в своих интерпретациях о механизмах работы с основными административными структурами [3, с. 134].

Министр внутренних дел Д. А. Толстой не считал, что необходимо объединение, наоборот, полагал, что у государства мало механизмов влияния на местное управление, да и в целом на весь процесс предстоящих преобразований. По его мнению, принцип единства должен быть в основе формирования местной власти, а также во всех местных учреждениях, которые в свою очередь обязаны сохранять тесную связь с правительством [4, с. 170].

Несмотря на это, в 1881 г. вышло издание временных правил, уже в 1884 г. процессы по активизации миграционной политики приостановились, причиной послужил доклад министра внутренних дел Д. А. Толстого, в котором «издание закона о переселении крестьян из всех губерний» признавалось делом не только «вредным», но и «невозможным» [5, с. 32].

Интерес к законодательной активности в вопросе переселений снова появился с 1886 г. Государство под напором внутренних политических обстоятельств и изменения политико-экономических взглядов в очередной раз попыталось создать с учетом всех вышеуказанных обстоятельств новый проект действий в отношении Сибири. Комиссия, организованная государем из чиновников разных министерств, должна была определить новый закон о переселениях, но, как это обычно бывает, вместо спокойной атмосферы деятельности данного нового учреждения все снова встало на жесткий консервативный курс [6, с. 28].

По мнению В. В. Кирьякова, правительство снова почувствовало под собой твердую почву и решило без помощи общества провести столь важную государственную реформу [7, с. 138].

Итогом работы комиссии стало создание нового закона о переселениях, который после одобрения попал на этап обсуждения органа соединенных Департаментов законов и Государственной экономии, где достаточно четко заявили, что «новый закон о переселениях необходим, поскольку отражает потребности народной жизни ввиду того, что прогрессивный из года в год прирост населения заставляет правительство не закрывать возможности переселения как единственного средства к уменьшению крайней густоты населения и поправлению хозяйственного быта тех крестьянских селений, которым за недостатком земли угрожает безысходная нищета» [8, с. 424–434].

13 июля 1889 г. вышел очередной переселенческий закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», в нем предоставлялось достаточно много прав и своего рода определенных возможностей для переселенцев. В законе отражались все уступки, которые во многом были достигнуты через дискурс, они нашли себя в правовом поле – крестьянам впервые предоставлялась возможность не выполнять увольнительные приговоры от общества, временно не уплачивать недоимки, кроме того, выдавались ссуды на продовольствие.

Данный закон был выработан комиссией при министерстве внутренних дел графа Н. П. Игнатьева, основной вопрос, который должен был решиться в рамках колонизационной политики, – это наделение переселенцев землей. Однако он до конца так и не был продуман, но, несмотря на это, комиссия решила, что государственная или казенная земля отдается в постоянное пользование только в Азиатской России, в Европейской части только в аренду на 6–12 лет, после окончания ее может быть отдана навсегда [9, с. 55–56].

В этот период государство стало более активно использовать переселение в контексте аграрной политики, а также как инструмент колонизации и русификации разных окраин империи [10, с. 119–120].

В переселенческом законе от 1889 г. была еще одна существенная функция, включенная государством, – вознаграждение мигрантов за надел, отданный общине, введенная еще комиссией П. П. Семенова, а также за наличие минимального имущественного ценза в количестве 125–300 рублей. Эти новые условия играли сдерживающий фактор в отношении крестьянской бедноты, что само по себе было неплохо, но, с другой стороны, зажиточные крестьяне, которые достаточно хорошо жили в Европейской части, не особо стремились участвовать в миграции в Сибирь. Правительство этим законом определило тех, кто может и имеет право на переселение, а также четко заявило, что помогать в этом процессе не будет. В результате либеральное начало проявилось в издании закона, а вот механизмом исполнения его остались консервативные действия [11, с. 33].

Закон, конечно, был шагом вперед, однако действие его имело ограничительный характер: он был распространен только на Уральскую, Тургайскую области и на Енисейскую и Ир-

кутскую губернии. Главную свою цель закон не выполнил – не смог упорядочить переселение крестьян за Урал. Как отмечал В. В. Кирьяков, «крестьянская волна переселений прорвала бу-мажную плотину и хлынула со страшной силой» [12, с. 138].

Однако исполнение переселенческого закона уже в 1892 г. приостановили. Причины, по которым государство решило поступить достаточно банальным образом, были связаны с резко увеличившимся наплывом переселенцев, однако у правительства запасного плана действий в подобной ситуации не было. Данное обстоятельство стало решающим для приостановления закона в 1892 г., но при этом правительственные чиновники думали уже о новом проекте – строительстве Великого сибирского пути [13, с. 47–74].

Закон от 1889 г. кардинально не поменял положение дел в переселенческом вопросе, никакой централизации подходов к решению этой сложной и актуальной проблемы не произошло. Данное положение дел не отвечало интересам государства, соответственно, 6 марта 1892 г. министерство внутренних дел приняло решение временно приостановить выдачу разрешений на переселение в Сибирь [14, с. 34].

Комитет по строительству железной дороги стал самым активным органом по содействию переселенческой политике, правительство пересмотрело свои взгляды и цели на эти процессы и теперь пыталось полностью сосредоточить в своих руках все основные рычаги управления. Особым направлением комитета стало Сибирское отделение, которое очень емко и точно охарактеризовал Э. Ю. Нольде, помощник управляющего делами комитета министров. «...Сибирское отделение – самое боевое и видное, туда труднее всего попасть. Председатель комитета Сибирской железной дороги – сам Государь; он лично проехал всю Сибирь на лошадях, возвращаясь – еще как Наследник – из Японии. Он очень интересуется Сибирью, ее колонизацией и всем, что для этого делается. Там будет вам легче всего выдвинуться на работе» [15, с. 194].

При комитете по строительству железной дороги была образована подготовительная комиссия, которая отвечала за переселенческую политику, возглавил ее А. Н. Куломзин. Основные задачи этой комиссии заключались, во-первых, в ликвидации бюрократических формальностей и оказании помощи переселенцам при оформлении разных видов документов во время их водворения на новые территории, во-вторых, в оказании врачебно-продовольственной помощи во время их водворения в Сибирь, в-третьих, в упорядочении земельных участков для переселенцев. Правила, выработанные подготовительной комиссией, стали законом в 1896 г. [16].

Н. Г. Бунге, входивший в комитет по строительству Сибирской железной дороги, отмечал, что правительство должно всячески поощрять миграционное движение в Сибирь и никаким образом не мешать этому процессу, кроме этого, всячески придать переселению более сознательный характер [17, с. 46, 130].

Подобная ситуация стала своего рода проверкой на прочность, и государству необходимо было принять конкретный закон о поземельном устройстве крестьян в Сибири. Проект иркутского генерал-губернатора И. Л. Горемыкина от 23 мая 1896 г. стал ответом на решение данной проблемы – теперь процесс нарезания новых земельных угодий для переселенцев стал законодательной нормой. Данный проект решал сразу несколько задач – и экономические, и колонизационные.

В начале 90-х гг. XIX в. остановился процесс переселения, правительство его перезагрузило и добилось нескольких положительных тенденций – два имперских проекта были объединены в один (что не помешало каждому из них развиваться), кроме того, самовольное переселение постепенно сократилось с 85 % до 60 % в конце XIX в. и до 26 % в начале XX в. [18, с. 126–140].

С 1893 по 1903 г. было израсходовано более 27 млн рублей, что, несомненно, сыграло положительную роль в процессе проведения колонизационной политики, в организации мест концентрации переселенцев, оказания помощи мигрантам в техническом плане, что выразилось в помощи сельскохозяйственными инструментами, выделении семян для посева. Оказание финансовой помощи мигрантам было связано с тем, что в Сибири отсутствовали земства, поэтому государство пыталось это нивелировать [19, с. 4].

В 1895 г. министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов совершил поездку в Сибирь и по ее окончании пришел к выводу, что огромные пространства Сибири имеют ограниченные земельные ресурсы [20, с. 57].

В Сибирь, уже летом 1896 г., приехал А. Н. Куломзин, статс-секретарь комитета сибирской железной дороги, для того чтобы определить состав земель, выявить основные пробле-

мы мигрантов, с которыми они сталкивались на местах заселения, и, конечно, проанализировать условия процесса адаптации. Результатом его поездки стал выпуск брошюры, которая более понятно и конкретно описывала настоящие условия жизни в Сибири, поскольку ранее периодические издания, занимавшиеся подобной проблематикой, чаще всего рисовали радужную картину жизни в этом регионе [21, с. 115–119].

Более 125 разного рода законодательных актов, касающихся переселенческой политики, вышло с 1890 по 1898 г. с целью упорядочить этот процесс, однако этого не произошло. Очевидно, что вся переселенческая политика к началу XX в. оказалась полностью в руках государственной администрации, очень верно этот процесс охарактеризовали в журнале «Русское богатство» в 1901 г. «На этом этапе государству удалось полностью взять под свой контроль всю систему и процесс переселения в Сибирь, при этом лишив всякого влияния общества, однако, оказавшись в руках чиновника, переселенческое дело потерялось в бумажной волоките» [21, с. 147].

По мнению В. В. Кирьякова, правительству не стоило заниматься распродажей государственных земель частным лицам, а наоборот, оставить в запас эти земли на случай прирезки. Особенно эта земля могла пригодиться в будущем крестьянам-переселенцам, поскольку таким образом у них был бы выбор – взять землю у государства, у дворянства или у частного владельца [21, с. 56].

К сожалению, все аграрные преобразования в Сибири на деле не оказали положительного эффекта, как ожидал в том числе и самый активный участник этого процесса Н. А. Куломзин. На его взгляд, многие реформы оказались простой демагогией и фарисейством. 8 марта 1895 г. великий князь Николай Александрович на заседании комитета Сибирской железной дороги как председатель объявил о том, что необходимо направить все усилия на более сознательный процесс переселения крестьян, а также нужна более конкретная постановка целей в плане колонизационной политики со стороны правительства [22, с. 190].

В 1896 г. в свою очередь был дан ответ на запрос великого князя Николая Александровича. При министерстве внутренних дел появился еще один важный компонент миграционной политики – переселенческое управление, основными задачами которого были выдача разрешений на переселение, обустройство мигрантов на местах водворения, контроль над финансами, которые выдавали на переселенческое дело [22, с. 57].

В этот период сформировалась своего рода вертикаль управления переселенческим делом – если верхняя часть была сформирована, то низшая только-только создавалась на местах. Одним из компонентов этой низшей системы в управлении переселенческим делом стали крестьянские начальники, их функция заключалась в оказании мигрантам помощи на местах водворения. Правительство смогло организовать основные органы управления переселенческим делом, однако министерство внутренних дел настояло на образовании на основе двух новых министерств земледелия и государственных имуществ временного переселенческого управления.

В 1896 г. был создан новый орган – переселенческое управление. Его обязанности – право выдачи на переселение, водворение переселенцев, заведование суммами, выдаваемыми на переселенческое дело [16].

Переселенческое управление как динамичный и новый орган столкнулся с проблемами не только в Сибири, но и на местах, а также с другими смежными структурами. Особенно часто происходили конфликты переселенческого управления с представителями местной власти, наиболее адекватным действием на подобные вещи могла стать более четкая система разграничений полномочий.

Таким образом, в 80-90-е гг. XIX в. появилась законодательная основа для решения переселенческого вопроса. Законодательные инициативы носили многоуровневый характер, они не только сформулировали канву нормативно-правовых документов, но и стали основой институциональных социально-политических институтов в Сибири. Активизация законодательной деятельности в переселенческом вопросе означала старт и реализацию большого имперского проекта. Переселенческая политика правительства в Сибири второй половины XIX – начала XX в. переживала разные этапы формирования и развития необходимых для деятельности механизмов. Только спустя несколько десятилетий была выстроена вертикаль управления переселенческим делом, которая включала в себя правительственные органы управления, местные органы управления в губерниях в лице чиновников разного ранга, непосредственно работавших с переселенцами.

Список литературы

1. *Береговая Е.* 115 лет со дня издания Закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2004 год / Г. М. Гайнутдинова, Н. В. Фелелова. Красноярск : Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края; сост., 2003. С. 55–60.
2. *Беркгейм А. М.* Переселенческое дело в Сибири (по личным наблюдениям и официальным данным). М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1902. 691 с.
3. *Брусникин Е. М.* Переселенческая политика царизма в конце XIX в. // Вопросы истории. М. : Правда, 1966. № 1. С. 28–38.
4. *Васильчиков А. И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах : в 2 т. / соч. Кн. А. Васильчикова. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1876. 565 с.
5. *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация: с прил. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 349 с.
6. *Кирьяков В. В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М. : Кн. дело, 1902. 374 с.
7. *Куломзин А. Н.* Сибирское переселение. СПб. : Гос. тип., 1896. 16 с.
8. *Марголис А. Д.* Система сибирской ссылки и закон 12 июня 1900 г. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1978. С. 126–140.
9. Министерство внутренних дел: 1802–1902 : ист. очерк. СПб. : Тип. М-ва вн. дел, 1902. 225 с.
10. *Островский И. В.* Земельная и фискальная политика царизма в период империализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск : Межвуз. сб. науч. тр., 1980. С. 28–56.
11. Прибавления к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб. : М-во земледелия и гос. имуществ, 1896. 123 с.
12. *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Степная колонизация в проектах западносибирской администрации 1870-х гг. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск : Изд-во Омского государственного университета, 2010. Вып. 4. С. 47–74.
13. *Рыбаковский Л. Л.* Региональный анализ миграций. М. : Статистика, 1973. 147 с.
14. *Симонова М. С.* Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1965. С. 424–434.
15. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии: Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский : материалы по исслед. переселенч. хоз-ва / собр. и разраб. под рук. и ред. В. Я. Нагнибеда. Вып. 1 / ГУЗ и З. Переселенч. упр. Том. р-н. Томск : тип. В. М. Перельман, 1913. Вып. I–II. С. 23–25.
16. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 366. Л. 47–74.
17. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Пг. : Канцелярия Главноупр. землеустройством и земледелием, 1914. 474 с.
18. *Татищев А. А.* Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М. : Русский путь, 2001. 370 с.
19. *Тихонов Б. В.* Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. // История СССР. 1977. № 1. С. 115–119.
20. *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург. Из воспоминаний камергера / сост. и примеч. С. С. Тхоржевского. СПб. : Алетей, 1999. 255 с.
21. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.
22. *Legras J.* En Sibirie: Ouvrage accompagne d'une carte hors texte et de gravures, d'apres des photographies de l'auteur / Jules Legras. Armand Colin, 1899. 384 с.

Legislative activity of the government in the field of resettlement policy in the 80s–90s of the XIX century

Popov Evgeny Viktorovich

senior lecturer at the Department of Humanities and Law, a branch of Omsk State Pedagogical University.
Russia, Tara. E-mail: e.popov@tara.omgpu.ru

Abstract. The article presents the main legislative initiatives of the 80–90s of the XIX century, identifies controversial issues, and describes the management system of the resettlement business. The directions of development of resettlement policy at the level of government bodies are indicated, the debatable positions of different political parties on the issue of creating infrastructure for resettlement and its formation at the regional level are determined. The paper describes discussion platforms at both the governmental and socio-

political levels, and reasonably identifies problematic issues that hindered the development of the project. The potentials of each opinion on the part of the government on the settlement of the resettlement issue are revealed, the dynamics and tendency of decision-making or their absence are determined. The infrastructural policy of the state at the government level on the resettlement issue is described, legislative initiatives are outlined and indicated, indicating both positive and negative aspects in terms of their implementation. The article reveals the main mechanisms for managing migration flows using financial approaches, the specifics of the regional management system, and provides an analysis of opinions and judgments of the government's political circles on how to develop and which way to go in the context of implementing resettlement policy.

The article considers the legislative activity of the state as a factor of increased interest in the resettlement project, as a tool for shaping a new stage of domestic policy and solving acute socio-economic problems in the country. The paper presents the main state and socio-political figures who played the most important and prominent role in the implementation of the resettlement project, as well as were imperial experts. The article is a systematization of scientific materials of published, unpublished and new scientific approaches to the stated topic.

Keywords: imperial projects, resettlement management, colonization policy, geopolitical project, railway construction committee.

References

1. Beregovaya E. 115 let so dnya izdaniya Zakona "O dobrovol'nom pereselenii sel'skikh obyvatel' i meshchan na kazennye zemli" [115 years since the publication of the Law "On the voluntary resettlement of rural inhabitants and burghers to government lands"] // *Kraj nash Krasnoyarskij: kalendar' znamenatel'nyh i pamyatnyh dat na 2004 god* – Our Krasnoyarsk territory: calendar of significant and memorable dates for 2004 / G. M. Gainutdinova, N. V. Fefelova. Krasnoyarsk. State University. The University of Science of Krasnodar. edges; comp., 2003. Pp. 55–60.
2. Berkheim A.M. *Pereselencheskoe delo v Sibiri (po lichnym nablyudenyam i oficial'nyh dannym)* [The resettlement case in Siberia (according to personal observations and official data)]. M. Tipo-lit. of partnership of I. N. Kushnerev and Co., 1902. 691 p.
3. Brusnikin E. M. *Pereselencheskaya politika carizma v konce XIX v.* [The resettlement policy of Tsarism at the end of the 19th century] // *Voprosy istorii* – Questions of history. M. Pravda (Truth), 1966. No. 1. Pp. 28–38.
4. Vasil'chikov A. I. *Zemlevladienie i zemledelie v Rossii i drugih evropejskikh gosudarstvah : v 2 t.* [Land ownership and agriculture in Russia and other European countries : in 2 vols.] / work of A. Vasilchikova. SPb. Tip. of M. Stasyulevich, 1876. 565 p.
5. Kaufman A. A. *Pereselenie i kolonizaciya: s pril.* [Resettlement and colonization: with the annex] St. Petersburg. Tip. of partnership "Public benefit", 1905. 349 p.
6. Kir'yakov V. V. *Ocherki po istorii pereselencheskogo dvizheniya v Sibiri' (v svyazi s istoriej zaseleniya Sibiri)* [Essays on the history of the resettlement movement to Siberia (in connection with the history of the settlement of Siberia)]. M. Kn. Delo (Book Business), 1902. 374 p.
7. Kulomzin A. N. *Sibirskoe pereselenie* [Siberian resettlement]. SPb. State Printing House, 1896. 16 p.
8. Margolis A. D. *Sistema sibirskoj sylvki i zakon 12 iyunya 1900 g.* [The system of Siberian exile and the law of June 12, 1900] // *Sylvka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri XVIII – nachala XX v.* – Exile and socio-political life in Siberia of the XVIII – early XX century. Novosibirsk. Nauka Publ. Siberian Branch, 1978. Pp. 126–140.
9. *Ministerstvo vnutrennih del: 1802–1902 : ist. ocherk* – Ministry of Internal Affairs: 1802–1902 : historical essay. SPb. Tip. of Ministry of Int. affairs, 1902. 225 p.
10. Ostrovskij I. V. *Zemel'naya i fiskal'naya politika carizma v period imperializma* [The land and fiscal policy of Tsarism during the period of imperialism] // *Krest'yanstvo Sibiri perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma* – The peasantry of Siberia during the period of the disintegration of feudalism and the development of capitalism. Novosibirsk. Interuniversity coll. of scient. works, 1980. Pp. 28–56.
11. *Pribavleniya k vsepoddannejšemu dokladu ministra zemledeliya i gosudarstvennyh imushchestv po poezdke v Sibir' osen'yu 1895 g.* – Additions to the most comprehensive report of the Minister of Agriculture and State Property on a trip to Siberia in the autumn of 1895. SPb. Ministry of Agriculture and State Property, 1896. 123 p.
12. Remnev A. V., Suvorova N. G. *Stepnaya kolonizaciya v proektah zapadnosibirskoj administracii 1870-h gg.* [Steppe colonization in the projects of the West Siberian administration of the 1870s] // *Tradicii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazej stran Sodruzhestva (istoriya i sovremennost')* – Traditions of economic, cultural and public relations of the Commonwealth countries (history and modernity). Omsk. Publishing House of Omsk State University, 2010. Is. 4. Pp. 47–74.
13. Rybakovskij L. L. *Regional'nyj analiz migracij* [Regional migration analysis]. M. Statistics, 1973. 147 p.
14. Simonova M. S. *Pereselencheskij vopros v agrarnoj politike samoderzhaviya v konce XIX – nachale XX v.* [The resettlement issue in the agrarian policy of the autocracy at the end of the XIX – beginning of the XX century] // *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy* – Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. M. 1965. Pp. 424–434.
15. *Sbornik statisticheskikh svedenij ob ekonomicheskom polozhenii pereselencev v Tomskoj gubernii: Uezdy Barnaul'skij, Kainskij, Tomskij i Mariinskij : materialy po issled. pereselench. hoz-va* – Collection of statistical infor-

mation on the economic situation of migrants in Tomsk province: Barnaul, Kainsky, Tomsky and Mariinsky counties : research materials on resettled households / collection and development under the guidance and ed. by V. Ya. Nagnibed. Is. 1 / GUZ and Z. Resettled upr. Tomsk district. Tomsk. V. M. Perelman, 1913. Vol. I–II. Pp. 23–25.

16. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 1642. Inv. 1. File 366. Sh. 47–74.

17. *Sel'skohozyajstvennoe vedomstvo za 75 let ego deyatelnosti (1837–1912 gg.)* – The Agricultural Department for 75 years of its activity (1837–1912). Pg. Office of the Chief Land Management and Agriculture, 1914. 474 p.

18. *Tatishchev A. A. Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921)* [Lands and people. In the midst of the resettlement movement (1906–1921)]. M. Russkiy put' (Russian Way), 2001. 370 p.

19. *Tihonov B. V. Pereselencheskaya politika carskogo pravitel'stva v 1892–1897 gg.* [The resettlement policy of the tsarist government in 1892–1897] // *Istoriya SSSR – History of the USSR*. 1977. No. 1. Pp. 115–119.

20. *Thorzhhevskij I. I. Poslednij Peterburg. Iz vospominanij kamergera* [The last Petersburg. From the Chamberlain's memoirs] / comp. and notes by S. S. Tkhorzhhevsky. SPb. Aleteya, 1999. 255 p.

21. *Yadrincev N. M. Sibir' kak koloniya: k yubileyu trekhsotletiya: sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee* [Siberia as a colony: on the anniversary of the tercentenary: the current situation of Siberia. Its needs and wants. Its past and future]. SPb. M. M. Stasyulevich's Type, 1882. 471 p.

22. *Legras J. En Sibirie: Ouvrage accompagne d'une carte hors texte et de gravures, d'apres des photographies de l'auteur* / Jules Legras. Armand Colin, 1899. 384 p.

Поступила в редакцию: 22.08.2024

Принята к публикации: 14.11.2024

Память о нацистском прошлом в ФРГ: опыт классификации мемориальных музеев

Балашова Елена Валерьевна

аспирант кафедры всеобщей истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: zalybina.lena@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме классифицирования мемориальных музеев о нацистском прошлом в современной Германии. Как места памяти они являются примером формирования исторической памяти в государстве, которое пережило диктатуру и совершало акты массового уничтожения людей. Целью статьи является исследование того, как данные о тематическом содержании музеев позволяют понять, какие темы и события, и в особенности, какие группы жертв национал-социалистов отражены в мемориальных музеях, находящихся в аутентичных местах памяти. Охарактеризованы тематические группы; выделены противоречия, возникшие в процессе классифицирования; приведены пути их решения. Анализ местоположения музеев и плотность их распределения, включая связь «тематика-местонахождение», проведен для определения места и значения темы в той или иной федеральной земле. Распределение мемориальных музеев по датам открытия способствует пониманию динамики памяти о национал-социалистическом прошлом в немецком обществе в послевоенное время, отражению так называемых «волн памяти», трех фаз проработки прошлого и выяснению различий между ФРГ и ГДР в деле поминовения жертв германского нацизма в мемориальных музеях. Сделан вывод о том, как классифицирование дает возможность определить их роль в пространстве исторической памяти о национал-социализме в современном немецком обществе. Результаты исследования могут быть значимы для специалистов-историков, педагогов, музейных работников, в частности, при исследовании проблем преодоления постыдного прошлого Германии.

Ключевые слова: место памяти, аутентичный, мемориальный музей, жертвы национал-социализма, динамика памяти.

Немецкая историческая память о нацистской диктатуре в ФРГ испытывает давление прошлого вплоть до сегодняшних дней, оставаясь по-прежнему глубоко травмированной. Ряд механизмов формирования исторической памяти, в том числе места памяти, оказывают значительное влияние на восприятие прошлого немецким обществом и показывают миру, насколько немцы «не забывают» о своих преступлениях. Классифицирование мест памяти, в частности, мемориальных музеев, раскрывает новые грани немецкой исторической памяти о нацистском прошлом. Имея прикладной характер, классификация помогает разобраться в многообразии видов мемориальных музеев, подчеркивая характерные черты и создавая типологический портрет мемориального музея, посвященного национал-социалистическому периоду.

История гитлеровской Германии в современных немецких музеях представлена, как ни один другой исторический период, полно и разнообразно. В той или иной степени она находит отражение и в историко-краеведческих и военных музеях, и музеях искусства и культуры, и в так называемых местах памяти. Их значимость и ведущая функция состоит в том, что они «возвращают события прошлого в настоящее» [1, с. 136], их существование объясняется тем, что «больше нет памяти социальных групп» [7, с. 17], теперь признается, что память одновременно «множественна и неделима, коллективна и индивидуальна» [7, с. 20].

Источниками для исследования мемориальных музеев являются официальные веб-сайты музеев и сайты местных и региональных органов власти, музейных объединений, а также немногочисленные печатные сборники-путеводители с перечнем мест памяти, например, обзорное издание под редакцией У. Пувогеля, М. Станковски и У. Графа, или региональные сборники о местах памяти в Гамбурге и земле Баден-Вюртемберг. Историография предста-

влена преимущественно зарубежными работами историков Т. Лутца и М. Шульце, М. Хольшер, Д. Гарбе и Б. Нивена; отечественные работы представлены такими авторами, как М. А. Красногорцев, А. М. Ермаков, О. Е. Черкаева. При этом в научной литературе существует единственная попытка классификации мемориальных музеев, остальные работы лишь освещают деятельность и историю создания музеев, а также дают фактическую информацию.

На территории современной Германии находится около трехсот мест, именуемых памятными местами, или местами памяти («Gedenkstätte») [14]. Точного определения понятия «мемориальный музей/музей памяти, посвященный нацистскому прошлому в ФРГ», не существует. Проведенный анализ деятельности и особенностей функционирования подобных учреждений позволяет сделать вывод о том, что это музеи современной истории, повествующие об историческом событии, которое имеет региональное, национальное или международное значение. Они являются местом обучения и исследовательским центром, имеют разработанную научную концепцию проекта, представленные материалы содержат прямые ссылки на жертв, также они имеют контакты с другими подобными местами [12]. При этом ключевым признаком является подлинность места. Именно аутентичность играет огромную роль в формировании общественного исторического сознания, поскольку музеи данного типа хранят память о реальных людях и событиях, помогают воссоздать неподдельную атмосферу определенного периода истории.

Необходимо отметить, что аутентичность, под которой понимаются характерные признаки исторического события [6], не обязательно соотносится с абсолютной подлинностью. Разработанная в ФРГ в 2008 г. «Мемориальная концепция» допускает «конкретные ссылки на жертв или на их преследование» вместо подлинности [12]. Подавляющее большинство исследуемых мест памяти являются подлинными, неаутентичные (например, Центр документации синти и рома) составляют только 6 %.

Глава отдела мемориальных музеев фонда «Топография террора» Т. Лутц установил, что «мемориалы жертвам национал-социализма возникли в местах с различными историческими фактами. Поэтому основное внимание в содержании, которое проистекает из истории, отличается» [14]. Он предлагает определять группы на основе признака их исторического использования. С некоторой корректировкой классификации Т. Лутца целесообразно выделить десять групп согласно их историческому контексту. Исходя из общего числа – 166 музеев, отвечающих ключевым признакам мемориального музея, – формируется общая картина количественного соотношения музеев их тематике (см. рис. 1).

Рис. 1. Мемориальные музеи по тематике содержания

Из полученных данных видно, что большинство мест посвящены именно жертвам национал-социализма (95 %), что показывает главную функцию мемориальных музеев: поминовение жертв и сохранение памяти о них. Наибольшей тематической группой являются музеи, которые посвящены жертвам концентрационных лагерей. Мемориальные музеи организованы на местах бывших концентрационных лагерей различного типа: «ранних», «главных» и «подлагерей» [11, с. 3] – принудительных рабочих лагерей. Их объединение в одну группу обусловлено тем, что ряд из них были стихийно организованы в 1933 г. (Остхофен, Нойштадт, Обер-Куберг, Кёпеник, Дахау), позже большая часть имела отношение к Инспекции концентрационных лагерей (Равенсбрюк, Нойенгамме, Бухенвальд, Вёббелин в качестве филиала Нойенгамме, так называемого «принимающего лагеря»). Тридцать три музея организованы на месте трудовых лагерей, созданных нацистами для выполнения определенных работ (военное производство, например, Фольксваген, Гребенхайн, бункер «Валентин», Либенау, Бизинген, Кохендорф, Хаслаг; строительство, например, Ауфкирх, Поппенбюттель, Брауншвейг, Херсбрук, подземное производство, например, Лаура, Лангенштайн-Цвайберге). Большое количество объясняется тем, что территории бывших лагерей являются местами массовых убийств, жертвами стали миллионы людей, главным образом, иностранных граждан. Уничтожение документации и сожжение бараков сразу же после безоговорочной капитуляции Германии не могло привести к сокрытию мест преступлений, так как сохранились массовые захоронения. Это дало импульс для развития на местах мемориальных инициатив, вылившихся позднее в создание музейных комплексов [4, с. 43–44].

Места, связанные с историей евреев, – многочисленные центры общественно-религиозной жизни в местах некогда компактного проживания еврейского населения. Они были созданы благодаря гражданской активности населения и немногих спасшихся жертв Холокоста. В довоенное время немецкая еврейская община насчитывала 565 тысяч человек, две трети из них погибли в результате нацистского геноцида [16]. При этом число мемориальных музеев, посвященных истории евреев, парадоксально высоко, учитывая, что еврейских общин и жителей в местах нахождения музеев больше нет. Большинство музеев располагается в бывших синагогах, сохранившихся, несмотря на поджоги и многолетнее запустение (сельские синагоги в Браунсбахе, Хайгерлохе, Зеннфельде), в бывших школах и общинных центрах (Раши-Хауз в Вормсе и еврейская школа в городе Лер) и мемориальных домах-музеях, посвященных истории жизни семьи (Еврей в Зиге – семья Селигманн, Хамбергхауз – Дингден).

Доля остальных групп музеев невысока. Это бывшие центры нацистской репрессивной системы – музеи на местах бывших тюрем, отделений гестапо, полицейских участков, лагерей «трудоустройства» и «перевоспитания». Все эти категории мест памяти рассматриваются совместно как пример незаконного содержания под стражей. Часть аутентичных мест являлась местами исполнения смертных приговоров: бывшее здание гестапо в Кёльне, бывшее исправительное учреждение «Красный бык» (г. Целле), тюрьмы Вольфенбюттель и Бранденбург-Гёрден. «Барак «Вильгельмина» (коммуна Шваневеде) относился к системе рабочих лагерей Шёневайде, Нойенкирхен и Фарге. Гестапо района Оснабрюка Августашахт помимо основной судебной-репрессивной функции отправляло заключенных на строительство и производство. Большая часть являлась местами судебного заключения: Торгау, Мюнхен Платц и Баутцен, гестаповский лагерь Нойе Бремм в г. Саарбрюкене, отделения гестапо Дортмунда и Герфорда.

Бывшие лагеря для военнопленных в отличие от концентрационных лагерей находились в ведении отдела военнопленных Общего управления Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ). Точное количество погибших военнопленных не установлено, некоторые данные указывают на 65 000 человек в Штукенброке [3, с. 27] и 11 000 в Хемере [13, с. 66]. Катастрофическое положение и крайне высокая смертность советских военнопленных стали следствием целенаправленной нацистской политики геноцида советского народа, в то время как военнопленных других государств не привлекали к работам, как, например, французских военнопленных в офицерском лагере (офлаге) в Зосте, где у них была возможность даже заниматься творчеством. Бросается в глаза диспропорция между огромным – около 200 – количеством лагерей военнопленных в Третьем рейхе и мизерным – всего 10 – количеством мемориальных музеев в память о них.

Необходимо отметить, что мемориальные музеи в Мюльберге, Зандбостеле, Эренхайн-Цайтхайне, Хемере и Штукенброке – единственные в своем роде, они полностью посвящены памяти советских военнопленных. Жертвами нацистской политики геноцида советского

народа стали от 16 до 17 млн. человек [8, с. 581], однако выделить отдельную группу «жертвы среди советских граждан» не представляется возможным, поскольку в мемориальном пространстве ФРГ она попросту отсутствует.

Остальные тематические группы составляют 3–5 % от общего числа мест памяти, что говорит о специфичности тематик, позднего признания жертв, как в случае с жертвами эвтаназии, и незначительного количества аутентичных мест, связанных с активностью немецкого Сопротивления, деятельностью нацистских преступников и значимыми событиями в истории гитлеровской Германии.

Места памяти о немецком антифашистском Сопротивлении посвящены Эрнсту Тельману, Георгу Эльзеру, графу Клаусу фон Штауффенбергу, Отто Вайдту, группе «Белая роза», жителям города Бреттхайма и священникам из города Любек. Дисбаланс между незначительными масштабами Сопротивления и количеством мест памяти объясняется стремлением немецкого общества и германского государства отмежеваться от нацизма, легитимировать ФРГ как преемницу антифашистов. Играет свою роль и стремление отдать «дань уважения определенным малым группам Сопротивления» [5, с. 99]. Указанный дисбаланс пронизывает всю историческую память ФРГ и находит яркое отражение в историографии, школьных учебниках истории, популярной литературе и материалах Федерального центра политического образования, предназначенных для всего населения страны.

Десять мест памяти посвящены 300 тысячам жертв нацистской программы эвтаназии, которая проводилась в рамках «Акции Т4», «Особого обращения 14f13» и так называемой «дикой» эвтаназии 1941–1945 гг. в отношении душевнобольных, инвалидов и заключенных концентрационных лагерей. История всех пяти центров убийств (Люнебург, Хадамар, Пирна-Зонненштайн, Бранденбург, Графенек, Бернбург) на территории ФРГ отражена в мемориальных музеях так же, как и прошлое ряда больниц (психиатрической клиники в Бремене, «Старой патологии Венен» в общине Бад-Цвишенан и других).

Каждое место планирования террора является уникальным и повествует о нацистах-преступниках, что является собой специфический и спорный феномен. Каждый музей показывает определенный аспект деятельности нацистов. Центр документации Мюнхена находится в «Коричневом доме» центрального аппарата НСДАП и представляет тему истоков и роста нацистской партии, а также роль Мюнхена в годы гитлеровской диктатуры. Центр документации Оберзальцберг – резиденция Адольфа Гитлера в Берхтесгадене – место «паломничества» к Гитлеру и второй центр власти в Третьем рейхе [10]. Центр документации «Территория съездов НСДАП в Нюрнберге» раскрывает суть Нюрнберга как «города имперских партийных съездов» с крупнейшим пропагандистским зрелищем режима; комплекс площадок, где могли собираться сотни тысяч людей [8, с. 99]. Центр документации Фогельзанг – бывшее учебное заведение, в котором готовили руководителей НСДАП, а место памяти «Топф и сыновья – печники Аушвица» показывает пример сотрудничества СС и коммерческой фирмы в проведении массового истребления людей.

Группы музеев, посвященных значимым событиям, составляют минимальное число и позволяют судить о том, каким событиям придается большее значение в исторической памяти ФРГ и чем это обусловлено. Материалы выставок доказывают вину и крах нацистского руководства в музее Нюрнбергского процесса, Замке Цецилиенхоф, музее Берлин-Карлхорст, а также отражают два события, связанные с массовым истреблением заключенных (музей марша смерти в Вальд фон Белов и сарай Изеншниббе-Гарделеген). Экспозиции некоторых музеев вышеуказанных групп показывают войну исключительно глазами немца: Музей на Зееловских высотах и музей «Западный вал» в Ирреле.

Одной из трудностей, которая возникла при классифицировании, является выделение так называемых «переходных форм», объединяющих места памяти, исторические функции которых менялись со временем. Например, восемь музеев посвящены ранним концентрационным лагерям, которые, однако, позже были преобразованы в концентрационные лагеря различного типа и тюрьмы (Заксенхаузен, Папештрассе, Плётцензее, посвященный также теме Сопротивления, Фульсбюттель, Эмсландлагерь, Моринген, Лихтенбург-Преттин, Аренсбёк). Есть также ряд мест, которые тесно связаны с формированием нацистской идеологии и ее воплощением на практике: бывшее отделение гестапо «Топография террора», Дом Ванзейской конференции, в ходе которой было согласовано взаимодействие ведомств в механизме истребления евреев, место памяти Вевельсбург, одновременно выступающий как лагерь Нидерхаген и религиозно-идеологический нацистский центр, образовательный центр Альт-Резе

как место подготовки врачей для осуществления эвтаназии. Несмотря на значительное число подобных мест памяти, они не вносят принципиальных изменений в картину восприятия нацистского прошлого в современной ФРГ, сложившуюся в результате выделения основных групп мемориальных музеев.

Помимо выделения тематических групп ряд данных расширяет понимание места мемориальных музеев в исторической памяти ФРГ, например, их международное/общегосударственное значение или их локальный статус. Группа «Локальные мемориалы», выявленная Т. Лутцем, может быть выделена отдельно, так как 30 % мест памяти связано с краеведческой тематикой. Это указывает на интерес граждан к региональной истории, к жертвам среди местного населения и ставит места памяти в центр мемориальной топографии местности, указывая именно на локальные жертвы.

Место расположения музеев дает возможность проследить плотность их нахождения в шестнадцати федеральных землях и объяснить актуальность тематики на сегодняшний день. К примеру, наибольшее число мест памяти располагается в землях Баден-Вюртемберг, Нижняя Саксония и Северный Рейн-Вестфалия, что объясняется их социально-экономическим развитием, географическим положением (на западе страны) и активностью граждан. Земли со средними показателями от 5 % до 7 % – это Берлин, Бавария, Бранденбург, Гессен, Рейнланд-Пфальц и Саксония. Низкими являются показатели в малых по территориям землях, таких как Тюрингия, Бремен и Саар. Важным показателем для объяснения плотности мест памяти является связь с расположением значимых аутентичных объектов. Так, в Баден-Вюртемберге и Северном Рейне-Вестфалии находится большое число мест, посвященных судьбам еврейских общин. Именно здесь к моменту прихода нацистов к власти была высокой плотность еврейского населения. В Баварии располагаются три места с акцентом на нацистских преступниках. Берлин и Гамбург являются посещаемыми туристическими объектами с большим количеством культурно-исторических музейных площадок. При этом тематически мемориальные музеи распределены по землям равномерно, что объясняется финансовой поддержкой государства.

Важным для понимания отношения к памяти немецкого общества является показатель расположения мемориальных музеев в «старых» (36 мест) и «новых» (20 мест) федеральных землях. До объединения страны в ФРГ было открыто больше музеев, чем в ГДР, а показатели в объединенной Германии еще выше – 110 мест. Эти цифры объясняются особенностями политики памяти. Если в ФРГ граждане проявляли большую гражданскую активность, но отсутствовала финансовая и организационная поддержка со стороны государства, то в ГДР организация музеев отличалась строгой централизацией и контролем со стороны СЕПГ. Британский историк Б. Нивен указывает, что образы жертв нацизма в Западной и Восточной Германии отличались: «Если в мемориалах ГДР узники – активные люди, оказывающие сопротивление, борющиеся за свою свободу, то на территории западногерманских мест памяти бывших заключенных изображают слабыми, безвольными, “беспомощными пешками в дьявольской игре”» [15, с. 20]. Таким образом, в обоих государствах формировался образ «правильного прошлого». Большое число открытых музеев в объединенной Германии свидетельствует о «мемориальном буме».

При анализе хронологии открытия музеев становится понятным процесс работы с прошлым немецкого общества, который можно соотнести с выделенными отечественным историком А. И. Борозняком, «волнами памяти» [2]. Датой открытия музея мы считаем начало работы постоянной экспозиции. В период «забвения» 1945–1968 гг. было открыто 19 музеев, в период «извлечения уроков» 1969 – середины 1990-х гг. – 70, а в период «активной культуры памяти» – 83. Помимо того, что данные отражают положительную динамику, видно, что количество открытых музеев соответствует общему отношению немецкого общества к масштабам преступлений национал-социализма: «фазе замалчивания» соответствует малое число открытых мест памяти, дальнейшие периоды показывают значительное увеличение интереса к теме: за 25 лет второго периода было открыто 70 музеев и 83 за последующие 30 лет.

Динамика открытий по датам более показательна. Особенно выделяется время с 1985 до конца 1990-х гг. Если ранее ежегодно открывалось 1–2 музея, то потом их число доходило до 7–8 и даже до 10. Затем количество вновь открытых музеев сократилось до 5–6 и к концу 2000-х гг. – до 3–4. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее известные мемориальные комплексы на месте главных нацистских концентрационных лагерей появились в первые послевоенные десятилетия: Бухенвальд (1958), Равенсбрюк (1959) и Заксенхаузен (1961) в

ГДР, Миттельбау Дора (1964), Дахау (1965) и Берген-Бельзен (1966) в ФРГ. Места, относящиеся к другим тематическим группам, а также имеющие международное значение, тоже появились до конца 1960-х гг. Это мемориальный музей немецкого Сопротивления, музей Берлин-Карлхорст и мемориальный музей «Крепость Оберхаузен». Остальные группы были «открыты» только в начале 1980-х гг., к ним относятся места, посвященные жертвам эвтаназии, лагеря для военнопленных и места, связанные с нацистской идеологией. В период «мемориального бума» происходит расширение тематики, значительный рост числа музеев, посвященных Холокосту и так называемым трудовым, а по сути концентрационным лагерям. Сегодня мемориальные музеи, посвященные нацистскому прошлому, открываются в Германии редко. С одной стороны, это свидетельствует о пресыщении немецкого общества этой темой, с другой стороны, о том, что фокус деятельности музеев теперь направлен на углубление информации о жертвах и истории мест.

Проблемой классифицирования является отсутствие точного описания самого понятия «мемориальный музей на месте памяти» в германской историографии. Выделение типологических черт подобных мест с акцентом на особом признаке – аутентичности места – позволяет произвести классификацию по тематическому признаку, опираясь на исторический контекст мест.

Противоречия в распределении по тематическим группам решаются искусственным выделением групп, в том числе переходных форм, что и придает классификации прикладной характер. Место мемориальных музеев в пространстве страны с точки зрения их тематической составляющей указывает на явные перекосы в поминовении различных групп жертв, например, отсутствие фокуса на советские жертвы. Локальный характер музеев, «точечное поминовение» отдельных местных граждан, включая граждан бывших еврейских общин, указывает на то, что «дело памяти» о преступлениях германского фашизма является сугубо немецкой национальной задачей. Бывшие концентрационные лагеря и места по истории евреев значительно преобладают над другими тематическими группами, что говорит о безусловной цели мест памяти – памятование жертв.

Плотность расположения мемориальных музеев, их локация на территориях бывших ФРГ и ГДР, а также динамика открытия музеев по годам – показатели, которые отражают мемориальный ландшафт страны, политизацию процессов, связанных с открытием музеев, этапы преодоления травматического прошлого немецким обществом соответственно. Таким образом, тематическая классификация так же, как и классификация по месту расположения и датам открытий мемориальных музеев, показывает пристальное внимание немецкого общества и правительства ФРГ к теме нацистского прошлого.

Список литературы

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 136 с.
2. *Борозняк А. И.* ФРГ: волны исторической памяти // АНО «Журнальный Зал». URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html?ysclid=lte3no2y4591733882/> (дата обращения: 11.09.2024).
3. *Ерин М. Е., Хольный Г. А.* Трагедия советских военнопленных (история шталага 326 (VI К) Зенне. 1941–1945 гг.) / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2000. 138 с.
4. *Ермаков А. М.* Память о нацистских концентрационных лагерях в федеральной земле Рейнланд-Пфальц // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 3. С. 54–60.
5. *Красногорцев М. А.* Места памяти о германском движении сопротивления // Культурная память и культурная идентичность : мат-лы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 96–100.
6. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (венецианская хартия) от 31 мая 1964 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901756982?ysclid=lju423adeq39048803> (дата обращения: 11.09.2024).
7. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 328 с.
8. *Яковлев Е.* Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. Изд. 2-е, перераб. СПб. : Питер, 2021. 743 с.
9. Die Zukunft der Vergangenheit. Band 1 der Schriftenreihe des Dokumentationszentrums Reichsparteitagsgelände. Museen der Stadt Nurnber, 2000. 288 s.
10. *Dietzfelbinger E.* Kompass im alpinen Gelände: Die Dokumentation auf dem Obersalzberg // Gedenkstättenreferat der Stiftung Topographie des Terrors. URL: https://www.gedenkstaettenforum.de/uploads/media/GedRund169_6-18.pdf (дата обращения: 11.09.2024).

11. Encyclopedia of camps and ghettos, 1933–1945. VOLUME I. Early Camps, Youth Camps, and Concentration Camps and Subcamps under the SS-Business Administration Main Office (WVHA). Part A / ed. Geoffrey P. Megargee. Indiana University Press, 2009. 900 p.

12. Fortschreibung der Gedenkstättenkonzeption des Bundes Verantwortung wahrnehmen, Aufarbeitung verstärken, Gedenken vertiefen // Deutscher Bundestag 16. Wahlperiode. Drucksache 16/9875 (19.06.2008). URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/16/098/1609875.pdf> (дата обращения: 11.09.2024).

13. Klagges P., Nensel E. Zur Geschichte des Kriegsgefangenenlagers Stalag VI A Hemer. Eine Begleitschrift für die Gedenkstätte und die beiden Friedhöfe. Verein für Hemeraner Zeitgeschichte e. V. / H. Stopsack, E.Thomas. Hemer, 2012. 76 s.

14. Lutz T., Schulze M. Gedenkstätten für die Opfer Nationalsozialistischer Gewalt in Deutschland // Gedenkstättenreferat der Stiftung Topographie des Terrors. URL: <https://www.gedenkstaettenforum.de/aktivitaeten/gedenkstaettenrundbrief/detail/gedenkstaetten-fuer-die-opfer-nationalsozialistischer-gewalt-in-deutschland> (дата обращения: 11.09.24).

15. Niven B. Facing the Nazi past. United Germany and the legacy of the Third Reich. London : Taylor & Francis e-Library, 2005. 276 p.

16. United States Holocaust Memorial Museum, Washington, DC. German Jewish Life // Holocaust Encyclopedia. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/jewish-communities-of-prewar-germany> (дата обращения: 11.09.2024).

The memory of the Nazi past in Germany: the experience of classifying memorial museums

Balashova Elena Valeryevna

postgraduate student of the Department of General History, Yaroslavl State Pedagogical University
n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: zalybina.jena@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of classifying memorial museums about the Nazi past in modern Germany. As places of remembrance, they are an example of the formation of historical memory in a State that survived a dictatorship and committed acts of mass destruction of people. The purpose of the article is to explore how data on the thematic content of museums makes it possible to understand which topics and events, and in particular which groups of victims of the National Socialists, are reflected in memorial museums located in authentic places of memory. The thematic groups are characterized; The contradictions that have arisen in the classification process are highlighted; the ways of their solution are given. An analysis of the location of museums and the density of their distribution, including the "theme-location" relationship, was carried out to determine the location and significance of the theme in a particular federal state. The distribution of memorial museums by opening dates contributes to understanding the dynamics of memory of the National Socialist past in German society in the post-war period, reflecting the so-called "memory waves", the three phases of studying the past, and clarifying the differences between Germany and the GDR in commemorating the victims of German Nazism in memorial museums. The conclusion is made about how classification makes it possible to determine their role in the space of historical memory of National Socialism in modern German society. The results of the study may be significant for specialists-historians, educators, museum workers, in particular, when studying the problems of overcoming Germany's shameful past.

Keywords: place of memory, authentic, memorial museum, victims of National Socialism, memory dynamics.

References

1. Assman A. *The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. M. New Literary Review, 2014. 136 p.

2. Boroznyak A. I. *Germany: waves of historical memory* [Germany: waves of historical memory] // ANO "Magazine Hall". Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html?ysclid=lte3no2y4591733882/> (date accessed: 11.09.2024).

3. Erin M. E., Holny G. A. *The tragedy of Soviet prisoners of war (the story of Stalag 326 (VI K) Zenne. 1941–1945)* [The tragedy of Soviet prisoners of war (the story of Stalag 326 (VI K) Zenne. 1941–1945)] / Yaroslavl State University. Yaroslavl, 2000. 138 p.

4. Ermakov A.M. *Memory of the Nazi concentration camps in the federal state of Rhineland-Palatinate* [Memory of the Nazi concentration camps in the federal state of Rhineland-Palatinate] // *Bulletin of Humanitarian Education – Herald of Humanitarian Education*. 2019. No. 3. Pp. 54–60.

5. Krasnogortsev M. A. *Places of memory of the German resistance movement* [Places of memory of the German resistance movement] // *Cultural memory and cultural identity : proceedings of the All-Russian (with*

international participation) Scientific Conference of young scientists (XI Kolosnitsyn Readings) – Cultural memory and cultural identity : proceedings of the All-Russian (with international participation) Scientific Conference of young scientists (XI Kolosnitsyn Readings). Yekaterinburg. Ural Publishing House. University, 2016. Pp. 96–100.

6. *The International Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Places of Interest (the Venice Charter) dated May 31, 1964 – The International Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Places of Interest (the Venice Charter) dated May 31, 1964 // Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901756982?ysclid=ljy423adeq39048803> (date accessed: 11.09.2024).*

7. *The problem of memory locations. France-memory – The problem of memory locations. France-memory / P. Nora, M. Ozouf, J. de Puimezh, M. Vinok. SPb. Publishing House of St. Petersburg University, 1999. 328 p.*

8. *Yakovlev E. A war of annihilation. The Third Reich and the genocide of the Soviet people. 2nd Ed., reprint [A war of annihilation. The Third Reich and the genocide of the Soviet people. 2nd ed., reprinted.] SPb. Piter, 2021. 743 p.*

9. *Die Zukunft der Vergangenheit. Band 1 der Schriftenreihe des Dokumentationszentrums Reichsparteitagsgelände. Museen der Stadt Nurnber, 2000. 288 p.*

10. *Dietzfelbinger E. Kompass im alpinen Gelände: Die Dokumentation auf dem Obersalzberg // Gedenkstättenreferat der Stiftung Topographie des Terrors. Available at: https://www.gedenkstaettenforum.de/uploads/media/GedRund169_6-18.pdf (date accessed: 11.09.2024).*

11. *Encyclopedia of camps and ghettos, 1933–1945. VOLUME I. Early Camps, Youth Camps, and Concentration Camps and Subcamps under the SS-Business Administration Main Office (WVHA). Part A / ed. Geoffrey P. Megargee. Indiana University Press, 2009. 900 p.*

12. *Fortschreibung der Gedenkstättenkonzeption des Bundes Verantwortung wahrnehmen, Aufarbeitung verstärken, Gedenken vertiefen // Deutscher Bundestag 16. Wahlperiode. Drucksache 16/9875 (19.06.2008). Available at: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/16/098/1609875.pdf> (date accessed: 11.09.2024).*

13. *Klagges P., Nensel E. Zur Geschichte des Kriegsgefangenenlagers Stalag VI A Hemer. Eine Begleitschrift für die Gedenkstätte und die beiden Friedhöfe. Verein für Hemeraner Zeitgeschichte e. V. / H. Stopsack, E. Thomas. Hemer, 2012. 76 p.*

14. *Lutz T., Schulze M. Gedenkstätten für die Opfer Nationalsozialistischer Gewalt in Deutschland // Gedenkstättenreferat der Stiftung Topographie des Terrors. Available at: <https://www.gedenkstaettenforum.de/aktivitaeten/gedenkstaettenrundbrief/detail/gedenkstaetten-fuer-die-opfer-nationalsozialistischer-gewalt-in-deutschland> (date accessed: 11.09.24).*

15. *Niven B. Facing the Nazi past. United Germany and the legacy of the Third Reich. London : Taylor & Francis e-Library, 2005. 276 p.*

16. *United States Holocaust Memorial Museum, Washington, DC. German Jewish Life // Holocaust Encyclopedia. Available at: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/jewish-communities-of-prewar-germany> (date accessed: 11.09.2024).*

Поступила в редакцию: 30.09.2024

Принята к публикации: 16.10.2024

Внешние связи провинций Южно-Африканской Республики (на примере Западно-Капской провинции)

Давыдов Денис Александрович¹, Минкова Кристина Владимировна²

¹стажер Центра канадских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0009-0006-3643-8882. ResearcherID: 1270749.

E-mail: davydov_denis@icloud.com

²доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0001-5833-6808.

ResearcherID: 730215. E-mail: k.minkova@spbu.ru

Аннотация. Актуальность предложенной темы определяется появлением в современных международных отношениях весьма интересного феномена – стремления отдельных частей некоторых унитарных государств (например, Франции, Дании, Южно-Африканской Республики и др.) к позиционированию себя на международной арене в качестве самостоятельных игроков. Цель статьи – определить правовую основу парадипломатии южноафриканских провинций и проанализировать основные направления и результаты их внешних связей на примере Западно-Капской провинции. Предмет исследования – парадипломатия провинций Южно-Африканской Республики.

Авторы приходят к выводу о том, что внешние связи провинций ЮАР являются одним из наименее эффективных направлений политики южноафриканских провинций вследствие отсутствия релевантной нормативной базы. Недостаточно четкое разграничение полномочий осуществления внешних связей между федеральным центром и провинциями страны не позволяет последним успешно и эффективно развивать свои внешние контакты. Наиболее успешна в сфере парадипломатии Западно-Капская провинция, активная деятельность которой на внешнеполитическом и внешнеэкономическом треках позволяет ей привлекать большое число иностранных партнеров и инвесторов. В некоторых дискуссионных вопросах провинциальные власти идут вразрез с линией Претории, что говорит о значительном авторитете Западно-Капской провинции в составе ЮАР и о ее стремлении к большей независимости в международных делах.

Результаты статьи могут иметь практическое и научное применение. Научное связано с тем, что в отечественной историографии внешние связи провинций Южно-Африканской Республики мало исследованы, хотя их изучение представляет большой научный и практический интерес. Практическое – опыт парадипломатии провинций ЮАР можно с успехом применять для повышения эффективности внешних связей субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: Южная Африка, парадипломатия, автономия, Западно-Капская провинция.

Введение. В 1994 г. завершился демонтаж системы апартеида – политики расовой дискриминации в Южно-Африканском Союзе (ЮАС) и Южно-Африканской Республике (ЮАР) в 1948–1994 гг. Это позволило стране восстановить связи с мировым сообществом, вновь встроиться в систему международных отношений, а также привело к значительным изменениям в административно-территориальном устройстве ЮАР. Существовавшие с начала XX в. четыре провинции страны – Трансвааль, Провинция Мыса Доброй Надежды (неформально – Капская провинция), Наталь и Оранжевое свободное государство – были расформированы и переустроены с учетом интересов всех этнических групп ЮАР. Новое правительство страны приняло решение о создании девяти провинций: бывшая Капская провинция была разделена на Западно-Капскую, Северо-Капскую и Восточно-Капскую; к Оранжевому свободному государству и Наталю были присоединены территории бывших бантустанов, и они были переименованы в Свободное государство и Квазулу-Натал соответственно; на территории бывшего Трансвааля ныне расположены Гаутенг, Мпумаланга, Лимпопо и Северо-Западная провинция. Институциональная слабость и недобросовестное управление в большинстве провинций позволили Претории создать централизованную систему управления, существенно ограничив права провинций, и получить возможность вмешиваться в их дела [22, р. 61].

Однако сегодня, следуя в русле общемировых трендов, некоторые южноафриканские провинции стремятся заявить о себе не только как о частях Южно-Африканской Республики, но и как о самостоятельных акторах международных отношений.

Какими нормативно-правовыми актами регулируются на данный момент внешние связи провинций Южно-Африканской Республики? Какими компетенциями в области осуществления международных контактов обладают провинции? Каковы векторы внешних связей Западно-Капской провинции и что позволяет ей вести более активную по сравнению с другими провинциями международную деятельность? Ответы на эти и другие вопросы мы попытаемся дать в настоящей статье.

В 1990 г. американский ученый Иво Духачек и канадский исследователь Панайотис Солдатос ввели в широкий научный оборот термин «парадипломатия», подразумевая под ней прямую международную деятельность субнациональных акторов (субъектов федерации, регионов, городских сообществ, городов), поддерживающую, дополняющую, корректирующую, дублирующую или оспаривающую дипломатию национальных государств [13, р. 32; 31, р. 34]. Это определение было уточнено почти десятилетие спустя баском Ноз Корнаго, который определил парадипломатию как вовлечение правительств субгосударств в международные отношения посредством установления формальных и неформальных контактов, постоянных или разовых, с иностранными государственными или частными структурами для продвижения социально-экономических, культурных или политических вопросов, а также любых других аспектов их конституционной компетенции [11, р. 40]. Позже Александр Кузнецов описал парадипломатию как форму политической коммуникации для достижения экономических, культурных и политических или любых других выгод, основу которой составляют самостоятельные контакты региональных правительств с иностранными правительственными и неправительственными [19, р. 30–31].

Некоторые исследователи международной деятельности субнациональных субъектов ведут дискуссии о том, правомерно ли называть внешние связи отдельных частей унитарных государств парадипломатией или более правильно определять их как протодипломатию. Не умаляя важности верного теоретического оформления данного явления, отметим, что, на наш взгляд, международная деятельность части унитарного государства может именоваться парадипломатией, если она полностью соответствует определению Духачека и Сольдатоса.

На данный момент внешние связи провинций Южной Африки представляют собой сложный динамический процесс, влияние на который оказывают конституционные и нормативно-правовые акты, межправительственные отношения и внутривнутриполитические особенности страны. Хотя Конституция ЮАР 1996 г. относит к компетенции провинций ряд внутривнутриполитических вопросов (образование, медицина, языковая политика), вся внешнеполитическая деятельность страны находится в ведении Министерства международных отношений и сотрудничества ЮАР. Ограничение внешних связей провинций в значительной степени обусловлено незаконченным процессом разграничения полномочий в области осуществления международной деятельности между столицей и провинциями, стремлением правящей с 1994 г. партии Африканский национальный конгресс (АНК) к усилению власти национального правительства и максимальному контролю над политикой провинций и большой разницей потенциальных и практических возможностей девяти провинций в реализации внешних связей.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, некоторые провинции (Гаутенг, Квазулу-Натал и Западно-Капская провинция) начинают играть все большую роль в международных отношениях, особенно посредством принятия экономических, культурных и экологических обязательств, которые чаще всего имеют форму неформальных связей, торговых соглашений, культурных обменов и инициатив, направленных на решение глобальных проблем – например, борьбу с изменением климата. Поскольку такие усилия могут вступать в противоречие с объявленными целями национальной внешней политики, страна нуждается в принятии более четких правовых норм для содействия участию провинций во внешних делах в заданном русле.

Западно-Капская провинция пытается занять особое место среди южноафриканских провинций, продвигая свою идентичность как внутри страны, так и за ее пределами, и рассматривая возможность создания собственного внешнеполитического ведомства. Это стремление к большей автономии отражает глубокое недовольство населения Западно-Капской провинции приоритетами национальной политики и подчеркивает потенциал провинции для более активного участия на мировой арене.

Особенности административно-территориального и государственного устройства ЮАР. Внешняя политика Южно-Африканской Республики до сих пор неразрывно связана с крайне противоречивой историей страны, особенно с эпохой апартеида и последовавшим за ней демократическим транзитом 1990-х гг. Политика апартеида, проводившаяся Националь-

ной партией в 1948–1994 гг., характеризовалась крайне жесткой системой расовой сегрегации и дискриминации. Против Южной Африки были введены широкомасштабные санкции (включая эмбарго ООН), которые серьезно ударили по экономике и внешнеполитическому имиджу Претории. Тем не менее мы не можем утверждать, что в этот период ЮАР оказалась в полной изоляции: были налажены крепкие отношения с Израилем, который помог южноафриканцам в сфере вооружений, включая создание ядерного оружия; активно развивалось партнерство с Францией, которая поставляла ЮАР оборудование для электростанций и продвигала совместные инициативы по добыче нефти и газа. Однако если санкции 1950–1970-х гг. довольно легко преодолевались Преторией, то ограничения 1980-х гг. затрагивали чувствительные для страны сектора экономики – торговлю, инвестиции, туризм, поставки вооружений, компьютеров и нефти. И хотя властями ЮАР были предприняты достаточно эффективные меры по противодействию санкциям (увеличение запасов топлива, синтезирование нефти из угля, работа по обходу санкций классифицировалась как государственная тайна, для партнерства с иностранцами применялась сеть секретных партнеров и фиктивных компаний), режим Национальной партии уже не мог справляться с колоссальными расходами страны, которые лишь увеличились с падением цен на основные экспортные товары ЮАР – золото, бриллианты и платину. В конце концов, в 1992 г. разочаровавшееся белое население проголосовало за отмену режима апартеида, а в 1994 г. президентом ЮАР был избран Нельсон Мандела, ставший первым чернокожим главой южноафриканского государства [5].

Смена режима привела к реформе административно-территориального устройства ЮАР и к пересмотру ее внешней политики. Этот процесс включал также переоценку имиджа Претории среди остальных участников мирового сообщества и восстановление тех дипломатических связей, которые были разорваны в годы апартеида [32].

Важно отметить, что впервые вопрос об административно-территориальном делении и форме государственного устройства появился на повестке дня еще в начале XX в. в ходе создания Южно-Африканского Союза. При разработке проекта его Конституции большинство участников Национального Конвента изначально склонялось к федеративной форме государственного устройства, основываясь на успешном опыте других доминионов Британской империи – Австралии и Канады, однако впоследствии выбор был сделан в пользу унитаризма. Причин этого решения было несколько, в т. ч. возможность более быстрого реагирования на кризисные ситуации и оперативного подавления любых проявлений недовольства коренного населения. Кроме того, как пишет российский историк А. Л. Емельянов, сторонники централизации верили, что унитаризм позволит быстрее сплавить англо-африканцев и африканеров в единую нацию. С учетом недавно завершившейся Второй англо-бурской войны 1899–1902 гг. этот аргумент был особенно весомым. Кроме того, создание сильного унитарного государства должно было помешать Великобритании вмешиваться в его внутреннюю политику через ее влияние на пробританское население Мыса Доброй Надежды (Капской провинции) и Наталья. При этом, если африканеры были просто недовольны самим фактом британского владычества, то англо-африканцы хотели обеспечить свои экономические интересы, особенно в сфере горнодобывающей промышленности [3, с. 273–277].

Принятый новым режимом Закон о переходе к местному самоуправлению 1993 г. позволил объединить ранее разрозненные муниципалитеты четырех провинций в единую систему из 842 муниципалитетов девяти провинций (к 2024 г. число муниципалитетов сократилось до 257) [20].

Одним из наиболее важных последствий реформы административно-территориального деления ЮАР стало недовольство африканеров – крупнейшего белого этноса страны, которые после демонтажа режима апартеида перестали доминировать в политической жизни ЮАР. В течение первых лет демократического транзита в африканерской среде шли активные дискуссии о необходимости формирования собственной автономии под названием «Фолькстат» (с африк. *Volkstaat* – «народное государство»), которая должна была иметь значительные полномочия, превышающие нынешние права провинций – в том числе, возможно, и в сфере внешних связей. Хотя отдельные представители радикальных националистов предпринимали попытки изменить цели проекта Фолькстата и выступали за создание суверенного национального государства африканеров вместо потенциальной автономии в составе Южной Африки, эта идея не получила широкой поддержки ни у нового южноафриканского правительства, ни у африканерских политических элит. На данный момент проект создания Фолькстата заменило сепаратистское движение в Западно-Капской провинции, которое набирает все большую популярность в регионе [2].

Правовая основа внешних связей провинций ЮАР. Конституция Южно-Африканской Республики 1996 г. регулирует все аспекты внутренней и внешней политики ЮАР и ее государственного устройства. Основным закон теоретически предусматривает возможность получения провинциями определенной автономии, в т. ч. и в иностранных делах (ст. 104), однако на практике правительство страны пока не смогло определиться со степенью такой автономии и перечнем сфер, на которые ее можно распространить [8].

Так, в 1996 г. при поддержке Министерства международных отношений и сотрудничества в каждой провинции было создано свое внешнеполитическое ведомство, что позволяло Претории осуществлять тотальный контроль за внешними связями провинций. Координацию между национальным и провинциальными правительствами в области международной деятельности должно было осуществлять Управление по связям с провинциями (с 2009 г. – Управление по межправительственным отношениям и провинциальному протоколу).

Следует подчеркнуть однако, что созданные ведомства не играли сколько-нибудь заметной роли ни в провинциальных администрациях, ни в министерстве иностранных дел ЮАР. Взаимодействие между Управлением по межправительственным связям и протоколу провинций и провинциальными управлениями международных отношений в основном ограничивается предоставлением последними консульских услуг для организации международных визитов высокопоставленных провинциальных чиновников, обменом информацией об имеющихся и потенциальных партнерах провинций по международным отношениям и консультированием по вопросам дипломатического этикета [22, р. 67].

В ноябре 2008 г. все с той же целью контроля за внешними связями провинций была принята политическая рамочная программа под названием «Меры и руководящие принципы в целях усиления координации международных связей».

Частью усилий национального правительства, направленных на повышение согласованности международных отношений провинций и приведения их в соответствие с национальной внешней политикой и приоритетами развития стало создание Провинциальной координационной группы по международным отношениям (PIRCG), призванной объединить усилия соответствующих национальных ведомств для оказания поддержки и предоставления рекомендаций практикам в области международных отношений на уровне провинций и муниципалитетов на регулярной основе [22, р. 68].

Необходимость введения надежных рамок по разграничению полномочий между национальным центром, провинциями и муниципалитетами подчеркивается в Законе о рамках межправительственных отношений 2005 г., который устанавливает механизмы осуществления отношений между национальными, провинциальными и местными органами государственной власти и облегчает разрешение межправительственных споров. Этот закон имеет решающее значение для поддержания в ЮАР модели кооперативного управления [18].

В отличие от Основных законов США, Швейцарии, Германии и некоторых стран Латинской Америки Конституция ЮАР не признает 9 провинций в качестве субъектов международного права. Ст. 231 гласит, что исключительное право на заключение международных договоров лежит в ведении национальных органов исполнительной власти, а имплементация этих соглашений возможна только после соответствующего решения двух палат парламента ЮАР – Национальной ассамблеи и Национального совета провинций [8].

Интересно, что с правовой и институциональной точки зрения в Южно-Африканской Республике созданы все условия для успешной и эффективной ауксильной парадипломатии, при которой субъекты федерации или части унитарного государства осуществляют свои внешние связи по указаниям и в направлениях, спущенных из столицы [1]. В случае с ЮАР национальное правительство, очевидно, изначально допускало возможность реализации такой модели, однако на протяжении последних лет практически полностью игнорирует потребность провинций в ведении собственной международной деятельности.

Соответственно, в этих условиях провинции чувствуют, что Претория зачастую игнорирует их интересы при принятии внешнеполитических решений, что побуждает их стремиться к расширению своих прав в этой области, а заодно стимулирует развитие региональной идентичности. Интересно, что в последние годы население провинций все чаще ассоциирует себя прежде всего с ними, и уже затем – с государством в целом. Большой импульс эта тенденция приобрела после корректировки границ провинций в 2000-е гг. в целях большего соответствия границам муниципалитетов и устранения сложившейся в годы апартеида практике разделения городов и округов по расовому признаку [23].

Один из исследователей парадипломатии южноафриканских провинций Д. Гельденхёйс справедливо указывает на лазейку в Конституции ЮАР, которая позволяет южноафриканским провинциям вести международную деятельность, не нарушая Основной закон. В соответствии с Приложениями 4 и 5 к Конституции южноафриканские провинции могут заключать договоры с иностранными государствами и прочими субъектами международного права в тех сферах, которые регулируются этими Приложениями. Приложение 4 относит к совместной компетенции центра и провинций вопросы сельского хозяйства, культуры, охраны окружающей среды, здравоохранения, промышленного развития, торговли, регионального планирования и развития и др. Приложение 5 относит к сфере исключительных полномочий провинциальных органов провинциальное планирование, рынки, муниципальные дороги и т. д. [8].

Поскольку в компетенции провинций оказываются вопросы, по которым редко заключаются международные соглашения, их власти делают ставку на те сферы, которые Приложение 4 относит к совместной юрисдикции. Заключенные провинциями договоры в других областях не могут регулироваться международным правом и считаются не юридически обязывающими документами, а неформальными договоренностями, свидетельствующими о взаимных намерениях и доброй воле подписавших их сторон [14, pp. 3–8]. При этом, разумеется, неформальные внешние контакты провинций страны не противоречат ни Конституции 1996 г., ни другим нормативно-правовым актам страны.

Внешние связи Западно-Капской провинции. Среди девяти регионов Южно-Африканской Республики особо выделяется Западно-Капская провинция (ЗКП). На сегодняшний день это единственная провинция страны, имеющая собственную Конституцию (разумеется, тщательно согласованную с Преторией). Прежде всего, это обусловлено значительным влиянием в Западно-Капской провинции оппозиционных АНК сил после окончания эпохи апартеида. В 1994–1999 гг. большинство населения региона голосовало за Национальную партию под руководством бывшего президента ЮАР Ф. де Клерка. В последующие 10 лет АНК смог нарастить присутствие в провинции, но с 2009 г. на выборах в провинции стабильно побеждает Демократический альянс – либерально-демократическая партия, которая находится в оппозиции АНК по многим вопросам, включая внешнюю политику ЮАР. Одним из основных пунктов программы демократов является поддержка процесса федерализации страны путем расширения полномочий провинций [39]. На национальных выборах 2024 г. АНК впервые за 30 лет лишился парламентского большинства и был вынужден сформировать коалицию из 10 партий, причем Демократический альянс занял второе место по количеству выигранных мест в парламенте после АНК [37].

В 2000–2010-е гг. популярность в провинции начали набирать сепаратистские силы, выступающие за отделение Западно-Капской провинции от ЮАР, а отказ провинциального правительства проводить референдум о независимости привел к созданию Партии референдума, название которой объясняет ее основную идеологию и цель [2]. Впрочем, к настоящему моменту влияние сепаратистов минимально: на последних парламентских выборах в 2024 г. Партия референдума набрала в провинции чуть более 5 тыс. голосов при 3,3 млн избирателей с правом голоса [6].

Согласно Основному закону ЗКП 1997 г. Претория дает ей значительные полномочия в сфере социальной политики, привлечения инвестиций, ведения относительно независимой трудовой политики, а также позволяет выбрать официальные языки региона. В случае с Западно-Капской провинцией их три – английский, африкаанс и коса. При этом вопросы международной деятельности провинции в Конституции никак не освещены [9].

В составе Министерства по делам премьер-министра Западно-Капской провинции (англ. *Western Cape Department of the Premier*) существует управление (директорат) по международным отношениям, однако, как мы указывали выше, этот орган имеет чисто консультативные функции. Официальный сайт правительства региона не дает подробной информации о его работе, полномочиях и результатах деятельности, а поиск по ключевым словам «foreign» и «external» не дает результатов [40].

Наиболее активным и продуктивным органом провинции в области осуществления внешних связей является *Wesgro* – государственное агентство Кейптауна и Западно-Капской провинции по развитию туризма, торговли и инвестиций. Как следует из его названия, именно эти направления являются приоритетами ЗКП на внешнем треке.

Область привлечения прямых иностранных инвестиций Западно-Капской провинции действует весьма успешно: в 2003–2020 гг. провинции удалось привлечь 7,85 млрд долл. ин-

вестиций преимущественно из стран Западной Европы и США [38, р. 6]. В 2012–2021 гг. на Западно-Капскую провинцию приходилось около 21 % всех реализуемых в ЮАР инвестиционных проектов и около 11 % всех капитальных вложений в ЮАР [42].

Привлекательность Западно-Капской провинции для туристов с каждым годом возрастает. По имеющимся данным, более 90 % гостей провинции приезжают из-за рубежа. За первые 4 месяца 2024 г. ее посетили 3,2 млн туристов, т. е. на 17 % больше, чем за аналогичный период 2023 г. [34].

Что касается торговли, то ЗКП является вторым крупнейшим экспортером среди южноафриканских провинций, уступая только Гаутенгу, что, безусловно, во многом объясняется ее выгодным географическим положением и наличием крупного порта. Ключевыми внешнеторговыми партнерами Западно-Капской провинции выступают Нидерланды, США и Великобритания (как импортеры) и Китай, ОАЭ и Индия (как экспортеры). В 2022 г. импорт ЗКП почти в два раза превысил ее экспорт (16,35 млрд долл. и 9,3 млрд долл. соответственно) [43, р. 24–26].

Весьма интересным является изучение стратегии Правительства Западно-Капской провинции *Growth for Jobs (G4J)*, которая должна осуществляться в регионе с 2023 по 2035 г. Хотя основные цели стратегии направлены на расширение собственных возможностей региона по производству и наращиванию поставок на внутренний рынок, Правительство Западно-Капской провинции заявляет о необходимости наращивания партнерства за пределами ЮАР. В первую очередь, Кейптаун рассчитывает на инвестиции из стран Европейского Союза и Северной Америки (США и Канада), при этом провинция планирует увеличивать свой экспорт в данные регионы. Сама стратегия *G4J* говорит о том, что Западно-Капская провинция считает своими основными партнерами именно страны Запада, нежели другие межгосударственные и межправительственные объединения и даже соседние провинции [41]. В этом аспекте она имеет известное сходство с канадскими провинциями, которые также более ориентированы на сотрудничество с зарубежными партнерами, чем на взаимодействие друг с другом [4].

Важно отметить, что активность руководства Западно-Капской провинции на внешнеполитическом треке стала увеличиваться в начале 2020-х гг. на фоне общего роста международной напряженности. Как ни удивительно, важным импульсом, подстегнувшим стремление Кейптауна к большей самостоятельности в осуществлении своих внешних связей, стала специальная военная операция России на Украине. Спустя четыре дня после ее начала Министерство сельского хозяйства Западно-Капской провинции подготовило специальный доклад о влиянии российско-украинского конфликта на сельскохозяйственный сектор провинции и страны в целом. Основной мыслью доклада является признание критической зависимости ЮАР от торговли сельскохозяйственной продукцией с Россией и Украиной. Хотя ЗКП является крупнейшим в стране производителем пшеницы, именно этот продукт составил в 2021 г. 91 % импорта провинции из России. Из Украины туда традиционно поставляется подсолнечное масло (28 % импорта), сырая нефть (25 %) и бобы (15 %). В экспорте Западно-Капской провинции на Украину лидируют фрукты и удобрения, и в этой связи, безусловно, местные власти не могли не беспокоиться об утрате традиционного рынка сбыта, однако здесь следует отметить, что Украина не входит даже в двадцатку крупнейших покупателей западно-капской продукции, а Россия занимает в их списке 13 место [43]. Более серьезные последствия для ЮАР в целом и Западно-Капской провинции в частности мог иметь общемировой рост цен на энергоносители, поскольку и страна, и провинция чрезвычайно зависят от ее импорта [36].

9 марта 2022 г. было опубликовано заявление премьер-министра Западно-Капской провинции Алана Винде об осуждении действий Москвы и поддержке Киева. В нем говорится, что Кейптаун не разделяет «неоднозначную» позицию, занятую правительством ЮАР в ответ на эти действия России. Правительство ЗКП открыто осудило решение Москвы о начале специальной военной операции и настаивало на перемирии и выводе российских войск с территории Украины. Решением провинциального правительства дипломатическим работникам посольства России в Претории и генерального консульства России в Кейптауне было запрещено участвовать в мероприятиях Правительства Западно-Капской провинции, а провинциальные чиновники, соответственно, не могли посещать мероприятия российских дипломатических представительств [30].

Весьма оригинально на это заявление Винде отреагировали сторонники отделения Западно-Капской провинции от ЮАР. Хотя сам премьер-министр не поддерживает выход провинции из состава страны и критикует сепаратистские движения, его действия, как подчеркивают активисты *Cape Independence Advocacy Group*, лишь способствуют достижению ЗКП независимости [12].

27 апреля 2023 г. Винде заявил, что в случае прибытия президента России Владимира Путина на территорию провинции, он будет арестован офицерами местной полиции в соответствии с ордером Международного уголовного суда (МУС) на арест российского лидера. Винде вновь подчеркивает, что Кейптаун осуждает политику президента ЮАР Сирила Рамафосы и правительства страны, которые, несмотря на ордер МУС, все равно планировали пригласить Путина на саммит БРИКС в Йоханнесбурге, и что его провинция продолжит поддерживать Украину, несмотря на позицию Правительства ЮАР [16].

Говоря о других направлениях международной деятельности Западно-Капской провинции, нельзя не упомянуть о том, что за последние 9 лет она отправила в иностранные государства большее число делегаций, чем любая другая провинция страны (здесь, без сомнения, прослеживается влияние правящего Демократического альянса). Делегации Западно-Капской провинции посетили в 2015 г. Анголу [27] и Китай [38], в 2022 г. – Великобританию и Бельгию [24], в 2023 г. – США [25] и Республику Корея [29] (при этом за тот же период Гаутенг, Квазулу-Натал, Восточно-Капская и Северо-Западная провинции отправили за рубеж всего 7 делегаций, а Северо-Капская провинция, Свободное государство, Лимпопо и Мпумаланга не отправили ни одной [35]). В ходе этих визитов Западно-Капская провинция была представлена как основной торговый партнер в ЮАР для этих стран, а позиция Кейптауна по актуальным вопросам внешней политики противопоставлялась позиции южноафриканского правительства, особенно в случае визита премьер-министра Винде в США в 2023 г.

В конце октября 2024 г. с визитом в ЮАР прибыла делегация партийного руководства столицы Вьетнама Ханоя, изучавшая возможности расширения сотрудничества между вьетнамской столицей и различными городами и провинциями ЮАР. Помимо городского округа Цване, где расположена административная столица ЮАР Претория, вьетнамцы посетили и Кейптаун. В ходе встречи с руководством Западно-Капской провинции городскими властями Кейптауна и представителями бизнес-элиты ЮАР делегация из Вьетнама выразила большой интерес к развитию партнерства с Западно-Капской провинцией в сферах туризма, торговли, зеленой энергетики и сельского хозяйства [15].

Городские власти Кейптауна поддерживают стремление ЗКП к расширению международной деятельности. В январе 2023 г. они приняли собственную концепцию расширения сотрудничества с иностранными партнерами и привлечения больших зарубежных инвестиций. Основной целью властей города является популяризация Кейптауна как развитого и стабильного центра ЮАР, организация делегаций городских властей в иностранные государства и прием делегаций из зарубежных стран. Важно отметить, что хотя и в этой концепции основными партнерами называются США и европейские страны, в ее рамках планируется расширение сотрудничества с Китаем, африканскими и южноамериканскими странами. Россия в этом документе не упоминается ни разу, что, очевидно, связано с позицией провинциального правительства по отношению к Москве [17].

В Кейптауне традиционно проводится форум *Africa Tech Festival*, который является основной площадкой в Африке по вопросам информационных технологий, телекоммуникаций и цифровой инфраструктуры. Прошедший в начале ноября 2024 г. форум активно освещался Правительством Западно-Капской провинции и городскими властями Кейптауна, что видно и в официальных заявлениях. На сайте *Wesgro* указано, что форум привлекает иностранных инвесторов в регион и создает положительный образ Кейптауна как основного технологического центра континента: «Технологический успех региона основан на устойчивой культуре создания стартапов, процветающем рынке венчурного капитала и богатстве талантливых специалистов, конкурентоспособных на мировом рынке. Эти преимущества в сочетании с инфраструктурой мирового класса, благоприятной нормативно-правовой базой и доступом к международным рынкам сделали Кейптаун привлекательным местом как для местных, так и для иностранных инвестиций» [7].

Заключение. Концентрация всех прав на реализацию внешней политики в руках Правительства ЮАР и лишение провинций законодательно оформленных возможностей по осуществлению внешних связей не позволяет последним принимать активное участие во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности страны, что во многих случаях приводит к снижению эффективности национальной внешней политики [21].

Однако несколько провинций не согласны с текущим положением дел и стремятся заявить о себе как о независимых акторах международных отношений. Западно-Капская провинция активно расширяет и углубляет свои внешние связи с иностранными партнерами, используя для этого все возможности, предоставляемые Конституцией ЮАР 1996 г. и други-

ми нормативно-правовыми актами, и ее усилия по привлечению прямых иностранных инвестиций и туристов и расширению торгового сотрудничества выглядят достаточно эффективными. При этом провинция не хочет действовать в русле внешнеполитических установок Претории, претендуя на право формирования собственных взглядов и приоритетов. За последние годы Кейптаун неоднократно выступал с внешнеполитическими заявлениями, которые противоречили позиции руководства страны, однако, что примечательно, эти выступления не повлекли за собой никаких нареканий со стороны центрального правительства. При этом важно отметить, что на данном этапе Западно-Капская провинция не стремится к обретению суверенитета, а выступает за федерализацию ЮАР и расширение прав провинций.

Устойчивые симпатии жителей ЗКП к Демократическому альянсу, выступающему за федерализацию ЮАР, и определенные успехи провинции на внешнеполитическом треке свидетельствуют о том, что Западно-Капская провинция может в чем-то повторить опыт канадского Квебека и стать флагманом парадипломатии среди южноафриканских провинций.

Список литературы

1. Акимов Ю. Г. Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 33–41. URL: <https://elibrary.ru/faqcwj>. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10026.
2. Давыдов Д. А. Создание автономии Фолькстата в Южной Африке как попытка сохранить африканерскую национальную идентичность после краха апартеида // Зимняя конференция СНО: Вопросы колониализма в международных отношениях : сборник статей Третьей международной студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 30 ноября – 02 декабря 2023 года. СПб. : Скифия-принт, 2024. С. 136–146. URL: <https://elibrary.ru/ykmcсу>.
3. Емельянов А. Л. Доколониальная история Африки южнее Сахары : учебное пособие : в 3 ч. Ч. 2: Государственные образования / Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра востоковедения. М. : МГИМО-Университет, 2021. 295 с. URL: <https://elibrary.ru/ndwclo>.
4. Минкова К. В. Канадский федерализм в торговых отношениях: внутриканадские торговые блоки // Канадский ежегодник. 2014. № 18. С. 103–109. URL: <https://elibrary.ru/tiliux>.
5. Чкония Л. 46 лет одиночества: главные уроки санкций против ЮАР в период апартеида // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 25.07.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/46-let-odinochestva/> (дата обращения: 08.12.2024).
6. 2024 Provincial Election. Detailed Results. Western Cape // Electoral Commission of South Africa. 06.06.2024. URL: <https://results.elections.org.za/home/NPEPublicReports/1335/Results%20Report/WP/WP.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).
7. Cape Town and the Western Cape Strengthen Position as Africa's Tech Capital at Africa Tech Festival 2024 // Wesgro. 27.11.2024. URL: <https://www.wesgro.co.za/corporate/news/2024/cape-town-and-the-western-cape-strengthen-position-as-africas-tech-capital-at-africa-tech-festival-2024> (дата обращения: 14.12.2024).
8. Constitution of the Republic of South Africa. 1996. URL: <https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-1996-04-feb-1997> (дата обращения: 15.11.2024).
9. Constitution of the Western Cape. 1997. URL: https://www.westerncape.gov.za/files/wcg-blob-files?file=2024-07/wcape_constitution_english.pdf&type=file (дата обращения: 14.11.2024).
10. Constitutional Court of South Africa. Case CCT 15/96: Certification of the Constitution of the Province of KwaZulu-Natal, 1996 // Southern African Legal Information Institute. URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZACC/1996/17.pdf> (дата обращения: 13.12.2024).
11. Cornago N. Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Cooperation // Paradiplomacy in Action: The Foreign Relations of Sub-National Governments / ed. by F. Aldecoa and M. Keating. London : Frank Cass, 1999. Pp. 40–57.
12. Craig P. De-facto Independence of the Western Cape now Underway // Cape Independence Advocacy Group. 18.03.2022. URL: <https://www.capeindependence.org/post/de-facto-independence-of-the-western-cape-now-underway> (дата обращения: 13.12.2024).
13. Duchacek I. D. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations // Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units / ed. by H. J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford : Oxford University Press, 1990. Pp. 1–33.
14. Geldenhuys D. The Foreign Relations of South Africa's Provinces. SAIIA Report. No. 12. Johannesburg : The South African Institute of International Affairs, 1998. 67 p.
15. Hanoi seeks stronger cooperation with South African localities // VietnamPlus. VNA. 01.11.2024. URL: <https://en.vietnamplus.vn/hanoi-seeks-stronger-cooperation-with-south-african-localities-post301314.vnp> (дата обращения: 13.12.2024).
16. If Putin comes to Western Cape, LEAP officers will be instructed to arrest him // Western Cape Department of the Premier. 2023. April 27. URL: <https://www.westerncape.gov.za/department-premier/node/1183> (дата обращения: 14.11.2024).

17. Implementation Framework of the International Relations Policy of the City of Cape Town. Cape Town : City of Cape Town Directorate of Future Planning & Resilience, 2023. 15 p. URL: https://resource.capetown.gov.za/documentcentre/Documents/City%20strategies,%20plans%20and%20frameworks/FINAL_ERS_Implementation_Framework_AUG_2013.pdf (дата обращения: 14.12.2024).
18. Intergovernmental Relations Framework Act 13 of 2005. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/a13-051.pdf (дата обращения: 15.11.2024).
19. Kuznetsov A. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London & New York : Routledge, 2015. 174 p.
20. Magam N. D. Paradiplomacy in South Africa: the role of interest and identity in the international relations of KwaZulu-Natal Province. Thesis submitted in fulfillment of the requirements for the award of the degree of Doctor of Philosophy in International Relations. Durban : University of KwaZulu-Natal, July 2018. 213 p. URL: https://researchspace.ukzn.ac.za/bitstream/10413/15886/1/Magam_Nolubabalo_Dawn_2018.pdf (дата обращения: 11.12.2024).
21. Mlambo D. N., Adetiba T. C. South Africa and Regional Integration in Southern Africa Post-1994: Realities, Challenges and Prospects // Journal of Nation-building & Policy Studies. 2020. Vol. 4. No. 4. Pp. 5–33. DOI: 10.31920/2516-3132/2020/v4n1a1.
22. Nganje F. Intergovernmental Relations on Foreign Affairs in South Africa: A Twenty Year Review // The Strategic Review for Southern Africa. 2015. Vol. 37. No. 2. Pp. 52–73. DOI: 10.35293/SRSA.V37I2.242.
23. Oliver N. Las relaciones intergubernamentales en Sudáfrica: solución de conflictos dentro del poder ejecutivo y legislativo del gobierno // Las relaciones intergubernamentales en los países federales. Ottawa : Forum of Federations, 2000. Pp. 89–108. URL: <https://forumfed.org.b-cdn.net/wp-content/uploads/2016/03/IGR-za-Olivier-s.pdf> (дата обращения: 16.11.2024).
24. Premier Alan Winde embarks on international drive to secure international investment and donor funds. URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/premier-alan-winde-embarks-international-drive-secure-international> (дата обращения: 14.11.2024).
25. Premier Alan Winde leads delegation to United States of America to promote the Western Cape as a trade and investment destination of choice. URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/premier-alan-winde-leads-delegation-united-states-america-promote-western> (дата обращения: 14.11.2024).
26. Premier Alan Winde on provincial's cabinet condemnation of Russia's Invasion. URL: <https://d7.westerncape.gov.za/news/premier-alan-winde-provincial-cabinet-s-condemnation-russia-s-invasion> (дата обращения: 14.11.2024).
27. Premier Helen Zille addresses delegates at business reception in Angola. URL: <https://www.gov.za/news/premier-helen-zille-addresses-delegates-business-reception-angola-27-apr-2015> (дата обращения: 14.11.2024).
28. Premier Helen Zille attends opening of Asia's largest trade show. URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/premier-helen-zille-attends-opening-asia-s-largest-trade-show-12-nov-2015> (дата обращения: 14.11.2024).
29. Premier Winde leads delegation to South Korea to build on critical economic relations. URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/premier-winde-leads-delegation-south-korea-build-critical-economic-relations> (дата обращения: 14.11.2024).
30. SA calls on Russia to “immediately withdraw its forces from Ukraine” // TimesLIVE. 2022. February 24. URL: <https://www.timeslive.co.za/news/south-africa/2022-02-24-sa-calls-on-russia-to-immediately-withdraw-its-forces-from-ukraine/> (дата обращения: 14.12.2024).
31. Soldatos P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors // Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units / ed. by H. J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford : Oxford University Press, 1990. Pp. 34–38.
32. South African Government. Foreign Policy for South Africa. 01.06.1996. URL: <https://www.gov.za/documents/other/foreign-policy-south-africa-discussion-document-01-jun-1996> (дата обращения: 15.11.2024).
33. South African Government. Government on Emergency United Nations General Assembly Special Session on Ukraine. 01.03.2022. URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/government-emergency-united-nations-general-assembly-special-session-ukraine> (дата обращения: 13.12.2024).
34. South African Government. MEC Mireille Wenger on Tourism growth in Western Cape. 10.06.2024. URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/mec-mireille-wenger-tourism-growth-western-cape-10-jun-2024> (дата обращения: 12.12.2024).
35. South African Government. Media statements: international relations (January 1, 2015 – November 30, 2024). URL: https://www.gov.za/news/media-statements?title_field_value=&field_gcis_speech_category_tid=338&level=All&field_province_tid=All&subjects%5B%5D=695&field_gcis_speech_date_value%5Bmin%5D=2015-01-01&field_gcis_speech_date_value%5Bmax%5D=2024-11-30 (дата обращения: 30.11.2024).
36. The potential impact of Russia and Ukraine conflict on the Western Cape Agricultural Sector, South Africa // Western Cape Department of Agriculture. 2022. February 28. URL: https://www.elsenburg.com/wp-content/uploads/2024/05/Potential-impact-of-Russia-and-Ukraine-conflict-on-WC-Agric-sector_TM.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

37. The Presidency of the Republic of South Africa. Statement by President Cyril Ramaphosa on the appointment of Members of the National Executive. 30.06.2024. URL: <https://www.presidency.gov.za/state-ment-president-cyril-ramaphosa-appointment-members-national-executive> (дата обращения: 11.12.2024).

38. The Western Cape's Inward Foreign Direct Investment Plan // Wesgro. 28.02.2021. URL: <https://www.wesgro.co.za/uploads/files/The-Western-Capes-Inward-FDI-Plan.pdf> (дата обращения: 12.12.2024).

39. *van Staden M.* The Potential for Constitutional Devolution in South Africa // *Cato Journal*. 2021. Vol. 41. No. 3. Pp. 691–710. DOI: 10.36009/CJ.41.3.11. URL: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/2021-10/cj-41n3-11.pdf> (дата обращения: 11.12.2024).

40. Western Cape Department of the Premier. About us. URL: <https://www.westerncape.gov.za/department-premier/about-us-department-premier> (дата обращения: 14.11.2024).

41. Western Cape Growth for Jobs Strategy 2023–2035 // Western Cape Department of Economic Development and Tourism. 2023. URL: https://www.westerncape.gov.za/edat/files/wcg-blob-files?file=2024-10/final_growth_for_jobs_strategy_2023_cabinet_approved.pdf&type=file (дата обращения: 14.11.2024).

42. Western Cape remains an attractive destination for foreign direct investment // Wesgro. 29.06.2022. URL: <https://www.wesgro.co.za/corporate/news/2022/western-cape-remains-an-attractive-destination-for-foreign-direct-investment> (дата обращения: 12.12.2024).

43. Western Cape Trade Flows & Developments 2022 // Wesgro. 2023. URL: <https://www.wesgro.co.za/uploads/files/Western-Cape-Trade-Flows-and-Developments-2022-2024.pdf> (дата обращения: 12.12.2024).

External Affairs of the Provinces of the Republic of South Africa (on the Example of the Province of the Western Cape)

Davydov Denis Alexandrovich¹, Minkova Kristina Vladimirovna²

¹member of the Center for Canadian Studies, St. Petersburg State University. Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0009-0006-3643-8882. ResearcherID: 1270749. E-mail: davydov_denis@icloud.com

²Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of American Studies, St. Petersburg State University. Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0001-5833-6808. ResearcherID: 730215. E-mail: k.minkova@spbu.ru

Abstract. The relevance of the proposed topic is determined by the significant increase in the role of subnational actors (federated entities, territorial autonomies, unrecognised states, etc.) in the international arena. The article is aimed at defining the legal basis of paradiplomacy of the South African provinces and analyzing the main directions and results of their foreign relations on the example of the province of the Western Cape. The subject of the study is the paradiplomacy of the provinces of the Republic of South Africa.

The authors conclude that South African provincial external relations is one of the least effective policies of the South African provinces due to the lack of a relevant normative framework. The absence of a clear delineation of powers for external relations between the federal centre and the provinces does not allow the provinces to successfully and effectively develop their external relations policies.

The Western Cape has been the most successful in the area of paradiplomacy, with its active engagement in the foreign policy and foreign economic tracks enabling it to attract a large number of foreign partners and investors. On some controversial issues, the provincial authorities have gone against the Pretoria line, which shows the Western Cape's considerable authority within South Africa and its desire for greater independence in international affairs.

The results of the article may have practical and scientific applications. The scientific one is related to the fact that in domestic historiography the foreign relations of the provinces of the Republic of South Africa have been little investigated, although their study is of great scientific and practical interest. Practical value lies in the assumption that the experience of paradiplomacy of the South African provinces can be successfully applied to improve the effectiveness of external relations of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: South Africa, paradiplomacy, autonomy, Western Cape.

References

1. *Akimov Yu. G. Mezhdunarodnaya deyatel'nost' subnational'nyh aktorov i vneshnyaya politika gosudarstva: varianty vzaimodejstviya i interpretacii* [International Activities of Subnational Actors and Foreign Policy of the Nation State: Models of Interaction and Interpretations] // *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 33–41. Available at: <https://elibrary.ru/faqcwj>. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10026.

2. *Davydov D. A. Sozдание avtonomii Fol'kstata v Juzhnoj Afrike kak popytka sohranit' afrikanerskuju nacion-al'nuju identichnost' posle kraha aparteida* [Creation of the Volkstaat Autonomy in South Africa as an Attempt to Preserve Afrikaner National Identity after the Collapse of Apartheid] // *Zimnjaja konferencija SNO: Voprosy kolonializma v mezhdunarodnyh otnoshenijah : sbornik statej Tret'ej mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 30 nojabrja – 02 dekabrja 2023 goda – Winter Conference of the Student Scientific Society: Issues*

of Colonialism in International Relations : collection of articles of the Third International Student Scientific Conference. Saint Petersburg: November 30 – December 2, 2023. SPb. Scythia-print, 2024. Pp. 136–146. Available at: <https://elibrary.ru/ykmcu>.

3. *Emel'yanov A. L. Dokolonial'naja istorija Afriki juzhnee Sahary : uchebnoe posobie : v 3 ch. Ch. 2: Gosudarstvennye obrazovanija* [Pre-Colonial History of Sub-Saharan Africa : a textbook : in 3 parts. Part 2: State Entities] / Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of Asian and African Studies. M. MGIMO University, 2021. 295 p. Available at: <https://elibrary.ru/ndwclo>.

4. *Minkova K. V. Kanadskij federalizm v trgovykh otnosheniyah: vnutrikanadskie torgovye bloki* [Canadian federalism in trade relations: intra-Canadian trade blocs] // *Kanadskij ezhegodnik* – Canadian Yearbook. 2014. No. 18. Pp. 103–109. Available at: <https://elibrary.ru/tliux>.

5. *Chkonija L. 46 let odinochestva: glavnye uroki sankcij protiv JuAR v period aparteyda* [46 Years of Solitude: The Main Lessons of the Apartheid Sanctions Against South Africa] // *Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub "Valdaj"* – Valdai International Discussion Club. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/46-let-odinochestva/> (date accessed: 08.12.2024).

6. 2024 Provincial Election. Detailed Results. Western Cape // Electoral Commission of South Africa. 06.06.2024. Available at: <https://results.elections.org.za/home/NPEPublicReports/1335/Results%20Report/WP/WP.pdf> (date accessed: 14.12.2024).

7. Cape Town and the Western Cape Strengthen Position as Africa's Tech Capital at Africa Tech Festival 2024 // Wesgro. 27.11.2024. Available at: <https://www.wesgro.co.za/corporate/news/2024/cape-town-and-the-western-cape-strengthen-position-as-africas-tech-capital-at-africa-tech-festival-2024> (date accessed: 14.12.2024).

8. Constitution of the Republic of South Africa. 1996. Available at: <https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-1996-04-feb-1997> (date accessed: 15.11.2024).

9. Constitution of the Western Cape. 1997. Available at: https://www.westerncape.gov.za/files/wcg-blob-files?file=2024-07/wcape_constitution_english.pdf&type=file (date accessed: 14.11.2024).

10. Constitutional Court of South Africa. Case CCT 15/96: Certification of the Constitution of the Province of KwaZulu-Natal, 1996 // Southern African Legal Information Institute. Available at: <https://www.saflii.org/za/cases/ZACC/1996/17.pdf> (date accessed: 13.12.2024).

11. *Cornago N. Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Cooperation* // *Paradiplomacy in Action: The Foreign Relations of Sub-National Governments* / ed. by F. Aldecoa and M. Keating. London : Frank Cass, 1999. Pp. 40–57.

12. *Craig P. De-facto Independence of the Western Cape now Underway* // Cape Independence Advocacy Group. 18.03.2022. Available at: <https://www.capeindependence.org/post/de-facto-independence-of-the-western-cape-now-underway> (date accessed: 13.12.2024).

13. *Duchacek I. D. Perforated Sovereignities: Towards a Typology of New Actors in International Relations* // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / ed. by H. J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford : Oxford University Press, 1990. Pp. 1–33.

14. *Geldenhuys D. The Foreign Relations of South Africa's Provinces*. SAIIA Report. No. 12. Johannesburg : The South African Institute of International Affairs, 1998. 67 p.

15. Hanoi seeks stronger cooperation with South African localities // VietnamPlus. VNA. 01.11.2024. Available at: <https://en.vietnamplus.vn/hanoi-seeks-stronger-cooperation-with-south-african-localities-post301314.vnp> (date accessed: 13.12.2024).

16. If Putin comes to Western Cape, LEAP officers will be instructed to arrest him // Western Cape Department of the Premier. 2023. April 27. Available at: <https://www.westerncape.gov.za/department-premier/node/1183> (date accessed: 14.11.2024).

17. Implementation Framework of the International Relations Policy of the City of Cape Town. Cape Town : City of Cape Town Directorate of Future Planning & Resilience, 2023. 15 p. Available at: https://resource.capetown.gov.za/documentcentre/Documents/City%20strategies,%20plans%20and%20frameworks/FINAL_ERS_Implementation_Framework_AUG_2013.pdf (date accessed: 14.12.2024).

18. Intergovernmental Relations Framework Act 13 of 2005. Available at: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/a13-051.pdf (date accessed: 15.11.2024).

19. *Kuznetsov A. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs*. London & New York : Routledge, 2015. 174 p.

20. *Magam N. D. Paradiplomacy in South Africa: the role of interest and identity in the international relations of KwaZulu-Natal Province*. Thesis submitted in fulfillment of the requirements for the award of the degree of Doctor of Philosophy in International Relations. Durban : University of KwaZulu-Natal, July 2018. 213 p. Available at: https://researchspace.ukzn.ac.za/bitstream/10413/15886/1/Magam_Nolubabalo_Dawn_2018.pdf (date accessed: 11.12.2024).

21. *Mlambo D. N., Adetiba T. C. South Africa and Regional Integration in Southern Africa Post-1994: Realities, Challenges and Prospects* // *Journal of Nation-building & Policy Studies*. 2020. Vol. 4. No. 4. Pp. 5–33. DOI: 10.31920/2516-3132/2020/v4n1a1.

22. *Nganje F. Intergovernmental Relations on Foreign Affairs in South Africa: A Twenty Year Review* // *The Strategic Review for Southern Africa*. 2015. Vol. 37. No. 2. Pp. 52–73. DOI: 10.35293/SRSA.V37I2.242.

23. *Oliver N. Las relaciones intergubernamentales en Sudáfrica: solución de conflictos dentro del poder ejecutivo y legislativo del gobierno* // *Las relaciones intergubernamentales en los países federales*. Ottawa :

Forum of Federations, 2000. Pp. 89–108. Available at: <https://forumfed.org.b-cdn.net/wp-content/uploads/2016/03/IGR-za-Olivier-s.pdf> (date accessed: 16.11.2024).

24. Premier Alan Winde embarks on international drive to secure international investment and donor funds. Available at: <https://www.gov.za/news/media-statements/premier-alan-winde-embarks-international-drive-secure-international> (date accessed: 14.11.2024).

25. Premier Alan Winde leads delegation to United States of America to promote the Western Cape as a trade and investment destination of choice. Available at: <https://www.gov.za/news/media-statements/premier-alan-winde-leads-delegation-united-states-america-promote-western> (date accessed: 14.11.2024).

26. Premier Alan Winde on provincial's cabinet condemnation of Russia's Invasion. Available at: <https://d7.westerncape.gov.za/news/premier-alan-winde-provincial-cabinet's-condemnation-russia's-invasion> (date accessed: 14.11.2024).

27. Premier Helen Zille addresses delegates at business reception in Angola. Available at: <https://www.gov.za/news/premier-helen-zille-addresses-delegates-business-reception-angola-27-apr-2015> (date accessed: 14.11.2024).

28. Premier Helen Zille attends opening of Asia's largest trade show. Available at: <https://www.gov.za/news/media-statements/premier-helen-zille-attends-opening-asia's-largest-trade-show-12-nov-2015> (date accessed: 14.11.2024).

29. Premier Winde leads delegation to South Korea to build on critical economic relations. Available at: <https://www.gov.za/news/media-statements/premier-winde-leads-delegation-south-korea-build-critical-economic-relations> (date accessed: 14.11.2024).

30. SA calls on Russia to "immediately withdraw its forces from Ukraine" // TimesLIVE. 2022. February 24. Available at: <https://www.timeslive.co.za/news/south-africa/2022-02-24-sa-calls-on-russia-to-immediately-withdraw-its-forces-from-ukraine/> (date accessed: 14.12.2024).

31. *Soldatos P.* An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / ed. by H. J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford : Oxford University Press, 1990. Pp. 34–38.

32. South African Government. Foreign Policy for South Africa. 01.06.1996. Available at: <https://www.gov.za/documents/other/foreign-policy-south-africa-discussion-document-01-jun-1996> (date accessed: 15.11.2024).

33. South African Government. Government on Emergency United Nations General Assembly Special Session on Ukraine. 01.03.2022. Available at: <https://www.gov.za/news/media-statements/government-emergency-united-nations-general-assembly-special-session-ukraine> (date accessed: 13.12.2024).

34. South African Government. MEC Mireille Wenger on Tourism growth in Western Cape. 10.06.2024. Available at: <https://www.gov.za/news/media-statements/mec-mireille-wenger-tourism-growth-western-cape-10-jun-2024> (date accessed: 12.12.2024).

35. South African Government. Media statements: international relations (January 1, 2015 – November 30, 2024). Available at: https://www.gov.za/news/media-statements?title_field_value=&field_gcis_speech_category_tid=338&level=All&field_province_tid=All&subjects%5B%5D=695&field_gcis_speech_date_value%5Bmin%5D=2015-01-01&field_gcis_speech_date_value%5Bmax%5D=2024-11-30 (date accessed: 30.11.2024).

36. The potential impact of Russia and Ukraine conflict on the Western Cape Agricultural Sector, South Africa // Western Cape Department of Agriculture. 2022. February 28. Available at: https://www.elsenburg.com/wp-content/uploads/2024/05/Potential-impact-of-Russia-and-Ukraine-conflict-on-WC-Agric-sector_TM.pdf (date accessed: 14.11.2024).

37. The Presidency of the Republic of South Africa. Statement by President Cyril Ramaphosa on the appointment of Members of the National Executive. 30.06.2024. Available at: <https://www.presidency.gov.za/statement-president-cyril-ramaphosa-appointment-members-national-executive> (date accessed: 11.12.2024).

38. The Western Cape's Inward Foreign Direct Investment Plan // Wesgro. 28.02.2021. Available at: <https://www.wesgro.co.za/uploads/files/The-Western-Capes-Inward-FDI-Plan.pdf> (date accessed: 12.12.2024).

39. *van Staden M.* The Potential for Constitutional Devolution in South Africa // *Cato Journal*. 2021. Vol. 41. No. 3. Pp. 691–710. DOI: 10.36009/CJ.41.3.11. Available at: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/2021-10/cj-41n3-11.pdf> (date accessed: 11.12.2024).

40. Western Cape Department of the Premier. About us. Available at: <https://www.westerncape.gov.za/departments-premier/about-us-department-premier> (date accessed 14.11.2024).

41. Western Cape Growth for Jobs Strategy 2023–2035 // Western Cape Department of Economic Development and Tourism. 2023. Available at: https://www.westerncape.gov.za/edat/files/wcg-blob-files?file=2024-10/final_growth_for_jobs_strategy_2023_cabinet_approved.pdf&type=file (date accessed: 14.11.2024).

42. Western Cape remains an attractive destination for foreign direct investment // Wesgro. 29.06.2022. Available at: <https://www.wesgro.co.za/corporate/news/2022/western-cape-remains-an-attractive-destination-for-foreign-direct-investment> (date accessed: 12.12.2024).

43. Western Cape Trade Flows & Developments 2022 // Wesgro. 2023. Available at: <https://www.Wesgro.co.za/uploads/files/Western-Cape-Trade-Flows-and-Developments-2022-2024.pdf> (date accessed: 12.12.2024).

Поступила в редакцию: 18.12.2024

Принята к публикации: 17.01.2025

Феномен независимых кандидатов в президентских выборах в США

Кочегуров Дмитрий Александрович¹, Гасанов Камран Низами оглы²

¹кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады, Российская академия наук. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0003-4955-033X. ResearcherID: 1033347. E-mail: d.kochegurov@iskran.ru

²доктор политологии Университета Зальцбурга (PhD), старший преподаватель, Российский университет дружбы народов; эксперт, Российский совет по международным делам. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-9338-5856. E-mail: gasanov-kn@rudn.ru

Аннотация. Актуальность и значимость статьи обусловлены ростом популярности независимых, несистемных политиков на Западе. В статье подробно рассматривается история выступлений независимых кандидатов и кандидатов от третьих партий на президентских выборах в США с акцентом на феномене Р. Кеннеди-младшего, представляющего особый интерес в избирательной кампании 2024 г. Делается вывод, что независимые кандидаты и кандидаты от третьих партий периодически влияли на президентские выборы, что подтверждают результаты историографического обзора, а также фактор Р. Кеннеди в минувшей президентской гонке.

Ключевые слова: выборы, независимые кандидаты, опрос, РФК, США.

Введение. История вмешательства «третьих сил» в президентские выборы в США. Кандидаты, не представляющие две основные партии, и ранее боролись за место в Овальном кабинете. В этом президентские выборы 2024 г. не уникальны. В истории США фиксируются ряд случаев, когда независимые кандидаты и кандидаты от третьих партий, реально претендующие на победу, собирали значительное число голосов избирателей, влияя на ход и результат выборов [16, р. 81]. Зачастую их появление становилось отражением очередного для американской политической системы переломного периода и отвечало широкому общественному запросу на появление в США третьей крупной партии.

Первым политиком, которого в некотором виде можно отнести к независимым кандидатам, стал действующий на тот момент вице-президент Джордж Клинтон, попытавшийся бросить вызов «отцу-основателю» США Джеймсу Мэдисону на выборах 1808 г. Дж. Клинтон не смог заручиться поддержкой Федералистской партии, выступил как оппозиционный демократ-республиканец и в итоге получил шесть голосов выборщиков.

В 1824 г. прошли, возможно, самые странные выборы в истории США, где участвовало четверо кандидатов от Демократическо-республиканской партии. Исход кампании решила Палата представителей, поскольку никто не набрал относительного большинства голосов избирателей. Победу присудили Джону Квинси Адамсу, по всем показателям уступившему Эндрю Джексону, и на сегодняшний день это единственные выборы, где кандидат, получивший наибольшее число выборщиков, не победил.

В 1832 г. заявила о себе Антимасонская партия – первая из «третьих партий», которая отметилась тем, что впервые ввела в практику национальные партийные конвенции для выдвижения кандидата на президентские выборы. Их кандидат, бывший генпрокурор Уильям Вирт в итоге победил в штате Вермонт с семью выборщиками (7,8 % голосов).

Выборы 1844 г. стали первым известным случаем, когда кандидат от третьей партии повлиял на итоговый результат. Тогда Джеймс Нокс Полк от Демократической партии (170 выборщиков, 15 штатов, 49,4 % голосов) с небольшим перевесом победил вига Генри Клея (105 выборщиков, 11 штатов, 48,2 % голосов). Интересно, что в общенациональном голосовании Дж. Полк обошел Г. Клея менее чем на 40 тыс. голосов с разницей меньше, чем у третьего кандидата от антирабовладельческой Партии Свободы, ранее участвовавшего в кампаниях Г. Клея, Джеймса Бирни (более чем 60 тыс. голосов, 2,3 %). Доля голосов за Дж. Бирни в штате Нью-Йорк с 36 выборщиками (3,25 %) превысила отрыв Дж. Полка от Г. Клея (1,05 %). В результате «великий мастер компромиссов» Г. Клей, один из наиболее вы-

дающихся сенаторов в истории США, стоящий у истоков Республиканской партии и Партии вигов, с третьей попытки так и не сумел стать президентом страны. А Дж. Полк, который вел предвыборную кампанию под лозунгами экспансионизма, вскоре совершил крупнейшее расширение территории США со времен «луизианской покупки».

В ходе напряженной борьбы на выборах 1848 г. кандидат от Партии вигов Закари Тейлор (163 выборщика, 15 штатов) выиграл у демократа Льюиса Касса (127 выборщиков, 15 штатов). Однако голоса избирателей распределились таким образом, что хотя кандидат от Партии свободной земли, экс-президент и один из основателей Демократической партии Мартин Ван Бюрен остался без выборщиков, он отнял у Л. Касса достаточно голосов, чтобы победа в Нью-Йорке и на выборах досталась З. Тейлору. Проголосуй Нью-Йорк или Пенсильвания за Л. Касса, он стал бы президентом.

В середине 1850-х гг. незадолго до гражданской войны была образована Партия «незнаек», или Американская партия на базе отмены рабства, остатков доктрины северных вигов, протестантской нелюбви к католикам и нелюбви американцев к иностранцам. На промежуточных выборах 1854 г. они, как и молодая Республиканская партия, получили много мест в конгрессе, добившись такого успеха, что им предсказывали победу в 1856 г.

На крайне напряженных выборах 1856 г., ознаменовавших конец Второй партийной системы в США, впервые было больше двух основных кандидатов в президенты. Голоса распределились следующим образом: демократ Джеймс Бьюкенен получил 174 выборщика (45,3 %), республиканец Джон Фримонт – 114 (33,1 %), кандидат от «незнаек» Миллард Филмор – 8 (21,5 %). М. Филмор взял лишь один штат Мэриленд, но параллельно навредил Дж. Фримонту. Если бы Пенсильвания и Илинойс или Индиана проголосовали за Дж. Фримонта, он стал бы президентом. В итоге к власти пришел один из худших президентов за всю историю США. В 1860 г. Демократическая партия, ослабленная расколом, вновь проиграла президентские выборы. Разделение между северной и южной ветвями партии сыграло свою роль в победе А. Линкольна.

Выборы 1892 г. были отмечены тем, что победу на них одержал Гровер Кливленд, став единственным президентом от Демократической партии, избравшимся между 1856 г. и 1912 г., и единственным до Д. Трампа, занимавшим пост президента два срока с перерывом [19]. Важно и то, что удачно выступил кандидат от третьей по значению Народной партии, или Популистской партии, Джеймс Б. Уивер. Хотя он и не повлиял на ход выборов, Дж. Уивер набрал более 1 млн голосов и 22 выборщика. Популистская партия достигла успеха в 5 штатах, получив места в Палате представителей, что ускорило зарождение Движения прогрессистов в Америке.

Теодор Рузвельт: боец за прогресс, расколовший Республиканскую партию. В 1912 г. бывший президент Теодор Рузвельт, не получивший поддержки республиканцев и обвинивший их в краже у него номинации на Республиканской конвенции в Чикаго, создал Прогрессивную партию и взял 6 штатов (27,4 % голосов). Уникальность выборов 1912 г. состоит в том, что это был третий раз в истории США, когда баллотировались больше двух основных кандидатов в президенты, это третий и последний до выборов 2024 г. случай, когда одним из кандидатов был бывший президент, это последние выборы, на которых кандидат от третьей партии занял второе место, и единственные, когда действующий президент занял лишь третье место.

Выборы 1912 г. считаются высшей точкой эры прогрессивизма в США, когда прогрессисты могли оспорить лидерство консерваторов в Республиканской партии [11, р. 14]. Во время президентства Уильяма Тафта в Республиканской партии произошел раскол между прогрессистами и консерваторами [15, р. 116]. Т. Рузвельт и У. Тафт идентифицировались с этими двумя крыльями. Прогрессивная предвыборная платформа Т. Рузвельта «новый национализм» была по своему содержанию социал-демократической (Т. Рузвельт оставался радикально правым в отношении внешнеполитической экспансии), что не устраивало консервативную верхушку, сросшуюся с крупным бизнесом, который помнил о борьбе Т. Рузвельта с монополиями. Значительная часть республиканских усилий была направлена на дискредитацию Т. Рузвельта как опасного радикала, но это не возымело эффекта. «Здоровый как лось» Т. Рузвельт продолжил свою кампанию, дав слово разрушить союз коррумпированных политиков и бизнеса.

На первых в истории президентских праймериз Т. Рузвельт выступил сильно даже в родном для У. Тафта штате Огайо. Т. Рузвельт получил четверть голосов, хотя и не выиграл выборы. В результате разделения республиканского электората пострадали оба: Т. Рузвельт с 27,4 % голосов (6 штатов) и У. Тафт с 23,2 % голосов (2 штата). Победу одержал демократ Ву-

дро Вильсон (41,8 % голосов, 40 штатов), которому удалось привлечь голоса неопределенных и республиканцев, испытывавших неприязнь к Т. Рузвельту. Если бы Т. Рузвельт или У. Тафт вышли из гонки, победу одержал бы республиканский кандидат.

Роберт Лафоллет и Генри Уоллес: две попытки продолжения дела «Тедди». Вслед за успехом прогрессистов начала XX в. последовали еще несколько волн. На выборах 1924 г. удачно выступил сенатор от Висконсина Роберт Лафоллет от Прогрессивной партии, получивший 16,6 % голосов (1 штат) – третий результат с начала XX в. среди независимых после выборов 1912 г. и 1992 г. И это последние выборы, на которых кандидат от третьей партии победил в неюжном штате. Р. Лафоллет сплотил вокруг себя коалицию на «рабоче-крестьянской» основе, а также добился поддержки левых, критикуя олигархию и плутократию. Если оба основных кандидата агитировали за маленькое правительство, снижение налогов и дерегулирование, Р. Лафоллет призывал к национализации железных дорог и повышению налогов для богатых, предвосхищая «Новый курс». И вновь, как и в 1912 г., успеху третьего кандидата сопутствовал катастрофический раскол среди основной партии, на этот раз на полях Демократической конвенции. Республиканец Калвин Кулидж уверенно забрал 54,0 % голосов (35 штатов) и впервые за многие годы, и до сих пор в последний раз, победил в городе Нью-Йорк, в то время как демократ Джон Дэвис получил самый низкий процент голосов в истории своей партии (28,8 %, 12 штатов).

На выборах 1948 г., одних из самых неожиданных в истории США, когда опросы общественного мнения указывали на то, что действующий президент Гарри Трумэн потерпит поражение от либерального республиканца Томаса Дьюи, гораздо скромнее выступил бывший вице-президент Генри Уоллес от Прогрессивной партии [3]. Г. Уоллес призывал к пересмотру внешнеполитического курса Г. Трумэна и усилению регулирования экономики. Уличенный в связях с коммунистами, Г. Уоллес получил лишь 2,37 % голосов и уступил третью строчку губернатору Южной Каролины Стромму Тёрмонду (проработал сенатором восемь сроков до Линдси Грэма) от партии Диксикратов, которая выступала за продолжение политики расовой сегрегации на Юге и сохранение законов Джима Кроу под лозунгом «Сегрегация навсегда» (2,41 % голосов, 4 штата).

Джордж Уоллес: «самый влиятельный проигравший» XX столетия в политике США. В 1968 г. сильно выступил кандидат от Американской независимой партии, губернатор Алабамы Джордж Уоллес. Выборы 1968 г. по сей день остаются в числе наиболее напряженных в истории США. Ранний фаворит гонки, действующий президент Линдон Джонсон снялся с выборов, уступив борьбу Юджину Маккарти, Роберту Кеннеди и Хьюберту Хамфри. От Республиканской партии баллотировался Ричард Никсон, опередивший двух губернаторов Нельсона Рокфеллера и Рональда Рейгана. По итогам выборов Дж. Уоллес получил 13,5 % голосов и победил в пяти штатах Юга. Дж. Уоллес показал четвертый среди третьих сил результат с начала XX в. и остается последним независимым претендентом, получившим голоса выборщиков.

Хотя его политика сегрегации была отвергнута мейнстримом Демократической партии, Дж. Уоллес добился популярности среди молодежи и «синих воротничков», рабочих на Севере и Среднем Западе, отобрав голоса у Х. Хамфри [7, р. 165]. Избирателей привлекали экономический популизм и антисистемная риторика Дж. Уоллеса. Некоторые отмечают связь Дж. Уоллеса с Диксикратами, недовольными попытками Г. Трумэна проводить десегрегацию на Юге [13, Ch. 10]. Дж. Уоллес баллотировался на схожей с ними платформе, отвергая вмешательство федерального правительства в дела штатов, и извлекая выгоду из реакции белых консерваторов на достижения либералов в области гражданских прав, такие как Закон о гражданских правах, школьная интеграция, антидискриминационные законы. По сравнению с Х. Хамфри и Р. Никсоном Дж. Уоллес выглядел «голубем» и заявил, что, если войну во Вьетнаме не удастся выиграть в течение 90 дней с момента его вступления в должность, он отдаст приказ о выводе американских войск. Дж. Уоллес также пообещал урезать иностранную помощь и потребовал, чтобы европейские и азиатские союзники платили больше за свою оборону.

Выборы 1968 г. в ряде аспектов оказались переломными. Эксперты считают, что Дж. Уоллес стал олицетворением консервативной реакции на события 1960-х гг. и заложил основу для доминирования Республиканской партии на юге среди белых с низким и средним доходом, играя на расовых и социальных проблемах, на страхах белых «реднеков», позиционируемых как угнетенные и игнорируемые новые аутсайдеры. Действуя подобным образом, Дж. Уоллес внес свою лепту в раскол коалиции «Нового курса» и вслед за Барри Голдуотером добился поддержки южных демократов.

На выборах 1972 г. «новые левые» с их антиколониальной и антиизраильской идеологией и вовсе довели демократа Дж. Макговерна до поражения в 49 штатах и привели к перестройке в его партии. Те выборы были знаменательны еще и тем, что один голос «нечестного выборщика» получил кандидат от недавно сформированной Либертарианской партии, друг философа Айн Рэнд Джон Хосперс.

Джон Андерсон: полевевший с годами самоволка-республиканец. Выборы 1980 г. стали одним из ключевых поворотных моментов в американской политике, ознаменовав начало партийной перестановки, когда либеральные (рокфеллеровские) республиканцы и консервативные (рейгановские) демократы либо ушли из политики, либо сменили партийную принадлежность в 1980-х и 1990-х гг., в результате чего партии стали гораздо более идеологически поляризованными. На тех выборах прогремело имя Джона Андерсона – конгрессмена-республиканца от штата Иллинойс, председателя Конференции Республиканской палаты и одного из самых опытных и компетентных третьих кандидатов в президенты. В Конгрессе Дж. Андерсон начинал как консерватор, поддерживал ультраконсерватора Б. Голдуотера на выборах 1964 г., но позже сместился ближе к центру, чем навлек на себя критику однопартийцев, хотя и сохранил лояльность лидера меньшинства Палаты представителей, будущего президента Джеральда Форда. Дж. Андерсон не одобрял войну во Вьетнаме и оказался одним из первых республиканцев, призвавших к отставке Р. Никсона во время Уотергейтского скандала.

К выборам 1980 г. Дж. Андерсон подходил уже в качестве рокфеллеровского республиканца (умеренно-либеральное крыло Республиканской партии, чьи участники были наиболее распространены на Северо-Востоке и в промышленных штатах Среднего Запада) и баллотировался на пост президента как независимый кандидат [8, р. 43]. Журналисты писали, что редко видели человека, подобного Дж. Андерсону, который, похоже, больше одержим идеями, чем властью, и окрестили его «Святой Иоанн Праведный». Дж. Андерсон добился поддержки демократов, разочаровавшихся в Джимми Картере, рокфеллеровских республиканцев, независимых, либеральных интеллектуалов и студентов колледжей. Дж. Андерсону симпатизировали бывшая первая леди Жаклин Кеннеди и историк Артур Шлезингер-младший, назвавший Дж. Картера самым консервативным президентом-демократом со времен Г. Кливленда.

В апреле 1979 г. Дж. Андерсон объявил об участии в республиканских праймериз и в конце года представил свою предвыборную программу, выступая за введение налога на бензин и сокращение налогов на социальное обеспечение. Дж. Андерсон не согласился с предложением Р. Рейгана о широком сокращении налогов, что, как он боялся, увеличит госдолг и уровень инфляции, отсылая всех к «экономике эпохи Кулиджа» [6]. На партийных дебатах в январе 1980 г. Дж. Андерсон заявил, что снижение налогов, увеличение расходов на оборону и сбалансированный бюджет – невозможная комбинация. Во внешней политике Дж. Андерсон высказывался в поддержку сильной армии, сплоченного НАТО и сдерживания СССР. Так и не поднявшись выше второго места на республиканских праймериз в апреле 1980 г., Дж. Андерсон решил баллотироваться как независимый кандидат. Подобно Р. Кеннеди-младшему сегодня Дж. Андерсон тогда заявил, что избирательная система, монополизированная и контролируемая двумя партиями большинства, была и продолжает оставаться непоправимо сломанной [5].

На выборах Дж. Андерсон занял третье место с 6,6 % голосов. Его результат стал самым высоким среди независимых кандидатов и кандидатов от третьих партий с 1968 г. и седьмым со времен гражданской войны после Дж. Уивера в 1892 г., Т. Рузвельта в 1912 г., Р. Лафоллета в 1924 г., Дж. Уоллеса в 1968 г., Р. Перо в 1992 г. и в 1996 г. Наибольшую поддержку Дж. Андерсон получил в Новой Англии со стороны либеральных и умеренных республиканцев, считавших Р. Рейгана слишком правым, и избирателей, которые обычно склонялись к демократам, но были недовольны политикой администрации Дж. Картера. Выборы выиграл республиканец Р. Рейган с 50,7 % (44 штата), совершивший настоящую консервативную революцию. Хотя предвыборный штаб Дж. Картера видел в Дж. Андерсоне своего спойлера, по данным соцпросов его влияние на результаты голосования оказалось незначительным. Тем не менее одной из причин поражения Дж. Картера могли стать дебаты и отказ действующего президента выступить с Дж. Андерсоном, хотя Р. Рейган пошел навстречу и согласился на двусторонние дебаты в сентябре в Балтиморе.

Росс Перо: «Трампа», которого признали в истеблишменте. В 1992 г. техасский бизнесмен Росс Перо провел одну из самых успешных независимых президентских кампаний в новейшей истории США и получил 18,9 % голосов. Ни один кандидат от третьей партии не

добивался сопоставимого успеха с 1912 г. и не набирал с тех пор больше 1 % голосов. Р. Перо вошел в историю и как единственный третий кандидат, который опережал демократов и республиканцев в общенациональных опросах.

Р. Перо не был «стереотипным консерватором с юга США». Во время президентства Дж. Буша-старшего Р. Перо выступал против войны в Персидском заливе и ратификации НАФТА [14, р. 197]. В феврале 1992 г. на ток-шоу Ларри Кинга Р. Перо объявил о своем намерении баллотироваться как независимый кандидат. Как выяснилось, поддержка Р. Перо исходила со всех сторон политического спектра. Большинство избирателей Р. Перо принадлежали к среднему и верхнему среднему классам. Р. Перо объединил как социально консервативных избирателей, выступающих против НАФТА, так и финансово консервативных, но социально умеренных избирателей, которые желали изменить статус-кво, не доверяли двухпартийной системе, хотели ограничить чрезмерное влияние лоббистов и групп интересов. И что немало важно, Р. Перо был одним из первых, кто попытался донести свое политическое послание напрямую до американской общественности, используя растущее медиапространство. Как прокомментировал тогда журналист Чарльз Краутхаммер, гениальность Р. Перо заключалась в том, что он сообразил, как технологии позволяют обойти традиционные институты, и в этом роде Р. Перо – предвестник новой эры прямой демократии [4].

Манифестом избирательной кампании Р. Перо стала книга «Вместе выстоим» [20]. В ней Р. Перо прямо заявил, что политическая элита оторвалась от американского народа и предала Америку, заботясь исключительно о собственном благополучии. Активный борец с коррупцией Р. Перо обвинил чиновничий аппарат в сращивании с лоббистами и продаже спонсорам. По экономическим вопросам Р. Перо выступал с позиции ярко выраженного национализма, доказывая, что производительность труда и конкурентоспособность предприятий падают, США начинают отставать от ведущих экономик в передовых отраслях промышленности. Обе основные партии Р. Перо обвинил в создании дефицита федерального бюджета и росте госдолга, а также в том, что они способствовали перетоку рабочих мест в другие страны. Говоря о негативных эффектах соглашения НАФТА, Р. Перо описал его влияние на американские рабочие места как «гигантский сосущий звук» [1]. Взамен Р. Перо предлагал принять протекционистские меры для защиты американской промышленности и создать у себя благоприятные условия для ведения бизнеса. Р. Перо высказывался за отказ от аутсорсинга, требовал восстановления старых индустриальных предприятий и разработки новых «производств будущего», уже в те годы недвусмысленно намекая на реиндустриализацию. В новых внешнеполитических реалиях Р. Перо предлагал пересмотреть участие в международных организациях и урезать военный бюджет, перенеся основное бремя расходов на союзников.

Под лозунгом «United We Stand America» Р. Перо потратил около \$60–65 млн на предвыборную кампанию, в которой были представлены получасовые информационные ролики о нем самом и его идеях. Через несколько месяцев в мае журнал TIME назвал феномен Р. Перо одновременно симптомом провала американской демократии и многообещающим маяком ее способности к самовосстановлению. В условиях, когда в начале 1990-х гг. многие говорили о создании новой политической партии, возникла надежда, что популистский крестовый поход Р. Перо и вызов, брошенный партийному истеблишменту, помогут вывести американскую демократию из тупика. Р. Перо участвовал во всех трех президентских дебатах вместе с Дж. Бушем-ст. и У. Клинтон, и это были первые дебаты, где участвовали три кандидата. Впоследствии в ноябре 1993 г. на ток-шоу Ларри Кинга Р. Перо и вице-президент Альберт Гор провели еще одни дебаты на тему НАФТА: этот эфирный эпизод стал самым часто просматриваемым в истории CNN (16,8 млн) вплоть до президентских дебатов республиканцев в сентябре 2015 г. (23,1 млн).

Р. Перо – яркий пример того, как одиночка, обладающий значительными ресурсами, но не вписанный в элитарную систему, смог бросить вызов политическому истеблишменту. Успех Р. Перо многие политологи связали с усталостью избирателей от двухпартийного доминирования, а также с его образом прямолинейного человека из народа.

Насчет исхода выборов существуют разные мнения. Многие республиканцы были убеждены, что фактор Р. Перо предопределил их поражение. Аналитики отмечают, что с лета 1992 г. У. Клинтон опережал Дж. Буша-ст. по всем опросам в независимости от участия Р. Перо. Р. Перо получал поддержку избирателей по вопросам, которые были ключевыми для У. Клинтона, тем самым становясь бенефициаром антибушевских настроений и нанося У. Клинтону такой же вред, как и Дж. Бушу-ст. Данные экзитполов показали, что голоса, отданные за Р. Пе-

ро, в противном случае достались бы У. Клинтону и Дж. Бушу-ст. примерно в равной степени. За Р. Перо голосовали как консерваторы, так и либералы. В то же время Р. Перо вложил много сил и энергии в предвыборную кампанию и вынес на общественный суд ряд экономических проблем действующей республиканской администрации, что нашло отклик у избирателей.

В 1996 г. Р. Перо вновь выдвинулся от основанной им годом ранее Партии реформ, в итоге собрав 8,4 % голосов. Впоследствии от этой партии будут баллотироваться Патрик Бьюкенен и Ральф Нейдер.

Ральф Нейдер и Джилл Стайн: «зеленые» политики в тылу демпартии. В феврале 2000 г. защитник прав потребителей и окружающей среды Ральф Нейдер баллотировался от Партии зеленых. Свое решение Р. Нейдер объяснил «кризисом демократии» и своей обеспокоенностью насчет глубокой пропасти между гражданами и правительством, чей контроль со стороны корпоративной плутократии создает и усиливает «разрыв демократии» в стране.

Р. Нейдер получил всего 2,74 % голосов в одной из самых скандальных кампаний в современной истории США. Демократы выкрикивали «Голос за Нейдера – это голос за Буша», опасаясь, что наиболее либеральный Р. Нейдер отдаст победу на выборах Дж. Бушу-мл., если избиратели, которые в противном случае могли бы проголосовать за Э. Гора, вместо этого проголосуют за него. Так произошло во Флориде и Нью-Гемпшире, где Р. Нейдер получил 97 тыс. и 22 тыс. голосов [2]. Для сравнения в Нью-Гемпшире Э. Гору не хватило 7000 голосов, а во Флориде после пересчетов и разбирательств с привлечением Верховного суда Дж. Буш-мл. обошел Э. Гору на 537 голосов. Если бы Э. Гор победил в этих двух штатах, он выиграл бы президентские выборы. В пользу этого говорит и то, что Р. Нейдер слишком сосредоточился на колеблющихся штатах в последние дни кампании, где у него было меньше всего шансов победить, тем самым поставил под угрозу шансы на получение 5 % голосов, к чему он стремился для доступа к федеральному финансированию в 2004 г. Кроме того, руководство Республиканской партии запустило рекламу в поддержку Р. Нейдера в нескольких штатах, пытаясь разделить либеральные голоса.

В 2016 г. Джилл Стайн – также от Партии зеленых – набрала более 30 тыс. голосов в Висконсине, что больше, чем отрыв Д. Трампа от Х. Клинтон в этом штате. Неплохо выступил и бывший губернатор Нью-Мексико Гэри Джонсон от Либертарианской партии (3,28 % голосов), однако он, скорее всего, в равной степени «откусил» электорат у обоих кандидатов, тогда как Дж. Стайн с 1,07 % голосов вполне могла стоять победы демократу Х. Клинтон. В трех колеблющихся штатах Пенсильвании, Мичигане и Висконсине Д. Трамп обошел Х. Клинтон на 47,2 тыс., 10,7 тыс. и 22,7 тыс. голосов. По факту поддержка Дж. Стайн в каждом из этих штатов превышала отрыв Д. Трампа и, как считают эксперты, в отсутствие Дж. Стайн ее голоса ушли бы Х. Клинтон [18].

Четвертый Кеннеди, баллотирующийся на пост президента. Роберт Фрэнсис Кеннеди-младший (РФК) – племянник 35-го президента США Джона Кеннеди и сын генпрокурора, сенатора от штата Нью-Йорк, кандидата в президенты США в 1968 г. Роберта Фрэнсиса Кеннеди [21].

О президентских амбициях РФК сообщил 3 марта 2023 г. в Институте политики Нью-Гэмпшира и 5 апреля подал свою кандидатуру в Федеральную избирательную комиссию США. О вступлении в президентскую гонку было официально объявлено 19 апреля на мероприятии в отеле Boston Park Plaza. На начальном этапе РФК планировал выдвигаться от демократов и бросил вызов Дж. Байдену в номинации от Демократической партии. Однако через полгода 9 октября на выступлении в Филадельфии РФК объявил о намерении баллотироваться в качестве независимого кандидата по причине того, что Национальный комитет Демократической партии заблокировал его кандидатуру.

Взгляды РФК представляют собой смесь либеральных и консервативных идей. По каким-то позициям РФК близок к Дж. Байдену, по каким-то к Д. Трампу, и очень близок к тому, что газета «Нью-Йорк таймс» обозначила аббревиатурой «Scaffle» (социально консервативный и финансово либеральный) [12].

Во внешней политике РФК в целом склоняется к изоляционизму антиинтервенционизму. Приоритетом РФК считает достижение мира на Украине. С одной стороны, РФК раскритиковал российскую СВО, но с другой стороны, подчеркнул, что правительство США несет ответственность за неоднократные преднамеренные провокации, и обвинил Запад в намеренном саботаже мирных переговоров [10]. РФК упрекнул администрацию Дж. Байдена за слишком агрессивный подход, рекомендуя прекратить войну и признать, что Россия никогда

не допустит НАТО на Украину. В противном случае дальнейшее участие в конфликте сделает США гораздо менее, а не более защищенными, и приблизит к «еще одной мировой войне». Саму Украину РФК воспринимает жертвой прокси-войны, которая ведется исключительно ради геополитических интересов США.

В отличие от Д. Трампа РФК пообещал снизить военную напряженность в отношениях с Китаем и не взял на себя обязательство защищать Тайвань в случае возможной агрессии. В отличие от Дж. Байдена РФК раскритиковал НАТО, заявив, что организация высасывает деньги из США, чтобы «контролировать» остальной мир, и если он станет президентом, то изменит функцию НАТО и сделает ее «инструментом мира». При всем этом РФК крайне категоричен в отношении войны в Секторе Газа, утверждая, что «Израиль находится в экзистенциальной битве», и что США должны поддержать своего союзника – «единственную демократию на Ближнем Востоке».

Обманчивое воздействие соцопросов. Свои шансы на успех РФК оценил с оптимизмом хотя и признал не слишком удачную статистику независимых президентских кампаний. Аналитики Исследовательского центра Пью изучили предвыборные опросы в шести президентских гонках и заключили, что кандидаты от третьих партий и независимые кандидаты подходили к выборам с более низким уровнем поддержки, чем на старте гонки [17].

Дж. Уоллес добился существенного роста поддержки в период весны-лета 1968 г. В апреле около 10 % респондентов отвечали, что поддерживают или склоняются к Дж. Уоллесу. К сентябрю этот показатель удвоился до 20 %. Формирование мощной социальной базы вокруг Дж. Уоллеса вызвало беспокойство со стороны основных партий. Республиканцы опасались, что Дж. Уоллес, проводивший кампанию под тем же лозунгом, что и Р. Никсон «Закон и порядок», разделит голоса консерваторов в пользу Х. Хамфри. Демократы опасались, что обращение Дж. Уоллеса к «синим воротничкам» подорвет позиции их кандидата в северных промышленных штатах. Поддержка Дж. Уоллеса начала спадать по мере работы конкурентов с колеблющимся электоратом, и за одну неделю с 13 по 20 октября его рейтинг упал с 20 % до 15 %. В итоге Дж. Уоллес набрал 13,5 % голосов.

Дж. Андерсон сильно отставал на республиканских праймериз, но его кандидатура вызвала общественный резонанс, когда в апреле 1980 г. он отказался от участия и заявил, что будет баллотироваться как независимый кандидат. На протяжении весны около 20 % избирателей отвечали, что поддержат его. По данным Гэллапа, в июне Дж. Андерсон поднял рейтинг до 26 % в трехсторонней гонке и показал себя достаточно хорошо, что дало ему возможность принять участие в президентских дебатах. Однако Дж. Андерсон был вынужден тратить много ресурсов на то, чтобы его имя было внесено в избирательные бюллетени всех 50 штатов, обеспечить финансирование кампании и привлечь внимание СМИ. Дж. Андерсон исчез из виду во время летних партийных съездов. К октябрю поддержка Дж. Андерсона снизилась до диапазона 9–10 % и ко дню голосования его рейтинг держался в районе 7 %. В итоге Дж. Андерсон получил 6,6 % голосов.

Деньги и узнаваемый имидж благодаря появлениям на ток-шоу Ларри Кинга не были проблемой для миллиардера Р. Перо. В марте 1992 г. Р. Перо регулярно получал поддержку от 20 % респондентов и более. К маю треть избирателей говорили, что они проголосуют за Р. Перо или склоняются к нему. В нескольких опросах Р. Перо даже лидировал, опережая Дж. Буша-ст. и У. Клинтона. К примеру, согласно июньскому опросу Гэллапа Р. Перо набирал 39 % (31 % за Дж. Буша-ст. и 25 % за У. Клинтона). Тем не менее на фоне нападков со стороны республиканцев и демократов рейтинги Р. Перо начали просаживаться. В середине июля, когда его рейтинг был ниже 20 %, Р. Перо внезапно вышел из гонки. Поддержка Р. Перо снижалась и к концу сентября составляла около 10 %. Р. Перо вернулся в гонку в начале октября и в течение нескольких недель благодаря убедительным дебатам его поддержка выросла до 20 %, но к дню выборов снова просела до 15 %. Р. Перо получил 18,9 % голосов, что много, но существенно меньше уровня поддержки на старте гонки.

Во время своей второй предвыборной кампании в начале 1996 г. поддержка Р. Перо держалась в районе 15 %, но в конце снизилась до 5–7 %. Рейтинги опросов немного выросли в преддверии дня выборов, на которых Р. Перо получил 8,4 % голосов.

Когда Р. Нейдер стал кандидатом от Партии зеленых, опросы показывали, что около 5 % избирателей поддерживают его или склоняются к нему. Этого оказалось достаточно, чтобы вызвать беспокойство у демократов. Р. Нейдер набрал всего 2,7 % голосов, но в нескольких колеблющихся штатах, включая Флориду и Нью-Гемпшир, его доля была достаточной, чтобы потенциально повлиять на исход выборов. В том же году другой независимый кандидат от

Партии реформ П. Бьюкенен имел поддержку в 4 % весной, но к осени она упала и держалась в диапазоне 1–2 %. П. Бьюкенен получил всего 0,5 % голосов, но показал себя достаточно хорошо в нескольких штатах.

В 2016 г. недовольство Д. Трампом и Х. Клинтон заставило многих избирателей обратиться к другим кандидатам, например, Г. Джонсону и Дж. Стайн. Осенью Г. Джонсон обладал поддержкой в районе 8–12 % избирателей, готовых проголосовать за него или склоняющихся к нему. Рейтинги Г. Джонсона начали снижаться, и к дню выборов уровень его поддержки колебался около 5–6 %. Г. Джонсон в итоге получил 3,3 % голосов, что тем не менее является лучшим результатом Либертарианской партии. Дж. Стайн имела поддержку в 5–7 % весной–летом, но она ослабевала по мере продолжения гонки, и в конечном итоге Дж. Стайн получила 1,07 % голосов.

Фактор Р. Кеннеди в президентской гонке и его отношения с демократами и республиканцами. Решение РФК о вступлении в президентскую гонку вызвало негативную реакцию среди лидеров обеих партий, которые посчитали, что РФК баллотируется в роли кандидата-спойлера и в состоянии поглотить часть их электората в пользу конкурентов. Сам РФК признался, что надеется выиграть выборы, привлекая сторонников обеих партий, и резко раскритиковал предвзятость «Нью-Йорк таймс» после того, как в марте в их предвыборном подкасте «The Run-Up» его спросили о потенциальном статусе «спойлера».

Особенно болезненным для РФК стало осуждение со стороны большинства членов семьи Кеннеди, известной своей клановостью и традицией, не выносить на публику взаимоотношения. Дальнейшие действия демократов СМИ интерпретировали как «скоординированную попытку не давать ему кислород». В феврале Национальный комитет Демократической партии подал жалобу в Федеральную избирательную комиссию, заявив, что сбор подписей для включения РФК в бюллетени нарушает избирательное право. В марте стало известно, что Национальный комитет Демократической партии формирует команду для противодействия кандидатам от третьих партий и независимым. В июне РФК не прошел квалификацию на важнейшие дебаты в Атланте. Тем не менее его представители пригласили СМИ на пресс-конференцию в Бруклине, где РФК провел то, что назвал «настоящими дебатами», сопровождаемыми видеотрансляцией из Лос-Анджелеса.

Когда, согласно соцопросам, поддержка РФК упала, ведущие стратеги Демократической партии ослабили свое давление, убедившись, что его привлекательность среди избирателей Дж. Байдена ограничена рядом факторов, и что РФК не представляет большой угрозы как независимый кандидат. Опросы зафиксировали, что рейтинг одобрения РФК среди избирателей-демократов просел на фоне роста среди избирателей-республиканцев. Это привело к нападкам со стороны Республиканской партии.

Изначально лидеры республиканцев приветствовали РФК как кандидата от демпартии, способного забрать часть голосов левых. Например, в июле 2023 г. республиканцы организовали слушания в Палате представителей с участием РФК, а в октябре 2023 г. пригласили его выступить на Конференции консервативного политического действия в Неваде, что можно трактовать как сигнал о сотрудничестве.

В скором времени республиканцы пришли к выводу, что вмешательство РФК в гонку будет иметь для них самые непредвиденные последствия и грозит потерей жизненно важных голосов. Политтехнологи Д. Трампа изобразили РФК как «либерала, выставляющего себя напоказ в одежде консерватора». Национальный комитет Республиканской партии выставил РФК «просто еще одним радикальным, крайне левым демократом», подробно изложив своим избирателям 23 причины проголосовать против него. В июне была создана группа «SAG PAC», задуманная для политической дискредитации РФК как прогрессивного либерала, связанного с демократами.

Его имя в сочетании с высоким антирейтингом двух основных кандидатов позволили РФК на какое-то время набирать больше голосов, чем любой другой кандидат от третьей партии со времен Р. Перо – около 20 %. Поддержка РФК достигла пика в 20 % к началу 2024 г., но с тех пор медленно сходилась на нет по ходу президентской гонки, что было ожидаемо.

23 августа на пресс-конференции в Аризоне, когда его рейтинг снизился до 5 %, РФК объявил о приостановлении своей кампании и призвал поддержать Д. Трампа. При этом РФК заявил, что сохранит свое имя в бюллетенях штатов, где преобладают красные и синие цвета, но снимется в колеблющихся штатах [9]. РФК мотивировал свое решение тем, что продолжение гонки в колеблющихся штатах, скорее всего, способствует демократам, с которыми РФК не согласен по многим ключевым вопросам. В интервью РФК признался, что сообщил

Д. Трампу о поддержке, которую он получает от его избирателей по сравнению с К. Харрис, и что он хотел бы остаться в гонке, не нанося вреда Д. Трампу.

Закключение. Вопреки распространенному мнению о двухпартийной системе в США, независимые кандидаты и кандидаты от третьих партий регулярно принимали участие в президентских выборах, и некоторые из них, не претендуя на победу, собирали значительное число голосов избирателей, влияя на ход и результат выборов. При этом очень часто страдал кандидат от основной партии, с которым кандидат-«спойлер» был идеологически наиболее солидарен, тем самым отнимая у него важные голоса избирателей.

Одной из главных интриг президентской кампании 2024 г. явилось участие в ней Р. Кеннеди, успешно апеллирующему к электорату обеих партий. Поддержку Р. Кеннеди смело можно назвать едва ли не главным открытием избирательной кампании 2024 г. Не следует преувеличивать значимость соцопросов. Исторически поддержка независимых и «третьих» кандидатов обычно ослабевала ближе к выборам. Тем не менее в зависимости от динамики роста его рейтинга и имиджа каждая из сторон пыталась спекулировать на личности Р. Кеннеди, выставляя его в качестве союзника противоположной партии, что является признаком беспокойства среди демократов и республиканцев.

До последнего не было ясности, для кого Р. Кеннеди представляет большую угрозу. Юбилейные 60-е президентские выборы в США закончились убедительной победой Д. Трампа. Р. Кеннеди занял четвертое место с 752,263 голосами по сравнению с кандидатами от Партии зеленых Дж. Стайн (779,308) и Либертарианской партии Ч. Оливером (640,702). Д. Трамп же обошел К. Харрис как по числу выборщиков (312,226), так и по количеству избирателей в 2,5 млн голосов. Однако, во-первых, почти во всех колеблющихся штатах разрыв между Д. Трампом и К. Харрис составил в районе 100 тыс. голосов, а во-вторых, нельзя недооценивать эффект от поддержки Р. Кеннеди, оказанной Д. Трампу на финише.

Список литературы

1. Billionaire Ross Perot, who ran twice for president, dead at 89 // Fox News. July 9, 2019. URL: <https://www.foxnews.com/politics/billionaire-ross-perot-who-ran-twice-for-president-dead-at-89>.
2. Did Ralph Nader Spoil a Gore Presidency? // Quarterly Journal of Political Science, 2006. № 2 (3). Pp. 205-226.
3. Historical Presidential Elections // 270toWin. URL: https://www.270towin.com/1948_Election/.
4. How Ross Perot Changed Political Campaigns // Time. July 9, 2019. URL: <https://time.com/5622818/ross-perot-dead-legacy/>.
5. John Anderson, Independent Who Ran for President, Dies at 95 // Bloomberg. December 4, 2017. URL: <https://www.bloomberg.com/politics/articles/2017-12-04/john-anderson-third-party-candidate-for-president-dies-at-95>.
6. No Holding Back. University Press of America, 2011. 614 p.
7. Party Polarization in America. Cambridge University Press, 2017. 388 p.
8. Reagan's Victory. University Press of Kansas, 2005. 248 p.
9. RFK Jr. suspends campaign, endorses Trump // The Washington Post. August 23, 2024. URL: <https://www.washingtonpost.com/elections/2024/08/23/harris-trump-rfk-jr-election-updates/>.
10. Robert F. Kennedy Jr. and the Coalition of the Distrustful // The New York Times. June 30, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/06/30/opinion/robert-f-kennedy-jr-coalition-supporters.html>.
11. The High Tide of American Conservatism. Emerald Book Company, 2010. 336 p.
12. The Influence of R.F.K. Jr. // The New York Times. May 14, 2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/05/14/briefing/robert-f-kennedy-jr-2024-election.html>.
13. The Politics of Rage. LSU Press, 2000. 600 p.
14. The Princeton Encyclopedia of American Political History. Princeton University Press, 2009. 1056 p.
15. The Republicans: A History of the Grand Old Party. Oxford University Press, 2014. 416 p.
16. Third Parties in America. Princeton University Press, 1996. 306 p.
17. Third-party and independent candidates for president often fall short of early polling numbers // Pew Research Center. June 27, 2024. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/06/27/third-party-and-independent-candidates-for-president-often-fall-short-of-early-polling-numbers/>.
18. Third-party presidential candidates who changed American history // The Hill. 08/01/23. URL: <https://thehill.com/opinion/white-house/4130884-third-party-presidential-candidates-who-changed-american-history/>.
19. United States Presidential Election Results // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/event/United-States-presidential-election-of-1892>.
20. United We Stand. Hyperion Books, 1992. 118 p.
21. What does the Kennedy name mean now? // The Washington Post. November 15, 2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/style/power/2023/11/15/rfk-jr-president-kennedy-family-legacy/>.

The phenomenon of independent candidates in the US presidential election

Kochegurov Dmitry Alexandrovich¹, Hasanov Kamran Nizami oglu²

¹PhD in Political Sciences, senior researcher at the Institute of the USA and Canada, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0003-4955-033X. ResearcherID: 1033347. E-mail: d.kochegurov@iskran.ru

²PhD of Political Science at the University of Salzburg (Doctor of Philosophy), senior lecturer, Peoples' Friendship University of Russia; expert, Russian Council on International Affairs. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-9338-5856. E-mail: gasanov-kg@rudn.ru

Abstract. The relevance and significance of the article are due to the growing popularity of independent, non-systemic politicians in the West. The article examines in detail the history of performances by independent candidates and candidates from third parties in the US presidential election, with an emphasis on the phenomenon of R. Kennedy Jr., which is of particular interest in the 2024 election campaign. It is concluded that independent candidates and candidates from third parties periodically influenced the presidential election, which is confirmed by the results of a historiographical review, as well as the factor of R. Kennedy in the last presidential race.

Keywords: elections, independent candidates, poll, RFK, USA.

References

1. Billionaire Ross Perot, who ran twice for president, dead at 89 // Fox News. July 9, 2019. Available at: <https://www.foxnews.com/politics/billionaire-ross-perot-who-ran-twice-for-president-dead-at-89>.
2. Did Ralph Nader Spoil a Gore Presidency? // Quarterly Journal of Political Science, 2006. No. 2 (3). Pp. 205–226.
3. Historical Presidential Elections // 270toWin. Available at: https://www.270towin.com/1948_Election/.
4. How Ross Perot Changed Political Campaigns // Time. July 9, 2019. Available at: <https://time.com/5622818/ross-perot-dead-legacy/>.
5. John Anderson, Independent Who Ran for President, Dies at 95 // Bloomberg. December 4, 2017. Available at: <https://www.bloomberg.com/politics/articles/2017-12-04/john-anderson-third-party-candidate-for-president-dies-at-95>.
6. No Holding Back. University Press of America, 2011. 614 p.
7. Party Polarization in America. Cambridge University Press, 2017. 388 p.
8. Reagan's Victory. University Press of Kansas, 2005. 248 p.
9. RFK Jr. suspends campaign, endorses Trump // The Washington Post. August 23, 2024. Available at: <https://www.washingtonpost.com/elections/2024/08/23/harris-trump-rfk-jr-election-updates/>.
10. Robert F. Kennedy Jr. and the Coalition of the Distrustful // The New York Times. June 30, 2023. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/06/30/opinion/robert-f-kennedy-jr-coalition-supporters.html>.
11. The High Tide of American Conservatism. Emerald Book Company, 2010. 336 p.
12. The Influence of R.F.K. Jr. // The New York Times. May 14, 2024. Available at: <https://www.nytimes.com/2024/05/14/briefing/robert-f-kennedy-jr-2024-election.html>.
13. The Politics of Rage. LSU Press, 2000. 600 p.
14. The Princeton Encyclopedia of American Political History. Princeton University Press, 2009. 1056 p.
15. The Republicans: A History of the Grand Old Party. Oxford University Press, 2014. 416 p.
16. Third Parties in America. Princeton University Press, 1996. 306 p.
17. Third-party and independent candidates for president often fall short of early polling numbers // Pew Research Center. June 27, 2024. Available at: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/06/27/third-party-and-independent-candidates-for-president-often-fall-short-of-early-polling-numbers/>.
18. Third-party presidential candidates who changed American history // The Hill. 08/01/23. Available at: <https://thehill.com/opinion/white-house/4130884-third-party-presidential-candidates-who-changed-american-history/>.
19. United States Presidential Election Results // Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/event/United-States-presidential-election-of-1892>.
20. United We Stand. Hyperion Books, 1992. 118 p.
21. What does the Kennedy name mean now? // The Washington Post. November 15, 2023. Available at: <https://www.washingtonpost.com/style/power/2023/11/15/rfk-jr-president-kennedy-family-legacy/>.

Поступила в редакцию: 10.01.2025

Принята к публикации: 07.02.2025

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 930.23(282.257.522.2)«1939»

DOI: 10.25730/VSU.2070.25.008

Советско-японский вооруженный конфликт у реки Халхин-Гол (май – сентябрь 1939 г.): дипломатический аспект

Новиков Михаил Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.ru

Аннотация. В статье рассматривается дипломатический аспект советско-японского военного конфликта на территории Монгольской Народной Республики (МНР) в мае – сентябре 1939 г. Причинами написания статьи стали 85-летие данного события и его недостаточное освещение в отечественной литературе. Отмечается, что поводом начала военного конфликта стала неурегулированность границы между МНР и созданным японцами в оккупированной Северо-Восточной части Китайской Республики в 1932 г. марионеточным государством Маньчжоу-Го. Истинные причины конфликта были гораздо глубже, это была попытка включения МНР в сферу японского влияния, создания еще одного марионеточного государства и еще одного плацдарма для войны против СССР. Отмечается, что конфликт начался с провокаций на монголо-маньчжурской границе в мае 1939 г. и завершился полным разгромом японо-маньчжурских войск 29 августа 1939 г. Подчеркивается, что советская дипломатия пыталась предотвратить этот конфликт, но безуспешно, что после поражения японская сторона была вынуждена сесть за стол переговоров. Согласно имеющимся документам советско-японский переговорный процесс продолжался с разной степенью интенсивности с 14 сентября 1939 г. по 9 июня 1940 г. С советской стороны переговоры вел народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, с японской – посол Японии в СССР С. Того. В ходе первого раунда переговоров 14–15 сентября 1939 г. была достигнута договоренность о прекращении боевых действий с 16 сентября и о создании смешанной советско-монгольской – японо-маньчжурской комиссии для демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го в зоне конфликта. Отмечается, что смешанная комиссия не смогла решить пограничный вопрос. Подчеркивается, что окончательное решение вопроса о демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го в зоне конфликта было достигнуто в ходе второго раунда переговоров между Молотовым и Того в период с 23 мая по 9 июня 1940 г. Документы свидетельствуют, что Молотов жестко отстаивал интересы МНР, а Того пытался, несмотря на военное поражение, выторговать наиболее выгодные условия для своего сателлита. Отмечается, что обе стороны пошли на определенные уступки для решения пограничного вопроса, что было связано с необходимостью ведения переговоров по другим, более важным вопросам советско-японских отношений.

Ключевые слова: советско-японский военный конфликт 1939 г., Халхин-Гол, дипломатический аспект, переговоры, прекращение боевых действий, демаркация границы, уступки.

85-летие советско-японского вооруженного конфликта у монгольской реки Халхин-Гол стало поводом для подготовки данной статьи. События разворачивались с мая по сентябрь 1939 г., в них принимали участие кадровые дивизии японской Квантунской армии и вооруженные формирования созданного Японией на территории Китая в 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-Го. Им противостояли кадровые и территориальные формирования Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), а также армия Монгольской Народной Республики (МНР). Советские войска были направлены на помощь Монголии в соответствии с «Протоколом о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой» от 12 марта 1936 г. [21, с. 136, 137].

Формальным поводом для начала Японией конфликта стала неурегулированность границы между Маньчжоу-Го и МНР, фактически – попытка включения МНР в сферу японского

влияния и создания на ее территории еще одного прояпонского марионеточного государства и плацдарма для будущего возможного нападения на сибирские регионы СССР. В переписке советских дипломатов того периода фигурирует еще одна возможная причина начала конфликта – попытка срыва трехсторонних англо-франко-советских переговоров в Москве (май – август 1939 г.) по заключению военно-политического союза, направленного прежде всего против нацистской Германии, но и против «милитаристско-фашистской» Японии тоже [18, с. 536]. Как писал полпред Советского Союза во Франции Я. З. Суриц, дипломатическое сообщество в Париже считало, что открытие Японией военных действий против МНР и СССР преследовало цель отпугнуть Великобританию и Францию от создания военно-политического союза с СССР, «со страной, которая находится уже в «фактическом состоянии войны» и силы которой будут рассредоточены и прикованы к дальневосточному фронту» [30, с. 462].

Военные события этого конфликта достаточно хорошо известны, они отражены в многочисленных мемуарных и исследовательских работах как отечественных, так и зарубежных авторов [7; 8; 12; 17; 19; 20; 33]. В меньшей степени изучена деятельность советских дипломатов как на начальном, так и на заключительном этапах конфликта [6; 22; 23; 34]. В данной статье рассматривается взаимодействие советских дипломатов с их японскими визави, попытки локализации конфликта на начальном этапе, а также подготовка мирных договоренностей после разгрома японо-маньчжурской группировки войск на территории МНР.

19 мая 1939 г. народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов пригласил посла Японии в СССР С. Того и сделал ему официальное заявление по поводу нарушения японо-маньчжурскими войсками границы МНР 11–12 мая и позже. Подчеркнув, что между СССР и МНР имеется пакт о взаимопомощи, Молотов жестко заявил, «что всякому терпению есть предел и прошу посла передать японскому правительству, чтобы больше этого не было» [9, с. 444]. Руководство «милитаристско-фашистской» Японии проигнорировало советский дипломатический демарш, провокации продолжались и переросли в серьезные боестолкновения как сухопутных войск, так и военно-воздушных сил с обеих сторон.

В сообщениях ТАСС 26–29 июня 1939 г. речь идет преимущественно о сражениях в воздухе. Отмечается, что если фактор внезапности обеспечил японским военно-воздушным силам (ВВС) преимущество в конце мая [27, с. 464], то воздушные сражения в конце июня проходили при явном преимуществе советско-монгольской авиации и привели к серьезным потерям самолетов противника. Так, согласно сообщениям ТАСС, 22 июня 1939 г. 120 японских самолетов атаковали территорию МНР, навстречу им поднялись 95 советских самолетов, в ходе воздушного боя были сбиты 31 японский самолет и 12 советских [27, с. 464]. 26 июня 60 японских истребителей вступили в бой с 50 советскими истребителями, в результате японские ВВС потеряли 25 истребителей, советские – 3 [27, с. 464]. 27 июня из 80 японских истребителей и 30 бомбардировщиков были сбиты 7 и 3 соответственно, советские потери – 6 истребителей [16, с. 465].

В ходе контрнаступления советско-монгольских войск, начавшегося 20 августа 1939 г., японо-маньчжурская группировка, вклинившаяся на территорию Монголии, была окружена и уничтожена [28, с. 495, 496]. 29 августа 1939 г. народный комиссар обороны СССР К. Е. Ворошилов телеграммой командованию советскими войсками в МНР поздравил «всех красноармейцев, командиров, комиссаров и политработников с блестящей победой советского оружия» [30, с. 492].

Потерпев поражение на поле боя, японская сторона была вынуждена вернуться за стол переговоров. 14 сентября 1939 г. состоялась беседа Молотова с Того по вопросам урегулирования конфликта в зоне монголо-маньчжурской границы. Того начал разговор с заявления, «что японо-маньчжурская сторона ни в коем случае не может признать ту границу, которую выдвигает МНР» [10, с. 505].

В ходе 3-часовой беседы Того, несмотря на военное поражение Японии, пытался выторговать для японо-маньчжурской стороны наиболее выгодные условия мирного соглашения. Исходя из того, что к началу конфликта официальная демаркация границы между МНР и Маньчжоу-Го не была проведена, японский посол пытался представить фактическую границу между двумя государственными образованиями как весьма условную. Признавая необходимость восстановления старой границы, существовавшей до начала конфликта (до 1 мая 1939 г.), Того тут же пытался ее исправить в двух местах в пользу Маньчжоу-Го, мотивируя это необходимостью строительства железной дороги и особенностями рельефа местности.

Молотов довел до сведения японского посла позицию советского правительства, которое было «согласно с тем, чтобы взять за исходный пункт восстановление положения на гра-

нице таким, каким оно было до 1 мая 1939 г. Если японская сторона не возражает, тогда этот вопрос так и может быть решен. С другой стороны, если японская сторона для проведения дороги нуждается в куске монгольской территории, то она должна уступить таких же размеров участки в другом месте» [10, с. 506, 507]. В ответ на советское предложение об обмене территориями Того заявил, что это возможно только в отношении одного места, другое место Япония считает территорией Маньчжоу-Го [10, с. 507].

Вторая часть беседы была посвящена вопросам окончательного прекращения боевых действий и отвода войск от линии боевого соприкосновения. Здесь Того вновь попытался настоять, чтобы был принят японский вариант военного размежевания. Советское предложение сводилось к тому, что японская и советская стороны должны отвести свои войска соответственно на восток и на запад от старой границы, существовавшей до 1 мая 1939 г.

В ответ на советское предложение «Того сказал, что по данным, которые имеет Япония, пограничные власти Монголии были на левом берегу Халхин-Гол, и он предлагает, чтобы советско-монгольские войска отошли на левый берег Халхин-Гола, а японцы отведут свои войска с правого берега... Затем Того длинно начал доказывать, что японское правительство никак не может признать границу, которую выдвигает МНР, ибо на правом берегу Халхи не было ни советских, ни монгольских войск. Япония может признать факт, что на правом берегу Халхин-Гола находилось несколько монгольских пограничников, но не может признать ту линию границы, которую хочет МНР» [10, с. 507]. Молотов отметил, что до начала конфликта на правом берегу Халхин-Гола действительно не было ни советских, ни монгольских войск, но он подчеркнул, что там были монгольские пограничники и что до 4 мая ни Япония, ни Маньчжоу-Го не оспаривали старую границу, и что, соответственно, правый берег реки Халхин-Гол является территорией МНР [10, с. 507].

Заключительная часть беседы свидетельствует о том, что Молотов и Того по самому принципиальному вопросу – где будет проходить граница между МНР и Маньчжоу-Го в районе военного конфликта – остались при своих точках зрения. Очевидно, что японский посол стремился к тому, чтобы сделать Халхин-Гол пограничной рекой: на правом берегу – Маньчжоу-Го, на левом – МНР, Молотов же настаивал на том, чтобы река Халхин-Гол осталась хотя и близко к границе, но на территории МНР, как это фактически и было до начала конфликта [10, с. 507]. В результате было согласовано, что войска никуда не отводятся, остаются на своих местах, «но прекращают военные действия». Молотов обязался довести это до советского правительства, Того настаивал, чтобы результат был известен уже на следующий день [10, с. 507].

На следующий день, 15 сентября 1939 г., Молотов вызвал посла Японии и заявил, что из уважения к его персоне он готов немедленно представить ответ советского правительства на согласованные накануне предложения по перемирию. Ответ правительства СССР сводился к следующему: «1. Японо-маньчжурские войска и советско-монгольские войска прекращают военные действия друг против друга с 20 часов 15 сентября по местному времени. Японо-маньчжурские войска и советско-монгольские войска остаются на тех позициях, которые они занимали в момент прекращения военных действий. 2. Создается смешанная комиссия из двух представителей от японо-маньчжурской стороны и двух представителей от советско-монгольской стороны для уточнения границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го. Комиссия приступает к работе в течение ближайших 2–3 дней» [11, с. 508].

Того поблагодарил Молотова за быстрый ответ и отметил, что можно только приветствовать советские предложения о немедленном прекращении боевых действий с целью избежать лишнего кровопролития. В то же время Того отметил, что вряд ли удастся приостановить боевые действия 15 сентября в 20 часов по местному времени, «поскольку разница между московским и местным временем 7 часов, а сейчас уже полпервого по московскому времени» [11, с. 508]. Того предложил приостановить военные действия в полночь с 15 на 16-е сентября 1939 г. по московскому времени, при том, что войска остаются на тех позициях, которые они занимали 15 сентября в 2 часа дня [11, с. 508, 509].

Того также предложил добавить еще один пункт в соглашение: «На участках, где японо-маньчжурские и советско-монгольские войска находятся на очень близком расстоянии, необходимо, чтобы каждая сторона отступила на 1 км назад во избежание всякого рода недоразумений и столкновений. Там, где расстояние между армиями больше двух км, там не потребуются такое отступление» [11, с. 509]. Кроме того, японский посол считал, «что следует добавить еще пункт о том, чтобы представители обеих сторон договорились о времени и характере перемирия, и, наконец, необходимо также оговорить, что пленные и трупы с обеих сторон подлежат обмену, о чем представители обеих сторон должны договориться» [11, с. 509].

Что касается пункта 2 советских предложений о перемирии, то японский посол высказал сомнение в целесообразности создания смешанной комиссии из представителей противоборствующих сторон для уточнения границы между Маньчжоу-Го и МНР в районе конфликта и предложил возложить эту задачу на комиссию по установлению границы [11, с. 509].

Высказав удовлетворение в связи с согласованием первого пункта советских предложений о перемирии, Молотов предложил «договориться окончательно и составить проект соглашения», задав Того вопрос о необходимости согласования текста соглашения с японским правительством. Того ответил, что он имеет все необходимые полномочия от своего правительства на заключение соглашения и предложил договориться обо всем в устной форме, «он не против документа, но дело в том, что пришлось бы посылать этот документ в Токио, ибо имеются формальности, которые он обязан выполнить. Это затянуло бы вопрос. Он предпочел бы не подписывать никакого документа, а сговориться по всем пунктам и приступить к выполнению» [11, с. 509].

Приняв предложение Того о заключении соглашения о перемирии, Молотов предложил перейти к составлению коммюнике. Как отмечено в записи беседы, «процесс составления коммюнике выявил, что японская сторона не хочет называть вещи своими именами. Так, японский посол возражал: 1) против того, чтобы в коммюнике было указано, что конфликт произошел на монголо-маньчжурской границе; 2) против того, чтобы в коммюнике говорилось о военных действиях и военных столкновениях; 3) против упоминания, что конфликт происходил в номонханском районе; 4) против того, чтобы комиссию назвать «смешанной»; 5) против того, чтобы комиссия по уточнению границ была создана в течение 2–3 дней» [11, с. 509].

Молотов также отмечает в записи беседы, что Того не хотел, «чтобы в коммюнике было сказано, что создается комиссия по уточнению границ между Маньчжоу-Го и Монголией, но затем он вынужден был согласиться с моим доводом, что нельзя создать комиссию по уточнению границ, не сказав, о каких границах и между какими государствами идет речь» [11, с. 509]. В записи беседы отмечается, что затем началось редактирование текста соглашения пункт за пунктом, «причем японский посол упорно сопротивлялся внесению большей ясности и определенности в коммюнике» [11, с. 510].

Окончательный текст коммюнике, составленный 15 сентября 1939 г. советской и монгольской сторонами, свидетельствует о том, что практически все возражения Того были учтены [13]. В тот же день, 15 сентября 1939 г., заместитель наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовский проинформировал полпредов СССР в Берлине, Вашингтоне, Лондоне, Париже, Риме и т. д. о результатах переговоров между Того и Молотовым, разослав им текст советско-японского коммюнике: «1. Японо-маньчжоугоские войска и советско-монгольские войска прекращают 16 сентября в 2 часа по московскому времени всякие военные действия. 2. Японо-маньчжоугоские войска и советско-монгольские войска остаются на занимаемых ими 15 сентября в 13 часов по московскому времени линиях. 3. Представители войск обеих сторон на месте немедленно приступают к выполнению пп. 1 и 2 настоящего соглашения. 4. Пленные и трупы обеих сторон подлежат обмену, о чем представители войск обеих сторон на месте немедленно договариваются между собой и приступают к исполнению. Кроме того, в переговорах между г-ном Того и т. Молотовым достигнуто соглашение о том, что в целях уточнения границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го в районе недавнего конфликта будет организована возможно скорее комиссия из двух представителей советско-монгольской стороны и двух представителей японо-маньчжоугоской стороны. Комиссия приступит к своей работе тотчас же по ее образованию» [31, с. 510].

На следующий день, 16 сентября 1939 г., представители местного командования советско-монгольской и японо-маньчжоугоской военных группировок составили совместный протокол о прекращении военных действий: «1. Местное высшее командование советско-монгольских и японо-маньчжоугоских войск взаимно установило, что обе армии на основании соглашения между т. Молотовым и г-ном Того остановились на позициях, занимаемых ими 15 сентября 1939 г. в 13.00 по московскому времени, и в 2.00 16 сентября 1939 г. по московскому времени прекратили военные действия... 2. Этот протокол написан на русском и японском языках в двух экземплярах, а на прилагаемых к протоколу картах, советской и японской, составленных также в двух экземплярах, нанесены изложенные выше передовые позиции обеих сторон» [24, с. 511].

В отличие от военного перемирия, которое вступило в силу 16 сентября 1939 г. и в целом соблюдалось обеими противоборствующими сторонами, вопрос о демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го оказался более сложным и запутанным и он был разрешен только

в июне 1940 г. Прежде всего затянулось создание смешанной комиссии, так, только 30 сентября 1939 г. полпред СССР в МНР И. А. Иванов получил инструкции от Лозовского связаться с руководством Монголии о создании комиссии по уточнению границы между МНР и Маньчжоу-Го в районе недавнего конфликта. «Желательно знать, – писал Лозовский, – кого Монгольское правительство может наметить в качестве члена комиссии и каких двух экспертов-советников, действительно знающих границы, может оно выдвинуть» [32, с. 522].

Созданная смешанная комиссия провела в декабре 1939 г. – январе 1940 г. 16 заседаний, которые проходили в Чите с 7 по 25 декабря 1939 г. и в Харбине с 7 по 30 января 1940 г. В ходе работы комиссии выяснилось, что точки зрения советско-монгольской и японо-маньчжоугоской делегаций по вопросу демаркации границы полностью противоположны, это нашло свое отражение в совместном коммюнике смешанной комиссии от 1 февраля 1940 г. [25, с. 578]. ТАСС по этому поводу заявило, что «представленные японо-маньчжоугоской стороной документы, имеющие целью обосновать пересмотр давно существующей и ранее никем неоспаривавшейся линии границы, оказались лишенными признаков авторитетных официальных документов, советско-монгольская делегация отказалась признать эти документы в качестве основы для уточнения границы. Ввиду отказа японо-маньчжоугоской стороны признать представленные советско-монгольской стороной авторитетные официальные документы и ввиду того, что стороны остались при своих мнениях, Смешанная комиссия разъехалась, не приняв общего согласованного решения» [25, с. 578].

Поскольку смешанная комиссия не смогла договориться о демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го в районе военного конфликта, этим вопросом пришлось заниматься Молотову и Того. 23 мая 1940 г. состоялась их беседа, в начале которой Того выразил сожаление, что в течение 8 месяцев с момента подписания соглашения о прекращении военных действий так и не удалось разрешить проблему установления границы в этом районе. Из записи беседы видно, что спорными оставались два участка границы – в районе Номонхана и в Нумургенском районе, причем по ходу беседы выяснилось, что «в отношении Нумургенского района у обеих сторон уже нет разногласий» [1, с. 281].

Спорной оставалась территория в районе Номонхана в форме треугольника. Того заявил, что хотя этот треугольник занят монгольскими войсками, он тем не менее принадлежит Маньчжоу-Го, но японское правительство готово пойти на уступку и предлагает разделить этот треугольник между Маньчжоу-Го и МНР таким образом, чтобы северная часть треугольника отошла к Маньчжоу-Го, а южная – к МНР. Ознакомившись вместе с Того с картой спорного района, Молотов заявил, что «советская сторона предлагает восстановить прежнюю границу и не делить треугольник ни на какие части, т. к. эта территория принадлежала и принадлежит МНР. Там находились монгольские части, и если Того указывал, что там были маньчжоугоские части, а потом эта территория была занята монгольскими войсками, то это лишь означает, что было восстановлено существующее положение» [1, с. 281].

Далее по ходу беседы Того продолжал отстаивать позицию японской стороны в отношении треугольника, аргументируя это наличием у правительства Маньчжоу-Го каких-то неофициальных документальных источников, подтверждающих права на эту территорию. Он также призывал Молотова уступить в этом вопросе, подчеркивая, что «вопрос о границе в районе конфликта является маленьким и незначительным вопросом в сравнении с теми большими изменениями, которые можно ожидать в Европе» (капитуляция Франции. – *М. Н.*) [1, с. 282]. Молотов ответил, что действительно разногласия по пограничному вопросу «являются мелкими, но он удивлен бесконечной затяжкой в разрешении этого вопроса с японской стороны, несмотря на то, что советская сторона сделала уступки японской стороне в интересующих ее районах» [1, с. 282].

В конце беседы Того вновь заговорил о том, что спорная территория является неотъемлемой частью Маньчжоу-Го, но правительство Японии идет на большую уступку, предлагая разделить спорную территорию между МНР и Маньчжоу-Го, что японская сторона уже сделала уступки в несколько раз большие, чем советская сторона, что советская сторона затягивает решение вопроса о границе и не хочет идти на незначительные уступки [1, с. 283]. Молотов в ответ заявил, что озвученные им советские предложения являются окончательными, и что было бы хорошо, «если бы японская сторона соответствующим образом обдумала бы эти предложения и нашла бы способ к разрешению спорного вопроса» [1, с. 284].

Вторая беседа Молотова и Того от 1 июня 1940 г. началась с заявления японского дипломата о том, что он имеет твердое намерение разрешить пограничный вопрос на основе взаимных уступок и создать базу для урегулирования более существенных вопросов между

Японией и СССР [2, с. 301]. Молотов отметил, что он также считает обсуждаемый вопрос «незначительным», но что у него «создалось такое впечатление, что уступчивость советской стороны в районе недавнего конфликта не только не вызывает взаимности, но наоборот, дает повод к требованию новых уступок» [2, с. 302]. Молотов подчеркнул, что советская позиция по пограничному вопросу, озвученная им в ходе прошлой беседы, является окончательной и на ее базе можно решать все остальные вопросы.

Того предложил следующую очередность разрешения вопросов в советско-японских отношениях: 1) вопрос о границе между МНР и Маньчжоу-Го в районе конфликта; 2) рыболовный вопрос, связанный с получением ответа от правительства СССР на японское предложение; 3) вопрос возобновления переговоров о торговых отношениях. Для разрешения первого вопроса Того вновь представил свое предложение о разделе территории в форме треугольника в районе Номонхана. Молотов счел приемлемой очередность разрешения вопросов в советско-японских отношениях, но подчеркнул, «что ему непонятно упорство японской стороны в разрешении пограничного вопроса, и он считает, что пора уже отказаться от подобной упорной позиции, не отвечающей фактам и действительности» [2, с. 302].

Обратившись к советской карте местности масштаба 1:200 000, Того заметил, что карта неточная, и что японская карта масштаба 1:100 000 более точно отражает реальное положение вещей, поэтому японские предложения соответствуют японской карте, но так как в посольстве имеется только один экземпляр карты, он предложил ограничиться словесным описанием границы. Молотов отклонил это предложение Того и заявил, что прежде всего надо договориться об установлении границы на карте, «ибо до тех пор, пока не будет проведена соответствующая подготовка в отношении карт, не имеет смысла вести конкретные переговоры об установлении границы... что после подписания карты специалисты без особых затруднений смогут произвести соответствующие уточнения... что пока не будет подписана карта, не может быть никакого соглашения, ибо ограничиться простым описанием границы ни в коем случае нельзя» [2, с. 303, 304].

Того предложил снять копию с единственного экземпляра японской карты и решать пограничный вопрос по японской карте, на что Молотов заявил, что не возражает против снятия копии, но «настаивает на той линии границы... какая указана на советской карте и если это предложение будет считаться неприемлемым, то он считает бесполезным говорить по данному вопросу... что от той линии границы, которая указана в советской карте, он не может отступить... что советская сторона сделала одну уступку, ей предлагают сделать вторую уступку, она сделала вторую уступку, ей предлагают сделать третью уступку». Он считал это неприемлемым [2, с. 304].

В заключение беседы Того предложил еще одно компромиссное решение пограничного вопроса со взаимными уступками, но Молотов подчеркнул, что «предлагает оставить границу в том виде, как она указана на советской карте» [2, с. 305].

3 июня 1940 г. Молотов вновь принял японского посла и сообщил ему окончательный ответ советского правительства, который включал в себя еще одну небольшую территориальную уступку. Того пообещал немедленно передать в Токио новые советские предложения, но заявил, что не знает, примет ли эти предложения японское правительство. Молотов считал, что третья уступка советского правительства создала условия для скорейшего решения пограничного вопроса и перехода к другим, более важным вопросам. Он предложил закрепить договоренности на советской карте масштаба 1:200 000, «поскольку она в равной мере хорошо известна как советской стороне, так и Того» [3, с. 310].

Того заявил о своей согласии подписать советскую карту, если не будет возражения со стороны японского правительства, и предложил составить описание границы (пункты прохождения границы), командировать на место представителей Маньчжоу-Го и МНР для уточнения описания границы, установки пограничных знаков «навечно» и подписания ими карты. Пообещав Того передать в посольство Японии ту часть советской карты, на которую нанесена спорная территория, Молотов заявил, «что он, во-первых, ожидает сообщения Того на последнее предложение..., во-вторых, он ожидает согласия на то, чтобы карту 1:200 000 взять за основу, и в-третьих, как только соответствующим образом будет подписана карта, проведение границы в обычном порядке будет сделано представителями Маньчжоу-Го и МНР» [3, с. 311].

Достигнутые 3 июня 1940 г. компромиссные договоренности по пограничному вопросу, казалось бы, исключали возможность дальнейших дискуссий на очередной встрече Молотова и Того 7 июня 1940 г. В начале беседы Того заявил, что он сообщил японскому правительству

последнее предложение Молотова: «В Токио не были довольны последним проектом т. Молотова, но с высокой точки зрения, я предложил своему правительству закончить этот вопрос, и мне с трудом удалось убедить его в необходимости принять этот проект» [4, с. 318].

Одновременно Того передал просьбу японского правительства включить в намеченную для передачи Маньчжоу-Го территорию в районе Номонхана высоту № 872. Высоко оценив решение японского правительства о принятии его последнего предложения по пограничному вопросу, Молотов добавил, «что ни о какой высоте отдельно, в частности и о высоте 872, он не имел разговора с Того и даже не представляет себе, что это за высота» [4, с. 319]. В ходе дискуссии с Того на тему, входит или не входит указанная высота в ту территорию, которую советская сторона решила уступить Маньчжоу-Го, Молотов попросил Того отметить на карте местоположение высоты 872. «После того, – отмечается в записи беседы, – как Того обвел чернилами высоту и поставил около нее «872», тов. Молотов заявил, что если Того имеет в виду эту высоту, то он согласен с его предложением» [4, с. 319].

Заключительная часть беседы была посвящена вопросам подготовки коммюнике и соглашения об установлении границы в районе военного конфликта. Того предложил поручить подготовку карт к подписанию и соглашения соответствующим советским и японским дипломатическим работникам, «с тем, чтобы парафировать соглашение и подписать карты 8 июня в 6 часов вечера» [4, с. 320]. Молотов ответил согласием, предложил подписать «карты в издании Генерального штаба РККА 1935 года» и выразил надежду, «что это соглашение является предпосылкой для решения других интересующих Японию и СССР вопросов, в том числе и более крупных» [4, с. 320].

9 июня 1940 г. в ходе очередной беседы Молотова и Того состоялось подписание соглашения между СССР и Японией о границе между МНР и Маньчжоу-Го в районе военного конфликта. «Процедура подписания соглашения, – говорится в записи беседы, – ограничилась постановкой инициалов тов. Молотова и Того на 4-х экземплярах русского и японского текстов соглашения и на двух экземплярах карт» [5, с. 322].

Отмечая в преамбуле согласие правительств МНР и Маньчжоу-Го на подписание данного соглашения, Молотов и Того договорились о нижеследующем: «I. Линия границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го в вышеупомянутом районе проходит согласно приложенной к настоящему соглашению карте издания Генерального Штаба Красной Армии 1935 года масштаба 1:200 000... II. Представители Правительства Монгольской Народной Республики и представители Правительства Маньчжоу-Го примут надлежащие меры к тому, чтобы в возможно более короткий срок пограничная линия была нанесена на детальную карту и чтобы таковая линия была ясно намечена на месте. Вышеупомянутая работа подлежит утверждению соглашением между Правительством Монгольской Народной Республики и Правительством Маньчжоу-Го, которое будет заключено немедленно после окончания указанной работы» [5, с. 321, 322].

После подписания соглашения и карт Молотов и Того приступили к согласованию текста коммюнике, которое прошло в дискуссиях, поскольку обе стороны предложили свои варианты. Согласованный вариант коммюнике был опубликован в газете «Известия» на следующий день, 10 июня 1940 г. [14].

Советско-японский военный конфликт на Халхин-Голе явился продолжением агрессивной деятельности фашистского руководства японской армии по созданию собственной колониальной империи. Однако в отличие от головокружительного успеха при захвате трех Северо-Восточных провинций Китая в 1931–1932 гг. он разворачивался в других геополитических условиях. Ушла в прошлое военная слабость Советского Союза, в Москве шли переговоры о создании военно-политического союза Англии, Франции и СССР, направленного против нацистской Германии и «милитаристско-фашистской» Японии, неожиданно закончившихся еще более неприятным сюрпризом для японского руководства – подписанием советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. сроком на 10 лет. Не зная об истинных планах нацистского руководства Германии нарушить этот пакт при удобном случае, руководство Японии, ранее готовившееся в союзе с Германией напасть на СССР, было вынуждено срочно менять свои планы. К тому же полномасштабная война против Китая, развязанная Японией в июле 1937 г., продолжалась, отвлекая крупные военные силы, и до победы в ней было очень далеко. На этом геополитическом фоне разворачивался советско-японский переговорный процесс по завершению военного конфликта на Халхин-Голе, в ходе которого была быстро достигнута договоренность о завершении военных действий и отводе войск от границы 16 сентября 1939 г. Переговорный процесс о демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го

в районе военного конфликта оказался более длительным – с 14 сентября 1939 г. по 9 июня 1940 г. Проявив принципиальность и до конца отстаивая территориальные интересы МНР, Молотов в итоге был вынужден пойти на незначительные уступки, заставив Того сделать то же самое, обе стороны при этом руководствовались необходимостью решения более серьезных проблем в советско-японских отношениях, включая подготовку к подписанию советско-японского пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 г.

Список литературы

1. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того. 23 мая 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 280–284.
2. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того. 1 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 301–305.
3. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того. 3 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 310–312.
4. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того. 7 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 318–321.
5. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того. 9 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 322–324.
6. Дубинин Ю. А. Политика и дипломатия СССР на Дальнем Востоке в канун и в годы Второй мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16 (6). С. 92–123.
7. Жалсапова Ж. Б. Конфликт на монголо-маньчжурской границе 1939 года в отражении иностранной прессы: происхождение и начало // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С. 126–129.
8. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. : АПН, 1970. 733 с.
9. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР... 19 мая 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 443, 444.
10. Запись беседы народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова с послом Японии С. Того... 14 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 505–508.
11. Запись беседы народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова с послом Японии С. Того... 15 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 508–510.
12. Зориг Г. Два подхода к истории сражений на реке Халхин-Гол // Япония: экономика, политика, история. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 270–273.
13. Известия. 16 сентября 1939 г.
14. Известия. 10 июня 1940 г.
15. Информационное сообщение ТАСС о сводке военных столкновений в районе монголо-маньчжурской границы. 28 июня 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 465.
16. Информационное сообщение ТАСС о военных столкновениях в районе монголо-маньчжурской границы. 29 июня 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 465.
17. Катасонова Е. Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историографические проблемы // Япония. Ежегодник. 2009. № 38. С. 271–293.
18. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы / пер. с англ. Д. Ю. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. Изд. 2-е, испр. М. : Дело : РАНХиГС, 2020. 696 с.
19. Маркин И. И. Там, в степях у реки. О боях на Халхин-Голе. М. : Политиздат, 1981. 158 с.
20. Новиков М. В. Победа на Халхин-Голе. М. : Политиздат, 1971. 111 с.
21. Протокол о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой от 12 марта 1936 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 19. 1 января – 31 декабря 1936 г. М. : Политиздат, 1974. С. 136, 137.
22. Севостьянов Г. Н. Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол // Вопросы истории. 1957. № 8. С. 63–84.
23. Славинский Б. Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история 1937–1945 гг. М. : Япония сегодня, 1999. 540 с.

24. Совместный протокол представителей местного командования советско-монгольской и японской армий о прекращении военных действий 16 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 511.

25. Совместное коммюнике смешанной комиссии по уточнению границы между МНР и Маньчжоу-Го в районе советско-японского конфликта (р. Халхин-Гол) летом 1939 г. – 1 февраля 1940 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 578.

26. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией. 9 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 321, 322.

27. Сообщение ТАСС о столкновении между частями МНР и японо-маньчжурскими войсками на границе МНР с Маньчжурией. 26 июня 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 463, 464.

28. Сообщение советской печати о ликвидации остатков японо-маньчжурских войск в приграничной полосе МНР. 1 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 495, 496.

29. Телеграмма полпреда СССР во Франции Я. З. Сурица в НКВД СССР. 23 июня 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 462.

30. Телеграмма наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова командованию советскими войсками в МНР по случаю победы над японскими войсками у р. Халхин-Гол. 29 августа 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 492.

31. Телеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского полпредам СССР в Берлине, Вашингтоне, Лондоне, Париже, Риме... 15 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 510.

32. Телеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского полпреду СССР в МНР И. А. Иванову. 30 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 522.

33. *Шишкин С. Н.* Халхин-Гол. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Воениздат, 1954. 64 с.

34. *Ян Итин.* «Фактор Китая» в советско-японских отношениях: тяжелый путь к нейтралитету. 1931–1941 гг. // Человеческий капитал. 2021. № 4 (148). С. 31–41.

The Soviet-Japanese armed conflict near the Khalkhin Gol River (May–September 1939): a diplomatic aspect

Novikov Mikhail Vasilevich

Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article examines the diplomatic aspect of the Soviet-Japanese military conflict on the territory of the Mongolian People's Republic (MPR) in May – September 1939. The reasons for writing the article were the 85th anniversary of this event and its insufficient coverage in the national literature. It is noted that the reason for the outbreak of the military conflict was the unresolved border between the People's Republic of China and the puppet state of Manchukuo created by the Japanese in the occupied Northeastern part of the Republic of China in 1932. The true causes of the conflict were much deeper, it was an attempt to include the MNR in the sphere of Japanese influence, create another puppet state and another springboard for the war against the USSR. It is noted that the conflict began with provocations on the Mongolian-Manchurian border in May 1939 and ended with the complete defeat of the Japanese-Manchurian troops on August 29, 1939. It is emphasized that Soviet diplomacy tried to prevent this conflict, but unsuccessfully, that after the defeat the Japanese side was forced to sit down at the negotiating table. According to the available documents, the Soviet-Japanese negotiation process continued with varying degrees of intensity from September 14, 1939 to June 9, 1940. On the Soviet side, negotiations were conducted by the People's Commissar for Foreign Affairs V. M. Molotov, on the Japanese side by the Japanese Ambassador to the USSR S. Togo. During the first round of negotiations on September 14–15, 1939, an agreement was reached on the cessation of hostilities from September 16 and on

the creation of a mixed Soviet-Mongolian-Japanese-Manchurian commission to demarcate the border between the People's Republic of China and Manchukuo in the conflict zone. It is noted that the joint commission was unable to resolve the border issue. It is emphasized that the final decision on the demarcation of the border between the MPR and Manchukuo in the conflict zone was reached during the second round of negotiations between Molotov and Togo in the period from May 23 to June 9, 1940. The documents show that Molotov fiercely defended the interests of the MNR, and that, despite the military defeat, he tried to bargain for the most favorable terms for his satellite. It is noted that both sides made certain concessions to resolve the border issue, which was due to the need to negotiate on other, more important issues of Soviet-Japanese relations.

Keywords: Soviet-Japanese military conflict of 1939, Khalkhin Gol, diplomatic aspect, negotiations, cessation of hostilities, border demarcation, concessions.

References

1. *Beseda narkoma inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR S. Togo. 23 maya 1940 g.* – Conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov with the Ambassador of Japan to the USSR S. Togo. May 23, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 280–284.
2. *Beseda narkoma inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR S. Togo. 1 iyunya 1940 g.* – Conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov with the Ambassador of Japan to the USSR S. Togo. June 1, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 301–305.
3. *Beseda narkoma inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR S. Togo. 3 iyunya 1940 g.* – Conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov with the Ambassador of Japan to the USSR S. Togo. June 3, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 310–312.
4. *Beseda narkoma inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR S. Togo. 7 iyunya 1940 g.* – Conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov with the Ambassador of Japan to the USSR S. Togo. June 7, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 318–321.
5. *Beseda narkoma inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR S. Togo. 9 iyunya 1940 g.* – Conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov with the Ambassador of Japan to the USSR S. Togo. June 9, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 322–324.
6. Dubinin Yu. A. *Politika i diplomatiya SSSR na Dal'nem Vostoke v kanun i v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Politics and diplomacy of the USSR in the Far East on the eve and in the years World War II] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* – Herald of MGIMO University. 2023. No. 16 (6). Pp. 92–123.
7. Zhalsapova Zh. B. *Konflikt na mongolo-man'chzhurskoj granice 1939 goda v otrazhenii inostrannoj pressy: proiskhozhdenie i nachalo* [The conflict on the Mongolian-Manchurian border in 1939 in the reflection of the foreign press: origin and beginning] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Chelyabinsk State University. 2009. No. 4 (142). History. Is. 29. Pp. 126–129.
8. Zhukov G. K. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memoirs and reflections]. M. Publishing House of the APN, 1970. 733 p.
9. *Zapis' besedy narodnogo komissara inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR... 19 maya 1939 g.* – Recording of a conversation between the People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov and the Japanese Ambassador to the USSR ... on May 19, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 443, 444.
10. *Zapis' besedy narodnogo komissara inostrannyh del V. M. Molotova s poslom Yaponii S. Togo... 14 sentyabrya 1939 g.* – Recording of a conversation between People's Commissar for Foreign Affairs V. M. Molotov and Japanese Ambassador S. Togo ... on September 14, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 505–508.
11. *Zapis' besedy narodnogo komissara inostrannyh del V. M. Molotova s poslom Yaponii S. Togo... 15 sentyabrya 1939 g.* – Recording of a conversation between People's Commissar for Foreign Affairs V. M. Molotov and Japanese Ambassador S. Togo ... on September 15, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 508–510.

12. Zorig G. *Dva podhoda k istorii srazhenij na reke Halhin-Gol* [Two approaches to the history of battles on the Khalkhin Gol River] // *Yaponiya: ekonomika, politika, istoriya* – Japan: economics, politics, history. M. Nauka. Main Editorial Office of Oriental Literature, 1989. Pp. 270–273.
13. *Izvestiya* – News. September 16, 1939
14. *Izvestiya* – News. June 10, 1940
15. *Informacionnoe soobshchenie TASS o svodke voennyh stolknovenij v rajone mongolo-man'chzhurskoj granicy. 28 iyunya 1939 g.* – TASS news report on the summary of military clashes in the area of the Mongolian-Manchurian border. June 28, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. P. 465.
16. *Informacionnoe soobshchenie TASS o voennyh stolknoveniyah v rajone mongolo-man'chzhurskoj granicy. 29 iyunya 1939 g.* – TASS news report on military clashes in the area of the Mongolian-Manchurian border. June 29, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 465.
17. *Katasonova E. L. Halhin-Gol: 70 let spustya. Istoriograficheskie problemy* [Khalkhin-Gol: 70 years later. Historiographical problems] // *Yaponiya. Ezhegodnik* – Japan. The yearbook. 2009. No. 38. Pp. 271–293.
18. *Mann M. Istochniki social'noj vlasti : v 4 t. T. 3. Global'nye imperii i revolyuciya, 1890–1945 gody* [Sources of social power : in 4 vols. Vol. 3. Global Empires and revolution, 1890–1945] / transl. from English by D. Y. Karasev; ed. by S. Moiseev. 2nd ed., corr. M. Delo : RANHiGS, 2020. 696 p.
19. *Markin I. I. Tam, v stepyah u reki. O boyah na Halhin-Gole* [There, in the steppes by the river. About the battles on Khalkhin Gol]. M. Politizdat, 1981. 158 p.
20. *Novikov M. V. Pobeda na Halhin-Gole* [Victory at Khalkhin Gol]. M. Politizdat, 1971. 111 p.
21. *Protokol o vzaimopomoshchi mezhdru Soyuzom Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Mongol'skoj Narodnoj Respublikoj ot 12 marta 1936 g.* – Protocol on mutual assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the Mongolian People's Republic of March 12, 1936 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. Vol. 19. January 1 – December 31, 1936. M. Politizdat, 1974. Pp. 136, 137.
22. *Sevost'yanov G. N. Voennoe i diplomaticheskoe porazhenie Yaponii v period sobytij u reki Halhin-Gol* [The military and diplomatic defeat of Japan during the events near the Khalkhin-Gol river] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1957. No. 8. Pp. 63–84.
23. *Slavinskij B. N. SSSR i Yaponiya – na puti k vojne: diplomaticheskaya istoriya 1937–1945 gg* [The USSR and Japan – on the way to war: a diplomatic history of 1937–1945]. M. Japan Today, 1999. 540 p.
24. *Sovmestnyj protokol predstavitelej mestnogo komandovaniya sovetko-mongol'skoj i yaponskoj armij o prekrashchenii voennyh dejstvij 16 sentyabrya 1939 g.* – Joint protocol of representatives of the local command of the Soviet-Mongolian and Japanese armies on the cessation of hostilities on September 16, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. P. 511.
25. *Sovmestnoe kommyunike smeshannoj komissii po utochneniyu granicy mezhdru MNR i Man'chzhou-Go v rajone sovetko-yaponskogo konflikta (r. Halhin-Gol) letom 1939 g. – 1 fevralya 1940 g.* – Joint communique of the Joint Commission on clarifying the border between the People's Republic of China and Manchukuo in the area of the Soviet-Japanese conflict (Khalkhin Gol river) in the summer of 1939 – February 1, 1940 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. Moscow : Monuments of Historical Thought, 2000. P. 578.
26. *Soglashenie mezhdru Soyuzom Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Yaponiej. 9 iyunya 1940 g.* – Agreement between the Union of Soviet Socialist Republics and Japan. June 9, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR's foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 321, 322.
27. *Soobshchenie TASS o stolknovenii mezhdru chastyami MNR i yapono-man'chzhurskimi vojskami na granice MNR s Man'chzhuriej. 26 iyunya 1939 g.* – TASS report on the clash between units of the People's Republic of China and Japanese-Manchurian troops on the border of the People's Republic of China with Manchuria. June 26, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 463, 464.
28. *Soobshchenie sovetsoj pechati o likvidacii ostatkov yapono-man'chzhurskikh vojsk v prigranichnoj poloze MNR. 1 sentyabrya 1939 g.* – Message from the Soviet press about the liquidation of the remnants of Japanese-Manchurian troops in the border zone of the MNR. September 1, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 495, 496.
29. *Telegramma polpreda SSSR vo Francii Ya. Z. Surica v NKID SSSR. 23 iyunya 1939 g.* – Telegram from the USSR Envoy to France, J. Z. Surits, to the NKID of the USSR. June 23, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 462.

30. *Telegramma narkoma oborony SSSR K. E. Voroshilova komandovaniyu sovetskimi vojskami v MNR po sluchayu pobedy nad yaponskimi vojskami u r. Halhin-Gol. 29 avgusta 1939 g.* – Telegram of the People's Commissar of Defense of the USSR K. E. Voroshilov to the command of Soviet troops in the MNR on the occasion of the victory over the Japanese troops near the Khalkhin river. Gol. August 29, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M.: Monuments of Historical Thought, 2000. P. 492.

31. *Telegramma zamestitelya narkoma inostrannyh del SSSR S. A. Lozovskogo polpredam SSSR v Berline, Vashingtone, Londone, Parizhe, Rime... 15 sentyabrya 1939 g.* – Telegram from Deputy People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR S. A. Lozovsky to the USSR plenipotentiaries in Berlin, Washington, London, Paris, Rome ... on September 15, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. P. 510.

32. *Telegramma zamestitelya narkoma inostrannyh del SSSR S. A. Lozovskogo polpredu SSSR v MNR I. A. Ivanovu. 30 sentyabrya 1939 g.* – Telegram from the Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR, S. A. Lozovsky, to the USSR Envoy to the People's Republic of China, I. A. Ivanov. September 30, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. P. 522.

33. *Shishkin S. N. Halhin-Gol. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Khalkhin-Gol. 2nd ed., corr. and add.] M. Voenizdat, 1954. 64 p.

34. *Yang Itin. "Faktor Kitaya" v sovetsko-yaponskih otnosheniyah: tyazhelyj put' k nejtralitetu. 1931–1941 gg.* [The "China Factor" in Soviet-Japanese relations: the hard road to neutrality. 1931–1941] // *Chelovecheskij kapital – Human capital*. 2021. No. 4 (148). Pp. 31–41.

Поступила в редакцию: 11.12.2024

Принята к публикации: 17.01.2025

Новые данные по динамике культурного развития и освоения среднего течения р. Дёма в эпоху бронзы (Южный Урал)*

Хурмаев Анвар Альбертович¹, Алексеева Анастасия Юрьевна²,
Фаррахов Артур Азатович³

¹младший научный сотрудник отдела археологических исследований, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Россия, г. Уфа; аспирант, Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук.
Россия, г. Ижевск. ORCID: 0000-0003-0361-2670. E-mail: kimi.malini@yandex.ru

²лаборант отдела археологических исследований, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
Россия, г. Уфа. E-mail: anastasiyu.2016@mail.ru

³лаборант отдела археологических исследований, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
Россия, г. Уфа. E-mail: artur.farrakhov.84@mail.ru

Аннотация. За период более чем в 50 лет исследований памятников бронзового века в среднем течении р. Дёма было выявлено и обследовано более 10 объектов. В их числе как небольшие поселения, так и крупные курганные могильники. Однако основной массив изученных памятников относится к срубной культуре. В свою очередь, абашевская культура представлена лишь некрополями, а поселения же отсутствуют вовсе. Именно с целью разрешения данной ситуации отделом археологических исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН были проведены разведочные работы в 2022 и 2023 гг. Общая длина маршрута составила около 40 км. В результате работ было выявлено 5 новых памятников эпохи бронзы: поселения Шингак-Куль-1 и 2, Нижнехозятово-5, Кляшево-1 и Новый Бекадак-1. Все памятники приурочены к берегу реки Дёма и ее притоков рр. Казияз и Большой Удряк. Располагаются на мысах (Новый Беркадак-1, Шингак-Куль-2), террасе (Шингак-Куль-1) и близ берега реки (Кляшево-1). Выявленные памятники эпохи бронзы представляют собой достаточно крупные поселения (за исключением Шингак-Куль-2). Из пяти выявленных памятников два поселения (Нижнехозятово-5 и Новый Беркадак-1) являются многослойными и заключают в себе срубный и абашевский материал, залегающий, в целом, в едином слое. Стоит отдельно выделить поселение Новый Беркадак-1, на котором помимо материала срубной и абашевской культуры были обнаружены фрагменты лепных глиняных сосудов, относящихся к эпохе энеолита и к финальному этапу бронзового века (саргаринско-алексеевская культура). Полученные результаты подтверждают предположения о расселении и срубных, и абашевских племен по р. Дёма и их плотном заселении. Наличие абашевской и срубных поселенческих памятников подтверждает взаимовлияние этих двух культур. Все это в совокупности позволяет рассматривать территорию близ р. Дёма как модельную для изучения абашевской и срубной культур.

Ключевые слова: Южное Предуралье, р. Дёма, эпоха бронзы, срубная культура, абашевская культура.

Введение. Памятники эпохи бронзы, расположенные в среднем течении р. Дёма, играют важную роль в понимании культурогенеза и сложения абашевской и срубной культур Предуралья. Материалам исследованных раскопками поселений и могильников отводится исключительная роль в процессе накопления источниковой базы, некоторые памятники, такие как Старо- и Ново-Ябалаклинские, Петряевский, Старо-Яппаровский I, II курганные могильники, Аитовское и Казангуловское поселения [10; 12; 17], стали эталонными и базовыми

© Хурмаев Анвар Альбертович, Алексеева Анастасия Юрьевна, Фаррахов Артур Азатович, 2025

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н. э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

для южноуральской археологии. В историографическом плане стоит отметить, что первые исследования здесь начались в 50-е гг. XX в. и связаны с именем Р. Б. Ахмерова, руководившего экспедицией Башкирского республиканского краеведческого музея [1]. Однако активная исследовательская деятельность в этом регионе Южного Урала начинается только в 1960–70-е гг. В результате этих работ выявляются десятки новых срубных памятников, существенно дополняющих сведения о населении центральных районов Предуралья. В частности, экспедицией под руководством Г. И. Матвеевой в 1962 г. изучается Давлекановский курганный могильник, расположенный на северо-восточной окраине г. Давлеканово. В двух изученных курганах находились как срубные, так и андроновские захоронения. Обнаруженные материалы отражали процесс взаимодействия носителей срубной и андроновской культур и позволили тогда говорить о раннем заселении бассейна р. Дёма срубными племенами [8].

В период 1960–70-х гг. наметилась тенденция к стационарным раскопкам крупных памятников бронзового века. Здесь стоит отметить раскопки Старо-Яппаровского курганного могильника, выявленного Г. И. Матвеевой в 1963 г. [8]. Раскопки могильника начались в 1973 г. экспедицией под руководством В. С. Горбунова и дали обширные материалы, позволившие отнести данный памятник к покровскому этапу срубной археологической культуры и датировать его II тыс. до н. э. [3].

Нельзя не отметить исследование одного из крупнейших курганных некрополей эпохи бронзы в Камско-Бельском междуречье – Старо-Ябалаклинского, расположенного на 10-метровой террасе левого берега р. Удряк (приток р. Дёма). Памятник исследовался в 1973–1975 и 1977–1979 гг. под руководством В. С. Горбунова, Ю. А. Морозова и М. Ф. Обыденнова [4; 6; 14]. За это время было раскопано 106 курганов, содержащих срубные и абашевские погребения. Полученные материалы дали представление об особенностях погребального обряда [6]. В эти же годы В. С. Горбуновым, С. М. Васюткиным и Р. А. Нигматуллиным проводятся раскопки Ново-Ябалаклинского курганного могильника, полученная информация позволила переосмыслить ход и итоги процесса взаимодействия племен срубной и алакульской культур [3; 15].

В период 1980–90-х гг. завершается изучение I Старо-Яппаровского и Казангуловского поселений [11; 17 с. 10]. Р. А. Нигматуллиным исследуются Удрякские курганные могильники и продолжены раскопки Петряевского могильника, относящегося к раннему этапу срубной культуры [13; 15; 16].

С конца 1990-х и до конца 2000-х гг. процесс изучения абашевской и срубной культур переместился, по большей части, в Башкирское Зауралье [2; 7], и комплексных работ по исследованию среднего течения р. Дёма более не предпринималось.

Таким образом, основной массив памятников, изученных в среднем течении р. Дёма, относится к срубной культуре, открыт ряд поселенческих и, по всей видимости, синхронных им могильников. В свою очередь, абашевская культура представлена лишь некрополями, пусть и довольно крупными, поселения же отсутствовали вовсе. В реальности такую ситуацию трудно себе представить, подобная диспропорция, на наш взгляд, не могла объясняться ничем, кроме как недостаточным обследованием территории вблизи Старо-Ябалаклинского могильника, содержащего абашевские материалы. С целью выявления абашевских поселений были проведены разведочные работы 2022 и 2023 гг. под руководством одного из авторов статьи [19]. В предлагаемой работе приводятся полученные результаты, имеющие большое значение для реконструкции динамики культурного развития и освоения Южного Урала в эпоху бронзы.

В ходе разведочных работ был обследован участок среднего течения р. Дёма. Общая длина маршрута составила около 40 км. Всего было выявлено 5 новых памятников эпохи бронзы, это поселения Шингак-Куль-1 и 2, Нижнехозятово-5, Кляшево-1 и Новый Беркадак-1 (рис. 1, 6–10).

Шингак-Куль-1, поселение. Памятник располагается на распахиваемой террасе старицы р. Большой Удряк, высотой 3 м. С юга, запада и севера памятник примыкает к подтапливаемой старице реки. На западе площадка памятника полого повышается к востоку по распахиваемой террасе (рис. 1, 6).

Культурный слой, содержащий большое количество лепной керамики и костей животных, сильно нарушен пахотными работами. Археологический материал залегает на границе пашни и нетронутой части рыхлого темно-серого гумуса.

Стратиграфия памятника, выявленная в заложенном разведочном шурфе, следующая: верхний почвенный слой нарушен распашкой, глубина ее составила около 25 см; непотрево-

женный почвенный слой представлен темно-серым гумусом (мощность 10 см), материковым подстилающим слоем является светло-коричневая супесь. Археологический материал встречен в слое распашки и темно-серого гумуса и представлен фрагментами керамики и костями животных.

Всего было собрано 43 фрагмента керамики (9 венчиков, 3 днища, 30 стенок, 1 шейка), кости животных и единичная находка бронзового шлака. Все фрагменты керамики однородны по своему составу и относятся к срубной археологической культуре бронзового века (рис. 4, 1–11).

Исходя из обнаруженных фрагментов керамики, можно сказать, что в коллекции присутствуют фрагменты как минимум 10 сосудов. Все венчики имеют овальную форму, из них 4 – слегка скошенные. Днища прямые. Из 43 фрагментов керамики 24 имеют орнамент. На половине фрагментов также присутствуют расчески на внутренней стороне. Орнамент представлен главным образом оттисками гребенчатого штампа, подовальными и ямочными вдавлениями и прочерченными линиями. Тесто серое-темно-серое, с примесью шамота и дресвы, встречается примесь органики, а также имеется один фрагмент с большой примесью талька в тесте. Толщина всех фрагментов варьируется от 0,7 до 1,3 см, за исключением одного с толщиной в 0,5 см.

Шингак-Куль-2, поселение. Памятник находится в 0,6 км к северо-востоку от оз. Шингак-Куль и располагается на невысокой мысовидной возвышенности распахиваемой террасы р. Дёма, высотой 2–3 м (рис. 1, 7).

При визуальном осмотре на площадке памятника всего было собрано 14 фрагментов лепной керамики (2 венчика, 10 стенок, 2 шейки) и несколько костей животных (рис. 4, 12–16).

Все фрагменты керамики однородны по своему составу и относятся к срубной археологической культуре. Из 14 фрагментов керамики 5 имеют орнамент. Орнамент представлен гребенчатым штампом, овальными или косыми вдавлениями. Практически на всех фрагментах присутствуют расчески на внутренней стороне. Тесто, как правило, серое-темно-серое с примесью шамота и дресвы.

Нижнехозятово-5, поселение. Памятник располагается на круто повышающемся 3–4-метровом всхолмлении высокого левого берега р. Дёма. С юга данное всхолмление ограничено рекой, а с запада участок примыкает к подтапливаемой зоне. С юга и юго-востока площадка памятника примыкает к глубокому логу, соединяющему современное русло реки и старицу (рис. 1, 8).

Стратиграфия памятника, полученная в заложенных разведочных шурфах, следующая: дёрн – до 10 см, далее залегает серая гумусированная супесь, содержащая наибольшую концентрацию находок – мощность до 70 см; подстилающий материковый слой представлен светло-коричневой супесью с незначительными гумусированными включениями от нор.

Распределение материала выглядит следующим образом: наибольшая концентрация срубного материала встречается на 2–4 горизонтах (мощность около 50 см). В первом шурфе срубная керамика встречается на горизонтах глубине от -15 до -75 см. Наибольшая концентрация (4 фр.) – 3 горизонт (от -25 до -45 см), наименьшая (1 фр.) – горизонт 4 (от -45 до -75 см). Абашевская керамика встречается на горизонтах 2–5 (мощность около 80 см). Наибольшее количество (7 фр.) – горизонт 4 (от -45 до -75 см), наименьшее (2 фр.) – горизонт 2 (от -15 до -25 см).

В третьем шурфе керамика срубной культуры обнаружена на 2 и 3 горизонте (от -30 до -80 см). Наибольшая концентрация (4 фр.) – 2 горизонт, наименьшая (2 фр.) – 3 горизонт. Абашевская керамика встречается на тех же горизонтах. Также был найден один фрагмент срубно-алакульской культуры.

В целом, как видно из представленного распределения, можно сказать, что срубный и абашевский материалы залегают вместе друг с другом в едином слое.

Всего было получено 44 фрагмента керамики, 16 из которых относятся к срубной археологической культуре (4 венчика, 1 днище, 11 стенок), а 28 фрагментов (4 венчика и 24 стенок) принадлежат к абашевской культуре (рис. 2, 1–14).

Срубная керамика представлена фрагментами как минимум от пяти сосудов. Венчики имеют овальную форму. Орнамент на них представлен косыми подпрямоугольными вдавлениями, подпрямоугольными желобками, рядом косых длинных насечек, прочерченными зигзагообразными, горизонтальными линиями, а также одним сквозным отверстием. Толщина венчиков варьируется от 0,9 до 1,3 см. 11 стенок имеют толщину от 0,7–1,1 см. Орнамент представлен подпрямоугольными, подтреугольными вдавлениями. Цвет керамики светло-темно-серый. Тесто, как правило, светло-темно-серое с примесью дресвы и шамота (рис. 2, 4, 6, 8, 9, 13).

Абашевская посуда представлена фрагментами 4 сосудов. Венчики имеют овальную форму. Орнамент представлен зигзагообразными и овальными вдавлениями. Толщина венчиков от 0,7 до 0,9 см. Стенки имеют толщину от 0,5 до 0,9 см. Орнамент отсутствует. Цвет светло-коричневый, светло-серый. Тесто, как правило, светло-темно-серое с примесью ракушки и песка (рис. 2, 1–3, 5, 7, 10, 12).

Кляшево-1, поселение. Памятник расположен на правом берегу р. Казияз, в 150 м от ее русла. С юга и востока площадка памятника ограничена сухим логом, подпираемым высокой коренной террасой, а на западе граничит с поймой реки (рис. 1, 9).

Стратиграфия памятника, полученная в заложенном разведочном шурфе, следующая: верхний дерновый слой (около 5 см), далее залегает темно-серый гумус с крупными включениями засолонцеватости (мощность – до 60 см), подстилающий материковый слой представлен коричневым суглинком с небольшими гумусированными включениями из нор. Наибольшая концентрация археологического материала заключена в слое темно-серого гумуса и имеет мощность около 35 см.

На площадке памятника были зафиксированы 4 крупные жилищные впадины. Впадины имеют овальную форму и размеры: первая 15×9×0,2 м, вторая 14×9×0,2 м, третья 15×11×0,15 м, четвертая 18×12×0,2 м.

Всего было получено 52 фрагмента керамики (5 венчиков, 46 стенок, 1 фрагмент придонной части), относящихся к срубной археологической культуре, кости животных и одно костяное орудие с искусственным пропилом (рис. 2, 14–29).

Исходя из обнаруженных фрагментов керамики, можно сказать, что в коллекции присутствуют фрагменты как минимум от 4 сосудов. Венчики имеют овальную форму. Орнамент представлен подпрямоугольными вдавлениями, косыми зигзагообразными насечками и наклонным рядом гребенки. Толщина венчика от 0,6 до 1 см. 11 фрагментов стенок имеют орнамент. Представлен подовальными вдавлениями, косыми насечками и гребенчатым штампом. Толщина варьируется от 0,5 до 1,4 см. Цвет фрагментов светло-темно-коричневый и рыжеватый. Тесто светло-темно-серое с примесью шамота, дресвы и песка (рис. 2, 14–29).

Новый Беркадак-1, поселение. Памятник расположен на правом берегу р. Дёма, на мысу, возвышающемся на 2–3 м над узкой поймой р. Дёмы. На юго-западе ограничен деревней Новый Беркадак, а с севера – пойменным озером. С востока мыс ограничен возвышающейся поймой высотой 7–10 м, на которой располагается д. Новый Беркадак. С южной стороны мыс ограничен пологим распашным логом шириной 30–40 м и глубиной до 1,5 м (рис. 1, 10).

Стратиграфия памятника, полученная в заложенном разведочном шурфе, следующая: верхний дерновый слой (около 5 см), далее залегает темно-серый комковатый гумус, переходящий в серую гумусированную супесь (мощность – до 85 см), подстилающий материковый слой представлен ярко-коричневым мягким суглинком с небольшими гумусированными включениями из нор. Как мы видим, наибольшая концентрация археологического материала заключена в слое серой гумусированной супеси и имеет мощность до 60 см.

Керамика срубной культуры в первом шурфе встречается на всех горизонтах (до 55 см). Наибольшее количество (18 фр.) – на горизонте 2 (до 35 см), наименьшее (4 фр.) – на предматериковом горизонте. Абашевская – только на первых двух (наибольшее (4 фр.) – на предматериковом горизонте, наименьшее (2 фр.) – на горизонте 1 (до 25 см)).

Во втором шурфе срубный материал обнаружен также на всех горизонтах (до 95 см). Наибольшая концентрация (14 фр.) – на предматериковом горизонте, наименьшая (2 фр.) – во 2 горизонте (до 55 см). Абашевская керамика встречается на глубине от 25 до 75 см. Наибольшее количество (4 фр.) на предматериковом горизонте, наименьшее (2 фр.) на 3 горизонте.

В третьем шурфе присутствует только срубная керамика на втором горизонте (глубина 40 см) (3 фр.). Как мы видим, срубный и абашевский материал залегает в едином слое, однако керамика абашевской культуры, как правило, залегает выше.

Всего было получено 87 фрагментов керамики бронзового века, 73 из которых относятся к срубной культурной общности (13 венчиков и 60 стенок) и 14 фрагментов к абашевской культуре (6 венчиков и 8 стенок) (рис. 3).

Срубная керамика представлена фрагментами как минимум от 10 сосудов. Венчики имеют скошенную наружу и овальную форму и орнамент в виде поясков подтреугольных вдавлений. Толщина их варьируется от 0,5 до 1 см. Из всех стенок 8 имеют орнамент, представленный косыми насечками и гребенчатым штампом. Толщина стенок варьируется от 0,6 до 1,3 см. Цвет всех фрагментов коричневый-темно-коричневый. Тесто серое, светло-темно-серое с примесью шамота и дресвы (рис. 3, 1, 2, 5, 7, 9, 11, 14, 15, 17, 19, 21).

Абашевская керамика, исходя из обнаруженных фрагментов венчиков, представлена пятью сосудами. Венчики имеют овальную и скошенную форму и орнамент в виде зигзагообразных прочерченных линий, насечек, оттисков гребенчатого штампа и зигзагообразных оттисков того же штампа. Толщина их варьируется от 0,5 до 0,8 см. Из 8 фрагментов стенок 3 имеют орнамент в виде подовальных и подтреугольных вдавлений, пояса косых насечек. Цвет всех фрагментов коричневый-темно-коричневый. Тесто светло-темно-серое с примесью ракушки и песка (рис. 3, 3, 6, 8, 10, 12, 13, 16, 18, 20).

Стоит также отметить находку фрагмента валиковой керамики финальной бронзы (сарагаринско-алексеевская культура) [16]. Фрагмент имеет орнамент в виде горизонтальной елочкой по валику. Цвет фрагмента темно-коричневый, тесто серое с большой примесью талька. Размер фрагмента: 2×2×0,7 см (рис. 3, 23).

Помимо материала бронзового века в одном из шурфов на глубине 20–40 см было обнаружено 5 фрагментов (4 стенки и 1 венчик) керамики энеолитического облика, схожих по своим характеристикам с материалами Кара-Якуповской стоянки [11]. Венчик прямой, грубоватый. Все фрагменты от одного сосуда и идентичны по своим характеристикам. Фрагменты имеют орнамент, представленный множественными округлыми вдавлениями различных размеров. Цвет фрагментов коричневый-темно-коричневый, тесто темно-серое с большим количеством примеси толченой ракушки (рис. 3, 4, 22).

Заключение. Все обнаруженные памятники находятся в среднем течении р. Дёма и ее притоков рр. Казияз и Большой Удряк и располагаются на мысах (Новый Беркадак-1, Шингак-Куль-2), на террасе (Шингак-Куль-1) и вблизи берега реки (Кляшево-1, Нижнехозятово-5). Выявленные памятники эпохи бронзы представляют собой достаточно крупные поселения (за исключением Шингак-Куль-2), что подтверждает зона распространения материалов, многочисленные фрагменты глиняных сосудов и костей животных. Из пяти выявленных памятников два поселения (Нижнехозятово-5 и Новый Беркадак-1) являются многослойными и включают в себе срубный и абашевский материал, залегающий, в целом, в едином слое.

Говоря про датировку представленных памятников, можно отметить, что поселения Шингак-Куль-1 и 2 и Кляшево-1, на которых были обнаружены материалы исключительно срубной культуры, исходя из полученного материала, соотносятся с ближайшими памятниками и могут быть датированы XVI–XV вв. до н. э. Поселение Нижнехозятово-5 несет на себе отпечаток срубной (а также срубно-алакульской) и абашевской культуры и может быть датировано рамками XXI–XV вв. до н. э. [17].

Отдельно стоит сказать о поселении Новый Беркадак-1, на котором были обнаружены материалы от энеолита до позднего этапа эпохи бронзы. Таким образом, мы можем ориентировочно датировать поселение рамками IV тыс. – XIII–XI вв. до н. э. до н. э. [9; 11].

Полученные материалы подтверждают предположение о расселении абашевских и срубных племен вдоль р. Дёма и ее плотном заселении в эпоху бронзы. Также обнаруженные памятники абашевской и срубной культур могут иметь непосредственное отношение к крупнейшим могильникам бронзового века на территории Южного Предуралья – Старо-Ябалаклинскому и Ново-Ябалаклинскому.

Как уже было отмечено ранее, до исследований в 2022–23 гг. на рассматриваемой территории было известно около 10 памятников срубной культуры, но при этом данная территория представляла собой белое пятно в отношении поселенческих памятников абашевской культуры. Новые полученные результаты позволяют рассматривать территорию близ р. Дёма как модельную для изучения абашевской и срубной культур.

Список литературы

1. Ахмеров Р. Б. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 81–90.
2. Бахшиев И. И., Бахшиев Р. И. История археологического изучения поселенческих памятников эпохи бронзы Башкирского Зауралья // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность : мат-лы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (22 октября 2009 г.). Уфа : ИЭИ УНЦ РАН, 2009. 328 с.
3. Горбунов В. С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Дёма (Башкирия) // Советская археология. 1977. № 1. С. 149–161.
4. Горбунов В. С., Морозов Ю. А., Нигматуллин Р. А. Могильник эпохи бронзы у дер. Старые Ябалаклы // Археологические открытия 1977 г. М., 1978. С. 165–166.
5. Горбунов В. С., Обыденнов М. Ф. Курганы срубной культуры у деревни Старо-Япарово на р. Деме // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 198. Воронеж, 1978. С. 118–131.

6. Горбунов В. С. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1991. 160 с.
7. Котов В. Г., Савельев Н. С. Укрепленное поселение Селек эпохи бронзы в Башкирском Зауралье (итоги исследований 2003 года) // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 17–28. DOI: 10.24411/2587-6112-2021-10010. EDN HVJHIQ.
8. Матвеева Г. И. Памятники эпохи бронзы на р. Дёме // Ученые записки Башкирского государственного университета. Вып. 14. Серия исторических наук. № 3. Ч. 2. Уфа, 1963. С. 73–90.
9. Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. № 3. С. 136–167.
10. Морозов Ю. А. Аитовское поселение эпохи бронзы в Башкирском Приуралье. Уфа : УНЦ РАН, 2017. 231 с.
11. Морозов Ю. А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. КГПИ, 1984. С. 43–58.
12. Морозов Ю. А. О культурно-типологическом соотношении срубных и межовских керамических комплексов на Казангуловском поселении // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989. С. 441–454.
13. Морозов Ю. А., Нигматуллин Р. А. Исследование памятников эпохи бронзы в Башкирии // Археологические открытия 1975 года. 1976. С. 188–189.
14. Морозов Ю. А., Нигматуллин Р. А. Раскопки Старо-Ябалаклинского могильника // Археологические открытия 1974 г. 1975. С. 165–166.
15. Морозов Ю. А., Нигматуллин Р. А. Погребальные памятники срубной культуры бассейна реки Дема (Башкирское Приуралье). Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2003. 46 с.
16. Нигматуллин Р. А. Работа Уфимского Дворца пионеров // Археологические открытия 1979 г. 1980. С. 162.
17. Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г. Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара : Саратовский государственный университет, Самарский филиал, 1991. 171 с.
18. Потемкина Т. М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // Советская археология. 1979. № 2. С. 19–30.
19. Хурмаев А. А., Алексеева А. Ю., Фаррахов А. А. Новые памятники эпохи бронзы в среднем течении р. Дёма // XII Башкирская археологическая студенческая конференция (XII БАСК) : мат-лы Всероссийской научной конференции / отв. ред. Г. Т. Обыденнова, Е. В. Русланов. Уфа : Первая типография, 2023. С. 3–7.

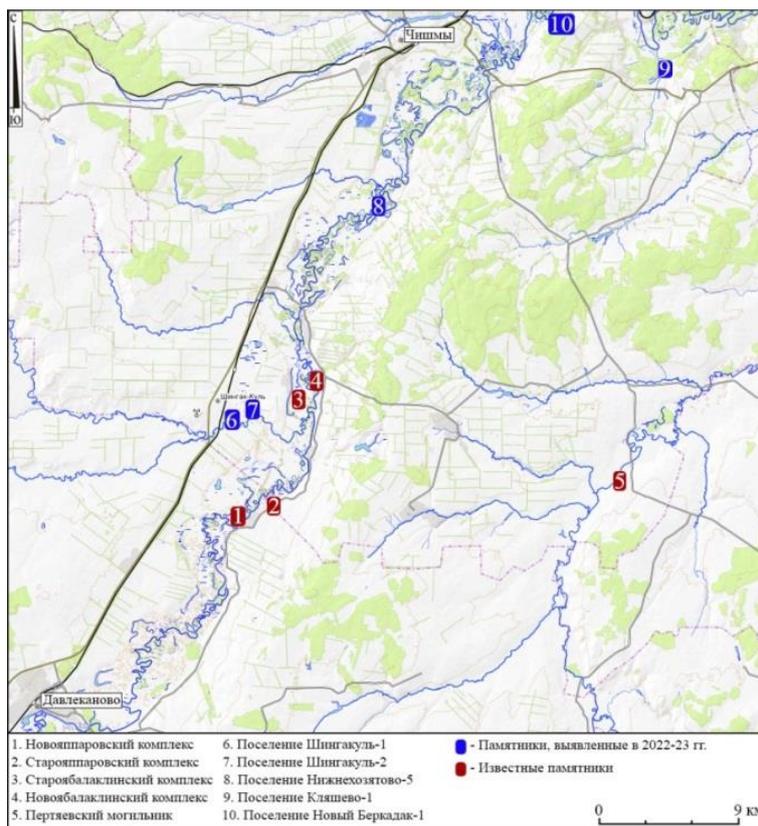

Рис. 1. Карта известных памятников эпохи бронзы и выявленных в ходе разведочных работ в 2022–23 гг.

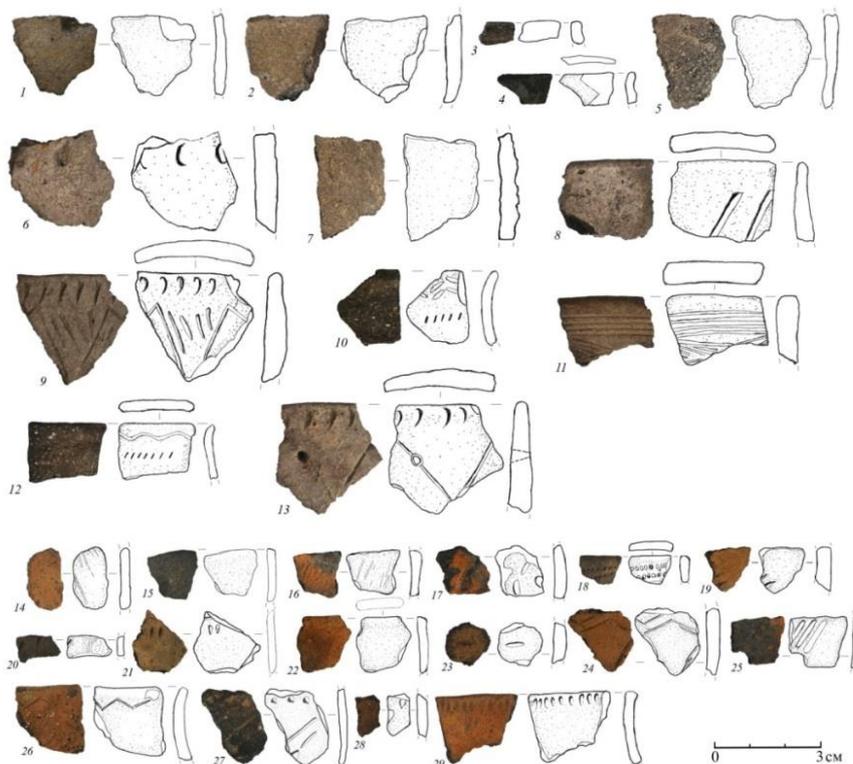

Рис. 2. 1–14 – керамика поселения Нижнехозятово-5; 1–3, 5, 7, 10, 12 – керамика абашевской культуры; 4, 6, 8, 9, 13 – керамика срубной культуры; 11 – фрагмент срубно-алакульской керамики; 14–29 – срубная керамика поселения Кляшево-1

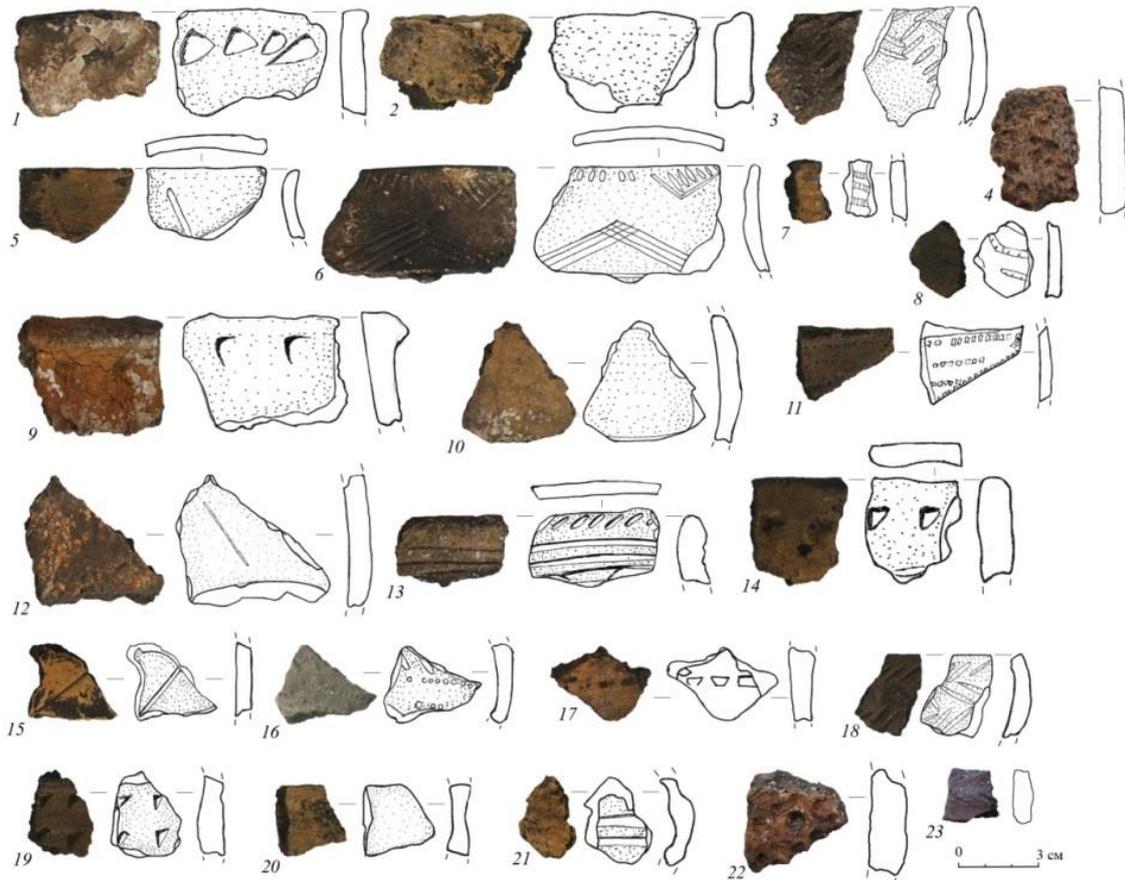

Рис. 3. Керамика поселения Новый Беркадак – 1, 3, 6, 8, 10, 12, 13, 16, 18, 20 – керамика абашевской культуры; 1, 2, 5, 7, 9, 11, 14, 15, 17, 19, 21 – керамика срубной культуры; 4, 22 – энеолитическая керамика; 23 – валиковая керамика поздней бронзы

Рис. 4. Срубная археологическая культура. Керамика с поселения Шингак-Куль-1 – 1-11.
Керамика с поселения Шингак-Куль-2 – 12-16

New data on the dynamics of cultural development and development of the middle reaches of the Dema River in the Bronze Age (Southern Urals)

Khurmaev Anvar Albertovich¹, Alekseeva Anastasia Yurievna²,
Farrakhov Artur Azatovich³

¹junior researcher at the Department of Archaeological Research, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Ufa, Russia; postgraduate student, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Izhevsk. ORCID: 0000-0003-0361-2670.

E-mail: kimi.malini@yandex.ru

²laborant of the Department of Archaeological Research, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Ufa. E-mail: anastasiyu.2016@mail.ru

³laborant of the Department of Archaeological Research, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Ufa. E-mail: artur.farrakhov.84@mail.ru

Abstract. Over a period of more than 50 years of research on Bronze Age monuments in the middle reaches of the Dema River, more than 10 sites have been identified and surveyed. These include both small settlements and large burial mounds. However, the main array of the studied monuments belongs to the log cabin culture. In turn, the Abashev culture is represented only by necropolises, and there are no settlements at all. It was with the aim of resolving this situation that the Department of Archaeological Research of the IIAL UFIC RAS conducted exploration work in 2022 and 2023. The total length of the route was about 40 km. As a result of the work, 5 new monuments of the Bronze Age were identified: the settlements of Shingak-Kul-1 and 2, Nizhnekhozyatovo-5, Klyashevo-1 and Novy Bekadak-1. All the monuments are dedicated to the banks of the Dema River and its tributaries. Kaziyaz and the Big Bastard. They are located on the capes (Novy Berkadak-1, Shingak-Kul-2), the terrace (Shingak-Kul-1) and near the river bank (Klyashevo-1). The identified monuments of the Bronze Age represent fairly large settlements (with the exception of Shingak-Kul-2). Of the five identified monuments, two settlements (Nizhnekhozyatovo-5 and Novy Berkadak-1) are multi-layered and contain log and Abashevite material, which generally lies in a single layer. It is worth highlighting the settlement of Novy Berkadak-1, where, in addition to the material of the Srubnaya and Abashevskaya cultures, fragments of molded clay vessels dating back to the Chalcolithic era and the final stage of the Bronze Age (Sargara-Alekseevskaya culture) were discovered. The results obtained confirm the assumptions about the settlement of both the Srubny and Abashev tribes along the Dema River and their dense settlement. The presence of Abashevskaya and log settlement monuments confirms the mutual influence of these two cultures. All this together makes it possible to consider the territory near the Dema River as a model for the study of Abashevskaya and Srubnaya cultures.

Keywords: Southern Urals, Dema River, Bronze Age, log cabin culture, Abashev culture.

References

1. Ahmerov R. B. *Pamyatniki srubno-hvalynskoy kul'tury v Bashkirii* [Monuments of the srubno-Khvalyn culture in Bashkiria] // *KSIIMK – KSIIMK*. 1955. Is. 59. Pp. 81–90.
2. Bahshiev I. I., Bahshiev R. I. *Istoriya arheologicheskogo izucheniya poselencheskih pamyatnikov epohi bronzy Bashkirskogo Zaural'ya* [History of archaeological study of settlement monuments of the Bronze Age of the Bashkir Trans-Urals] // *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ya: istoriya i sovremennost' : mat-ly III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh (22 oktyabrya 2009 g.)* – Ethnoses and cultures of the Ural-Volga region: history and modernity : proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists (October 22, 2009). Ufa. IEI UNC RAS, 2009. 328 p.
3. Gorbunov V. S. *Kurgany epohi bronzy na pravoberezh'e r. Dyoma (Bashkiriya)* [Bronze Age mounds on the right bank of the Dema River (Bashkiria)] // *Sovetskaya arheologiya – Soviet Archeology*. 1977. No. 1. Pp. 149–161.
4. Gorbunov V. S., Morozov Yu. A., Nigmatullin R. A. *Mogil'nik epohi bronzy u der. Starye Yabalakly* [Burial ground of the Bronze Age in the village. Starye Yabalakly] // *Arheologicheskie otkrytiya 1977 g.* – Archaeological discoveries 1977, Moscow, 1978. Pp. 165–166.
5. Gorbunov V. S., Obydenov M. F. *Kurgany srubnoj kul'tury u derevni Staro-Yapparovo na r. Deme* [Mounds of log culture near the village of Staro-Yapparovo on the Dem River] // *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* – News of Voronezh State Pedagogical Institute. Vol. 198. Voronezh, 1978. Pp. 118–131.
6. Gorbunov V. S. *Nekropol' epohi bronzy Yuzhnogo Priural'ya* [Necropolis of the Bronze Age of the Southern Urals]. Ufa : Bashkir Publishing House, 1991. 160 p.
7. Kotov V. G., Savel'ev N. S. *Ukreplennoe poselenie Selek epohi bronzy v Bashkirskom Zaural'e (itogi issledovaniy 2003 goda)* [Fortified settlement of Bronze Age Selek in the Bashkir Trans-Urals (research results of 2003)] // *Arheologiya Evrazijskih stepej* – Archeology of the Eurasian Steppes. 2021. No. 2. Pp. 17–28. DOI: 10.24411/2587-6112-2021-10010. EDN HVJHIQ.

8. Matveeva G. I. *Pamyatniki epohi bronzy na r. Dyome* [Monuments of the Bronze Age on the Dem River] // *Uchenye zapiski Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 14. Seriya istoricheskikh nauk* – Scientific notes of the Bashkir State University. Is. 14. Series of Historical Sciences. No. 3. Part 2. Ufa, 1963. Pp. 73–90.
9. Molodin V. I., Epimahov A. V., Marchenko Zh. V. *Radiouglerodnaya hronologiya epohi bronzy Urala i yuga Zapadnoj Sibiri: principy i podhody, dostizheniya i problemy* [Radiocarbon chronology of the Bronze Age of the Urals and the south of Western Siberia: principles and approaches, achievements and problems] // *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* – Herald of NSU. Series: History, philology. 2014. No. 3. Pp. 136–167.
10. Morozov Yu. A. *Aitovskoe poselenie epohi bronzy v Bashkirskom Priural'e* [Aitovo settlement of the Bronze Age in the Bashkir Urals]. Ufa. UNC RAS, 2017. 231 p.
11. Morozov Yu. A. *Kara-Yakupovskaya eneoliticheskaya stoyanka* [Kara-Yakupovskaya Eneolithic site] // *Epoha medi yuga Vostochnoj Evropy.* – The copper Age of Southern Eastern Europe. KSPI, 1984. Pp. 43–58.
12. Morozov Yu. A. *O kul'turno-tipologicheskom sootnoshenii srubnyh i mezhovskih keramicheskikh kompleksov na Kazangulovskom poselenii* [On the cultural and typological relationship of log and Mezhovsk ceramic complexes in the Kazangulovskoye settlement] // *Materialy po epohe bronzy i rannego zheleza Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya* – Materials on the Bronze Age and Early Iron age of the Southern Urals and the Lower Volga region. Ufa, 1989. Pp. 441–454.
13. Morozov Yu. A., Nigmatullin R. A. *Issledovanie pamyatnikov epohi bronzy v Bashkirii* [Investigation of Bronze Age monuments in Bashkiria] // *Arheologicheskie otkrytiya 1975 goda* – Archaeological discoveries of 1975. 1976. Pp. 188–189.
14. Morozov Yu. A., Nigmatullin R. A. *Raskopki Staro-Yabalaklinskogo mogil'nika* [Excavations of the Staro-Yabalakli burial ground] // *Arheologicheskie otkrytiya 1974 g.* – Archaeological discoveries 1974. 1975. Pp. 165–166.
15. Morozov Yu. A., Nigmatullin R. A. *Pogrebal'nye pamyatniki srubnoj kul'tury bassejna reki Dema (Bashkirskoe Priural'e)* [Funerary monuments of the log cabin culture of the Dema river basin (Bashkir Urals)]. Ufa. Designpoligrafservice, 2003. 46 p.
16. Nigmatullin R. A. *Rabota Ufimskogo Dvorca pionerov* [The work of the Ufa Palace of Pioneers] // *Arheologicheskie otkrytiya 1979 g.* – Archaeological discoveries 1979. 1980. Pp. 162.
17. Obydenov M. F., Obydenova G. T. *Severo-vostochnaya periferiya srubnoj kul'turno-istoricheskoy obshchnosti* [The northeastern periphery of the srubnaya cultural and historical community]. Samara. Saratov State University, Samara Branch, 1991. 171 p.
18. Potemkina T. M. *O sootnoshenii alekseevskih i zamaraevskih kompleksov v lesostepnom Zaural'e* [On the correlation of Alekseevsky and Zamaraevsky complexes in the forest-steppe Trans-Urals] // *Sovetskaya arheologiya* – Soviet Archeology. 1979. No. 2. Pp. 19–30.
19. Hurmaev A. A., Alekseeva A. Yu., Farrahov A. A. *Novye pamyatniki epohi bronzy v srednem techenii r. Dyoma* [New monuments of the Bronze Age in the middle reaches of the Dema River] // *XII Bashkirskaya arheologicheskaya studencheskaya konferenciya (XII BASK) : mat-ly Vserossijskoj nauchnoj konferencii* – XII Bashkir Archaeological Student Conference (XII BASK) : proceedings of the All-Russian Scientific Conference / ed. by G. T. Obydenova, E. V. Ruslanov. Ufa. First Printing House, 2023. Pp. 3–7.

Поступила в редакцию: 01.10.2024

Принята к публикации: 27.11.2024

Тема масонства в творчестве Ф. М. Достоевского

Сыромятников Олег Иванович

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0003-4826-3857. E-mail: pani_perm@list.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос о связи творчества Ф. М. Достоевского с масонством. Его актуальность определяется неослабевающим интересом к личности и творчеству великого русского писателя, а также тем обстоятельством, что проблема влияния масонства на русскую историю и культуру постоянно поднимается в научной и общественной мысли. Особое внимание к ней возникло в конце 1980-х гг., после чего на протяжении четверти века появлялись как основательные работы, так и разного рода догадки. В то же время было высказано и предположение о причастности Достоевского к масонству. Несмотря на то, что с тех пор никаких убедительных доказательств этой гипотезы предоставлено не было, она внезапно обрела вторую жизнь в наши дни. Это определило цель настоящей работы – подтвердить или опровергнуть предположение о причастности Достоевского к масонству.

Несмотря на официальный запрет, деятельность различных тайных обществ, среди которых масоны занимали видное место, составляла характерную черту общественной жизни Петербурга второй половины XIX в. Достоевский знал о ней как из открытых источников, так и из запрещенной литературы, с которой познакомился в молодости в среде столичной интеллигенции. Он был православным человеком, искренне и глубоко любящим свое Отечество, и быстро понял враждебность идей масонства духовным основам русской жизни. В различных формах своего художественного и публицистического творчества писатель открыто боролся с этими идеями, отстаивая традиционные для России духовные и нравственные ценности, и потому нет никаких оснований говорить о его принадлежности к масонству.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, масонство, христианство, «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы».

Масонство представляет собой особое явление в европейской культуре. Причины его появления и цели не очевидны, но его роль в истории Европы, несомненно, велика. В России масонство появилось во времена Петра I, и в разное время к нему принадлежали видные политики, деятели науки и искусства. В 1822 г. Александр I запретил деятельность любых тайных обществ на всей территории Российской империи. Сменивший его Николай I повторил и усилил этот запрет, после чего русское масонство окончательно перешло на нелегальное положение. Ситуация изменилась лишь после 1905 г., когда Николай II издал Указ «Об укреплении начал веротерпимости», изменивший правовое положение различных религиозных объединений. В Советском государстве тема масонства вновь оказалась под запретом и вместе с русской эмиграцией переместилась за рубеж. Новая волна интереса к масонству в России поднялась в конце 1980-х гг. и продолжалась более двух десятилетий. Российским исследователям стали известны работы Н. А. Бердяева («Русская идея». Гл. 1.2, 1946), И. А. Ильина («Правда о масонстве», 1947), Н. Н. Берберовой («Люди и ложки», 1986), Л. П. Замойского («За фасадом масонского храма: Взгляд на проблему», 1990), М. Морамарко («Масонство в прошлом и настоящем», 1990), В. М. Острецова («Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки», 1998), Б. Башилова («История русского масонства», 2004) и других авторов.

В 1996 г. впервые было высказано предположение о принадлежности Достоевского к масонской организации. Оно содержалось в статье с характерным названием «Фантазия на тему биографии Достоевского» [8], принадлежавшей перу Т. А. Касаткиной. Убедительных доказательств этой «фантазии» с тех пор предоставлено не было, и она так бы и могла

остаться литературоведческим курьезом, если бы в последнее время не появились работы, воскрешающие ее к новой жизни. Так, Н. Н. Подосокорский, прямо ссылаясь на Касаткину, предполагает, что если в XIX в. среди интеллигенции было много масонов и некоторые из них находились в окружении Достоевского, то и он сам мог быть масоном [13]. Серьезность (не говоря уже о научности) этой мысли вызывает сомнения, так как доказать причастность какого-либо человека к масонской организации можно только на основании протокола ложи, где проходила инициация. Ни показания других людей, ни личное заявление не играют в этой ситуации никакой роли, поскольку масонская этика не простирается за пределы ложи, и обман «профана» не считается чем-то предосудительным. Другим способом доказать принадлежность человека к масонской организации является тщательный анализ и сопоставление его мировоззрения с масонской идеологией. Но и здесь следует предусмотреть возможность случайного совпадения близких идеологических позиций, а также учесть характер отношения человека к масонству и историю его пребывания в организации – было ли это идеологическим решением, верность которому он сохранил на всю жизнь, или сиюминутным увлечением, актом неосторожного любопытства¹.

Вероятно, знакомство с масонской тематикой состоялось у Достоевского еще в юности, когда он читал множество произведений русской и европейской литературы, в некоторых из которых упоминалось о масонстве. Своего рода «практическое» знакомство могло состояться в годы учебы в Инженерном училище (1838–1843), где, как утверждает Ю. И. Селезнев, «существовало множество различных объединений его питомцев по интересам, не предусмотренных уставом» [18, с. 37], а некоторые из учащихся, по словам воспитателя Инженерного училища А. И. Савельева, объединялись в тайные «общества» – «род масонства, имевшего в себе силу клятвы и присяги»...» [17, с. 164]. Вполне вероятно, что масонская тема поднималась и на «пятницах» у М. В. Петрашевского, которые Достоевский начал посещать с 1846 г. По некоторым сведениям, и сам Петрашевский принадлежал к братству «вольных каменщиков» [2].

В XIX в. масонство было закрытой от посторонних глаз тайной организацией, настоящие цели и задачи которой были известны только ее членам. О масонах знали лишь то, что они живут какой-то своей особой, отличной от других людей жизнью. Это порождало много слухов и давало основание подозревать в масонстве любого не похожего на других человека. А. С. Пушкин спародировал эту ситуацию в «Евгении Онегине» словами соседей, оскорбленных пренебрежением главного героя принятыми нормами приличия: «Он фармазон²; он пьет одно / Стаканом красное вино...» [7, т. 4, с. 38]. В таком же, не онтологическом, а иронично-нарицательном смысле о масонстве упоминается и в раннем творчестве Достоевского. В повести «Дядюшкин сон» (1859) Мозгляков обращается к главному герою: «Да уж не в масонскую ли ложу вы хотите поступить, любезнейший дядюшка? <...> – Ну да, мой друг, ты не ошибся, – неожиданно отвечал дядюшка. – Я, действительно, в старину к одной масонской ложе за границей при-над-лежал и даже имел, в свою очередь, очень много великодушных идей...» [5, т. 2, с. 375]. В романе «Униженные и оскорбленные» (1861) героиня говорит о князе Валковском: «Хитрый человек! Масон!» [5, т. 3, с. 217].

Однако со временем отношение Достоевского к масонству стало более серьезным и вдумчивым. Писатель понял, что за внешними атрибутами масонства и декларацией им добрых дел, творимых в тайне, скрывается нечто большее. Возможно, свою роль сыграла и журнальная публикация романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (1869), пробившая лед молчания вокруг масонской темы в русской литературе. Несомненно, что о масонстве так или иначе время от времени говорилось и в общественных кругах, что давало обильную пищу для размышлений.

¹ История русской литературы знает примеры обоего рода. Так, А. С. Пушкин вступил в ложу «Овидий-2» во время пребывания в Кишиневе. Дневник поэта хранит характерную запись: «4 мая был я принят в масоны» [15, т. 7, с. 304]. Возникает впечатление, что поэт не сам *вступил*, а *был принят* в масоны. И это действительно так. Пушкин, как и многие его современники, знал о масонстве и ему было любопытно познакомиться с ним поближе. Однако он быстро понял суть этой организации и отошел от нее, чем вызвал недоумение некоторых «вольных каменщиков». Так, С. А. Соболевский однажды «изъявил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу» [19, с. 11]. Пример другого рода – М. А. Осоргин, вступивший в масонство в 1914 г., сделавший в нем блестящую карьеру и сохранивший верность масонским идеалам до конца своих дней.

² Фармазон – разговорно-просторечный вариант словосочетания *franc-maçon* (франк-масон) – вольный каменщик (*франц.*).

В 1875 г. Достоевский опубликовал в «Отечественных записках» роман «Подросток», подготовительные материалы к которому содержат ряд упоминаний о масонстве: «Идея Версилова. Управлять человечеством. Лучший человек не может не быть в уединении. <...> Исправлять себя. “Вы в заговоре?” – “Это не заговор. Масонство. Потом объясню...”»; «Всё хорошо, вся жизнь хороша, слиться со вселенной. <...> – (Вы масон? Вы в заговоре?) – <...> Был, мой милый. Есть ли русский, который бы не был в свое время в заговоре?»; «у меня явятся и масоны, и декабристы...» [5, т. 16, с. 366–367, 411, 415] и т. д. В окончательном тексте романа Версиров излагает князю Сереже свои мысли о назначении дворянства: «Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты». И слышит в ответ: «Это вы какую-то масонскую ложу проектируете, а не дворянство» [5, т. 13, с. 178].

Чуть позже Достоевский запишет в дневнике: «Чудо, тайна. Масоны», и затем: «Где примирение. Было в вере, но вера утрачена, в чем же, где этот муравейник? Не у масонов ли? Право, мне мерещилось всегда, что у них какая-то тайна, *адво* (курсив наш. – О. С.) разумение, тайна муравья. Но такая тайна равносильна обращению человека в муравья, коли дан разум» [5, т. 24, с. 159, 162]. Вероятно, эта запись является откликом на острый политический кризис в Европе середины 1870-х гг. В контексте своего понимания русской идеи писатель ищет ответ на вопрос о путях единения человечества. Первый путь – вера. Если разные люди одинаково верят в одно и то же, они становятся духовно близки; а если они верят в одного и того же Отца, то они становятся братьями. Но «в Европе «Христа потеряли, – утверждает Достоевский, – и оттого Запад падает, единственно оттого. Идеал переменялся, и – как это ясно!» [5, т. 29, кн. 1, с. 214–215]. В настоящее время, уверен писатель, христианства в Европе уже нет, но всё же она «сделала много христианского... Еще бы, не сейчас же там умерло христианство, умирало долго, оставило следы. Да там и теперь есть христиане, но зато страшно много извращенного понимания христианства» [5, т. 27, с. 57]. Другой путь – объединение людей для решения сугубо материальных (политических, экономических, социальных и пр.) проблем, отказ от стяжания Царства Небесного.

В различных художественных формах писатель осмыслял эти пути на протяжении всего своего творчества. Итогом этой работы стал роман «Братья Карамазовы» (1880), упоминание масонства в котором имеет явно идеологический характер. В начале романа Иван Карамазов рассказывает брату Алексею свою «поэму» о Великом инквизиторе и замечает: «Кто знает, может быть этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество, существует и теперь в виде целого сонма многих таких единых стариков и не случайно вообще, а существует как согласие, как тайный союз, давно уже устроенный для хранения тайны, для хранения ее от несчастных и малосильных людей, с тем, чтобы сделать их счастливыми. Это непременно есть, да и должно так быть. Мне мерещится, что даже у масонов есть что-нибудь в роде этой же тайны в основе их, и что потому католики так и ненавидят масонов, что видят в них конкурентов, раздробление единства идеи, тогда как должно быть едино стадо и один пастырь...» [5, т. 14, с. 239]. Здесь также упоминаются два пути, но они ведут к одной и той же цели – мировому господству. Их единственное различие состоит в том, что если католицизм открыто претендует на духовное и политическое мировое господство, то масоны прикрывают эту цель философско-мистическим туманом.

Примечательна реакция Алексея: «Ты может быть сам масон! <...> Ты не веришь в Бога, – прибавил он, но уже с чрезвычайно скорбью. Ему показалось к тому же, что брат смотрит на него с насмешкой» [5, т. 14, с. 239]. Словами Алексея писатель раскрывает сущность масонства – отвергая Бога, оно стремится занять его место. Достоевский усиливает этот богоборческий мотив словами Великого инквизитора³, обращенными к тому, кого он принял за Христа: «Мы не с тобой, а с *ним*⁴, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с *ним*, уже восемь веков» [5, т. 14, с. 234]. В. Е. Ветловская замечает по этому поводу: «Отрицая Христа и указывая на дьявола, как на своего истинного наставника, Великий Инквизитор не слишком далеко ушел от некоторых сокровенных тайн масонов» [4, с. 98]. Алексей понимает, что его брат находится

³ Обратим внимание на само «имя» – Великий инквизитор. По словам С. П. Карпачева, титул «Великий Инквизитор» соответствует 32-й (предпоследней) ступени в иерархии масонства шотландской системы [7, с. 314–315].

⁴ Курсив и иные формы выделения текста в цитатах всегда, кроме особо оговоренных случаев, принадлежат их авторам.

на стороне Великого инквизитора (а следовательно, и его господина): «И ты вместе с ним, и ты? – горестно воскликнул Алеша. Иван засмеялся» [5, т. 14, с. 239]. Об этом догадывается и старший брат Дмитрий: «У Ивана Бога нет. У него идея. Не в моих размерах. Но он молчит. Я думаю, он масон. Я его спрашивал – молчит» [5, т. 15, с. 32].

Таким образом, в «Братьях Карамазовых» масонство выступает как идеологическая антитеза христианству. Здесь уместно вспомнить, что христианское богословие нередко называет дьявола «обезьяной» Бога – в том смысле, что он «обезьянничает» – пытается подражать Богу, не имея ни Его природы, ни Его свойств. Масоны так же использовали в своей деятельности отдельные идеи, термины и символы христианства и некоторых других религий, наполняя их своим особым смыслом. Отношение масонства к христианству хорошо показывают слова И. Гёте, вступившего в ложу «Амалия» в Веймаре в 1780 г.: «Только четыре предмета мне гаже змеи ядовитой: дым табачный, клопы, запах чесночный и крест». По словам Л. Замойского, «крест ему был столь антипатичен, что он не захотел даже назвать его, ограничившись графическим символом» [6, с. 97].

Творчество Достоевского содержит и непрямые отсылы к масонской проблематике. Так, в романе «Бесы» (1873) описывается момент передачи при рукопожатии особого опознавательного знака, принятого в тайной организации: Эркель «схватил сам его за руку и – Шатов вздрогнул, как бы прикоснувшись к какому-то страшному гаду. <...> Слушайте <...>, вы сейчас мне сделали знак рукой, когда схватили мою руку. Но знайте, я могу наплевать на все эти знаки!» [5, т. 10, с. 437]. Известно, что для сохранения своих тайн масоны «ввели секретные ритуалы, пароли, особые знаки опознания, по которым удостоверяться принадлежность к братству» [6, с. 4]. М. И. Пыляев пишет об этом: «...шотландскому ученику⁵ сообщался пароль или слово, по которому он узнавал брата-масона; помимо этого объяснялось также ему, как делать рукопожатие и другие знаки при встречах с братьями-масонами» [16].

Нечто подобное мы встречаем и в «Преступлении и наказании» (1866). Во время первой встречи с Раскольниковым следователь напомнил об его статье, в которой излагался особый взгляд на природу человека: все люди делятся на «обыкновенных», служащих только для воспроизведения себе подобных, и «необыкновенных», которые имеют «дар, талант сказать в среде своей *новое слово*», а потому должны «разрешить своей совести перешагнуть через иные препятствия», в том числе и через кровь. При этом «и те, и другие имеют совершенно одинаковое право существовать» [5, т. 6, с. 199, 200, 201]. По словам Раскольникова, в подобных идеях «нет ничего особенно нового. Это тысячу раз было напечатано и прочитано», и, возможно, поэтому Порфирий Петрович прочел его статью «как знакомую» [5, т. 6, с. 200, 345]. Заметим, что близкие по духу идеи высказывались и на собраниях петрашевского общества. Выступая на одном из них, Д. Д. Ахшарумов так определил статус и задачи «необыкновенных» людей, к которым он причислял себя и слушателей: «Мы должны гордиться тем, что природа нас выбрала для развития своих возвышенных целей в человеческом роде. Нас окружают сотни миллионов людей, которые оглушены бреднями и не знают, что ожидает их новая жизнь и что они должны приготовиться к принятию ее. Наше дело – высказать им всю ложь, жалость их положения и образовать их и возвестить им новую жизнь» [1, с. 210].

Следователь подозревает Раскольникова в убийстве ростовщицы, но для правильной квалификации преступления ему необходимо выяснить мотив преступника: или убийство совершено из корыстных побуждений, или по идеологическим причинам⁶. Поэтому он хочет определить принадлежность Раскольникова к братству «вольных каменщиков». Сделать это в присутствии посторонних (Разумихина и Заметова) было невозможно, и он прибегает к известным ему масонским опознавательным знакам.

Достоевский описывает, как сначала Порфирий (используя комичное поведение Разумихина) немотивированно долго удерживает руку Раскольникова при их первом знакомстве [5, т. 6, с. 191]. Вероятно, за это время он передал подозреваемому какой-то «знак», но не дождался ответной реакции. Тогда Порфирий Петрович посмотрел на Раскольникова «прищурившись и как бы ему подмигнув <...>, черт знает, для чего» [5, т. 6, с. 193], но опять не полу-

⁵ Низший статус в системе шотландского масонства.

⁶ В тексте романа Достоевский дает ответ на этот вопрос. Он заключается в отказе Раскольникова нести «свой кирпичик на всеобщее счастье» в то время, как его мать будет умирать от голода [5, т. 6, с. 211]. По словам С. В. Белова, это выражение восходит к масонской терминологии и принадлежит В. Консидерану, с идеями которого Достоевский был хорошо знаком [3, с. 162–163].

чил ответа. Для того чтобы принять окончательное решение, он вынужден обратиться к источнику своих подозрений – статье, написанной преступником. Он задает ему ряд уточняющих вопросов, и Раскольников вдруг заявляет: «Одним словом, у меня все равносильное право имеют, и – *vive la guerre eternelle*, – до Нового Иерусалима, разумеется!» [5, т. 6, с. 201]. По поводу этих слов Д. Д. Ахшарумов писал: «Насчет того, что собственно Раскольников разумеет под Новым Иерусалимом, сомнения нет. Это тот новый порядок жизни, к которому клонятся все стремления социалистов⁷, порядок, в котором “всеобщее счастье” может осуществиться, и Раскольников готов верить в возможность такого порядка, по крайней мере он не оспаривает его возможности» [9, с. 57].

Это совершенно масонская мысль – поскольку природа будет вечно производить «обыкновенных» и «необыкновенных» людей, то между ними будет «вечная война», которая закончится только тогда, когда «братья» воплотят в жизнь замысел Великого Архитектора вселенной и построят общество «всеобщего счастья». Это и имеет в виду Порфирий Петрович, когда спрашивает Раскольникова: «Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?» [5, т. 6, с. 201]. Однако тот понимает вопрос следователя как желание узнать об его религиозных убеждениях и отвечает так, как его учили отвечать на уроках Закона Божьего – первым словом христианского Символа Веры: «*Верую* (курсив наш. – *О. С.*) во единого Бога Отца Вседержителя...». Порфирий Петрович догадывается, что Раскольников, скорее всего, не имеет к масонам отношения, но даже такому многоопытному человеку, как он, трудно понять, как могут в одном человеке уживаться христианская вера и антропофагская «теория», поэтому он продолжает: «И-и-и (ему явно хочется спросить о чем-то другом. – *О. С.*) в Бога веруете? <...> И-и в воскресение Лазаря веруете? <...> Буквально веруете?» [5, т. 6, с. 201].

Вопрос о вере в Бога – главный вопрос для определения типа фидеического сознания человека, но если для христианина Бог – разумная, свободная личность, то для масона – абстрактная имперсональная идея. Вот что писал по этому поводу П.-Ж. Прудон: «Вся метафизика масонством выброшена за борт. Масонский бог является олицетворением вселенского равновесия. Бог – это Архитектор, он держит циркуль, уровень, угольник, молоток, все инструменты труда и меры. В области нравственности порядок такого бога – справедливость» [12, с. 272]. Наконец, следователь окончательно убеждается, что перед ним не масон, но все же он решает поставить последнюю точку: «И он как-то вдруг опять подмигнул ему левым глазом и рассмеялся неслышно, – точь-в-точь как давеча» [5, т. 6, с. 204]. Раскольников не ответил и в этот раз.

Достоевский не сообщает, где и когда Порфирий Петрович мог познакомиться с масонскими «тайнами», но очевидно, что на момент действия романа он не мог быть масоном, так как в то время деятельность любых тайных обществ была строго запрещена рескриптом Николая I от 4 мая 1826 года ее⁸. Более того, все государственные служащие были обязаны предоставлять собственноручно написанный документ, в котором сообщали о своей принадлежности к какому-либо тайному обществу или отрицали ее. Поскольку такая причастность могла обнаружиться и сторонним образом, то невозможно предположить, чтобы столичный пристав следственных дел стал бы рисковать своей карьерой ради абстрактных идеалов «вольных каменщиков». Вероятно, он познакомился с масонством в годы ранней молодости, но, поняв его сущность, перешел на «другую сторону» и, расследуя преступление Раскольникова, действовал сугубо как представитель государственной власти.

Следователь правильно понял, что Раскольников хотел счастья для всех людей⁹, однако ошибся в средствах его достижения, поддавшись, по словам Достоевского, «некоторым странным “недоконченным” идеям» [5, т. 28, кн. 2, с. 136], наполнявшим духовную атмосферу Петербурга середины 1860-х гг. Сам Порфирий этими идеями переболел в прошлом и теперь сочувствует Раскольникову: «Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких,

⁷ В XIX в. социализм был своего рода легальной «оболочкой» многих тайных обществ и в Европе, и в России.

⁸ Однако, по замечанию Е. Л. Кузьмишина, этот запрет «не помешал российским масонам, которые еще задолго до этого, в 1818–1820 гг., вышли из своих лож основать ряд тайных обществ, во многом напоминавших масонские по своим структуре, методам работы и социальным идеалам» [11, с. 326].

⁹ Вспомним слова Раскольникова, сказанные сестре при их последней встрече: «Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел... О, если б я был один и никто не любил меня, и сам бы я никого никогда не любил! *Не было бы всего этого!*» [5, т. 6, с. 400–401].

которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только веру иль бога найдет. Ну, и найдите, и будете жить» [5, т. 6, с. 351]. И, насколько может, смягчает ответственность преступника.

Подводя итоги, можно утверждать, что Достоевский знал о масонстве и говорил о нем в своем творчестве. Во многих романах писателя 1866–1880 гг. есть персонажи, одержимые идеями превосходства одних людей над другими, жадной власти и непомерной гордыней. Они страдают сами, причиняют страдания окружающим и в конце концов совершают преступление богоустановленных, а затем и человеческих законов. Будучи православным христианином, Достоевский понимал антихристианскую сущность масонской идеологии и боролся с ними силой художественного слова, а потому любые попытки причислить его к масонскому сообществу не могут иметь никаких оснований.

Список литературы

1. Ахшарумов Д. Д. Петрашевы об атеизме, религии и церкви. М. : Мысль, 1986. 269 с.
2. Башилов Б. П. Масонство и русская интеллигенция. URL: <https://litmir.club/br/?b=53414&p=27> (дата обращения: 20.08.2024).
3. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» : коммент. Кн. для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Просвещение, 1984. 240 с.
4. Ветловская В. Е. Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. «Строительная жертва» // Миф-фольклор-литература. Л. : Наука, 1978. С. 81–113.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
6. Замойский Л. П. За фасадом масонского храма: Взгляд на проблему. М. : Политиздат, 1990. 288 с.
7. Карпачев С. П. Тайны масонских орденов. Ритуалы «вольных каменщиков». М. : Яуза-пресс, 2007. 352 с.
8. Касаткина Т. А. Фантазия на тему биографии Достоевского // Достоевский и современность : материалы X Международных старорусских чтений, 1996. С. 57–65.
9. Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М. : Сов. писатель, 1970. 448 с.
10. Комарович В. «Мировая гармония» Достоевского. «Атеней», 1924. Кн. 1–2. С. 112–142. 192 с.
11. Кузьмишин Е. Л. Масонство / предисл. А. И. Серкова. М. : Ганга, 2016. 496 с.
12. Моромарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М. : Прогресс, 1990. 304 с.
13. Острцов В. М. Масонство, культура и русская история : историко-критические очерки. М. : Штрихтон, 1998. 720 с.
14. Подосокорский Н. Н. Масонский след в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского в связи с богословием писателя // Богословие Достоевского / отв. ред. Т. А. Касаткина. М. : ИМЛИ РАН, 2021. С. 305–316.
15. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 7. М. : Худ. лит., 1962. 463 с.
16. Пыляев М. И. Старая Москва. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Старая_Москва_\(Пыляев\)#Глава_IV](https://ru.wikisource.org/wiki/Старая_Москва_(Пыляев)#Глава_IV) (дата обращения: 20.08.2024).
17. Савельев А. И. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1990. С. 163–171.
18. Селезнев Ю. И. Достоевский. Изд. 2-е. М. : Мол. Гвардия, 1985. 543 с.
19. Соболевский С. А. Из статьи «Таинственные приметы в жизни Пушкина» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2. М. : Худ. лит., 1985. С. 10–13.

The theme of Masonry in the works of F. M. Dostoevsky

Syromyatnikov Oleg Ivanovich

Doctor of Philology, professor of the Department of Russian Literature, Perm State National Research University. Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-4826-3857. E-mail: pani_perm@list.ru

Abstract. The article explores the connection between F. M. Dostoevsky's work and Masonry. Russian literature is characterized by its relentless interest in the personality and work of the great Russian writer, as well as the fact that the problem of the influence of Masonry on Russian history and culture is constantly being raised in scientific and social thought. Special attention to it arose in the late 1980s, after which both thorough works and various kinds of guesses appeared for a quarter of a century. At the same time, it was suggested that Dostoevsky was involved in Masonry. Despite the fact that since then no convincing evidence has been provided for this hypothesis, it has suddenly found a second life in our days. This determined the purpose of this work – to confirm or refute the assumption of Dostoevsky's involvement in Masonry.

Despite the official ban, the activities of various secret societies, among which Freemasons occupied a prominent place, formed a characteristic feature of the social life of St. Petersburg in the second half of the 19th century. Dostoevsky knew about her both from open sources and from forbidden literature, which he had

become acquainted with in his youth among the Moscow intelligentsia. He was an Orthodox man who sincerely and deeply loved his Fatherland, and he quickly realized the hostility of the ideas of Masonry to the spiritual foundations of Russian life. In various forms of his artistic and journalistic work, the writer openly fought against these ideas, defending traditional spiritual and moral values for Russia, and therefore there is no reason to talk about his belonging to Masonry.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Masonry, Christianity, "Crime and Punishment", "The Brothers Karamazov".

References

1. Ahsharumov D. D. *Petrashevtsy ob ateizme, religii i cerkvi* [Petrashevites on atheism, religion and the church]. M. Mysl (Thought), 1986. 269 p.
2. Bashilov B. P. *Masonstvo i russkaya intelligentsiya* [Masonry and the Russian intelligentsia]. Available at: <https://litmir.club/br/?b=53414&p=27> (date accessed: 20.08.2024).
3. Belov S. V. Roman F. M. *Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" : komment. Kn. dlya uchitelya. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" : commentary. Book for teachers. 2nd ed., corr. and add.] M. Prosveshchenie (Enlightenment), 1984. 240 p.
4. Vetlovskaya V. E. *Tvorchestvo Dostoevskogo v svete literaturnykh i fol'klornykh paralelej. "Stroitel'naya zhertva"* [Dostoevsky's creative work in the light of literary and folklore parallels. "Construction sacrifice"] // *Mif-fol'klor-literatura – Myth-folklore-literature*. L. Nauka (Science), 1978. Pp. 81–113.
5. *Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Complete collection of works : in 30 vols. Vol. L. Nauka (Science), 1972–1990.
6. Zamojskij L. P. *Za fasadom masonskogo hrama: Vzglyad na problemu* [Behind the facade of the Masonic temple: A look at the problem]. M. Politizdat, 1990. 288 p.
7. Karpachev S. P. *Tajny masonskih ordenov. Ritualy "vol'nykh kamenshchikov"* [Secrets of Masonic orders. Rituals of the "freemasons"]. M. Yauza Press, 2007. 352 p.
8. Kasatkina T. A. *Fantaziya na temu biografii Dostoevskogo* [Fantasy on the subject of Dostoevsky's biography] // *Dostoevskij i sovremennost' : materialy X Mezhdunarodnykh starorussskikh chtenij – Dostoevsky and Modernity : materials of the X International Old Russian Readings*, 1996. Pp. 57–65.
9. Kirpotin V. Ya. *Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskol'nikova* [Disappointment and the downfall of Rodion Raskolnikov]. M. Soviet Writer, 1970. 448 p.
10. Komarovich V. *"Mirovaya garmoniya" Dostoevskogo. "Atenej", 1924. Kn. 1–2* [Dostoevsky's "World Harmony". "Athenaeum", 1924. Books 1–2]. Pp. 112–142. 192 p.
11. Kuz'mishin E. L. *Masonstvo* [Masonry] / preface by A. I. Serkov. M. Ganga, 2016. 496 p.
12. Moromarko M. *Masonstvo v proshlom i nastoyashchem* [Masonry in the past and present]. M. Progress, 1990. 304 p.
13. Ostrecov V. M. *Masonstvo, kul'tura i russkaya istoriya : istoriko-kriticheskie ocherki* [Masonry, culture and Russian history : historical and critical essays]. M. Shtrikhton, 1998. 720 p.
14. Podosokorskij N. N. *Masonskij sled v zhizni i tvorchestve F. M. Dostoevskogo v svyazi s bogoslovиеm pisatelya* [The Masonic trace in the life and work of F. M. Dostoevsky in connection with the theology of the writer] // *Bogoslovie Dostoevskogo – Dostoevsky's Theology* / ed. by T. A. Kasatkin. M. IMLI RAS, 2021. Pp. 305–316.
15. Pushkin A. S. *Sobr. soch. : v 10 t. T. 7* [Collected works : in 10 vols. Vol. 7]. M. Hud. lit. (Fiction), 1962. 463 p.
16. Pylyaev M. I. *Staraya Moskva* [Old Moscow]. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Study_moscow_\(Pylyaev\)#Chapter_XXIV](https://ru.wikisource.org/wiki/Study_moscow_(Pylyaev)#Chapter_XXIV) (date accessed: 20.08.2024).
17. Savel'ev A. I. *Vospominaniya o F. M. Dostoevskom* [Memoirs of F. M. Dostoevsky] // *Dostoevskij F. M. v vospominaniyah sovremennikov : v 2-h t. T. 1 – Dostoevsky F. M. in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 1.* M. Hud. lit. (Fiction), 1990. Pp. 163–171.
18. Seleznev Yu. I. *Dostoevskij. Izd. 2-e* [Dostoevsky. Ed. 2]. M. Mol. Guardia (Young guard), 1985. 543 p.
19. Sobolevskij S. A. *Iz stat'i "Tainstvennyye primety v zhizni Pushkina"* [From the article "Mysterious omens in Pushkin's life"] // *A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov : v 2-h t. T. 2 – A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2.* M. Hud. lit. (Fiction), 1985. Pp. 10–13.

Поступила в редакцию: 17.09.2024

Принята к публикации: 12.12.2024

«Попутный диалог» на железной дороге в русской литературе второй половины XIX в.

Курьянова Валерия Викторовна¹, Климкина Оксана Петровна²

¹кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Россия, г. Симферополь.

ORCID: 0000-0001-7570-1926. ResearcherID: C-4136-2019. E-mail: kuryanova_v@mail.ru

²магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Россия, г. Симферополь.
E-mail: Ksyu.k_2003@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования связана со спецификой общего принципа литературоведческого дискурса как диалога. Целью статьи является анализ элементов структуры художественных произведений в эпизоде попутного диалога и описание своеобразия данного типа события. Предмет исследования – события попутного диалога на материале следующих произведений: «Идиот» Ф. М. Достоевского, «Анна Каренина», «Крейцера соната» Л. Н. Толстого, стихотворение «Железная дорога» Н. А. Некрасова. Методы и подходы исследования: метод структурного анализа, биографический метод, сравнительно-сопоставительный метод. Попутный диалог является важным элементом текста, позволяющим углубить и усложнить движение сюжета, раскрыть внутренний мир персонажей, отношения и идеологические отличия. На примере конкретных произведений анализируются эпизоды попутных диалогов, выявляется их роль, функции, влияние на сюжет и на характеры персонажей. А также описывается связь попутного диалога с железнодорожным пространством, как влияет образ железной дороги на сознание и поступки героев. Исследование попутного диалога в русской литературе позволяет сделать вывод о том, что этот тип события имеет высокую художественную ценность и является неотъемлемым компонентом литературного произведения. В такой форме общения внимание уделено не только вербальной коммуникации героев, но и подтексту диалога, контексту, невербальным сигналам и другим аспектам, которые помогают понять, как диалог влияет на повествование и восприятие произведения в целом. Установлено, что на формирование и на развитие попутного диалога в литературе оказало строительство железных дорог в России XIX в. Железная дорога в русской литературе выступает как символическое явление, которое помогает передать концепции, идеи и эмоции персонажей, отразить изменения в обществе и взаимоотношениях между людьми.

Ключевые слова: попутный диалог, событие, деталь, железная дорога, Н. Некрасов, Ф. Достоевский, Л. Толстой.

В современной филологии актуальность изучения диалога не утратила своей значимости. Этот элемент является ключевым в формировании литературного произведения. Изучение диалогичности имеет особую важность, о которой в своей работе отмечал М. М. Бахтин: «Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, научной, художественной и др.), пронизана диалогическими отношениями» [3, с. 205]. В произведениях диалог – это особенность, органически присущая художественному мышлению автора, пронизывающая на всех уровнях его структуру. В исследовании будет рассматриваться особая форма диалога – *попутный диалог*, название данного термина используется метафорически, как определенный тип события сюжета и композиции художественного произведения, а именно: встреча персонажей по пути следования. В литературе попутный диалог является уникальным способом передачи смысла событий, происходящих на маршруте героев, отражает внутренний мир персонажей, их мысли, эмоции и взаимоотношения.

Материалом исследования послужили такие произведения, как стихотворение «Железная дорога» Н. А. Некрасова, роман «Идиот» Ф. М. Достоевского, «Анна Каренина», «Крейцера соната» Л. Н. Толстого. Тема исследования актуальна, поскольку позволяет глубже понять важность и роль события попутного диалога в художественных произведениях, а диалогичность является определяющим компонентом литературоведческого дискурса. Цель статьи – анализ элементов структуры художественных произведений в эпизоде попутного диалога и описание своеобразия данного типа события.

Строительство железных дорог в России было масштабным и важным явлением, повлиявшим на дальнейшее развитие страны. Процесс строительства начался в середине XIX в. и продолжался на протяжении длительного времени. На строительстве использовался дешевый труд ты-

сяч людей низших сословий с минимальными условиями производственной безопасности. Но первая железнодорожная линия, связавшая Царское Село с Санкт-Петербургом, все же была открыта в 1837 г., а в дальнейшем, особенно после Крымской войны (показавшей значительное преимущество союзников в инфраструктуре), строительство железных дорог только нарастало. «В России осмысление железных дорог обременялось рядом факторов: идеей смены «золотого века» железным и наполнением античной мифологемы «железный век» новым смыслом, спорами западников и славянофилов о судьбе России, подготовкой, осуществлением и последствиями Великой реформы 1861 г.» [1, с. 182], – убедительно делает вывод М. С. Акимова.

С тех пор тема железной дороги и вагонных разговоров начала развиваться во многих произведениях русской литературы. Железная дорога оказала большое влияние на дальнейшее развитие сюжета в произведениях, а также имела знаковое значение: «Символически дорога становится причиной духовного изменения человека, его нравственной трансформации, она ведет не только от одной точки пространства к другой, но и от одного состояния к другому и сама является символом перехода» [8]. В литературе попутчики оставались не просто случайными знакомыми, с которыми можно было провести время в поезде, а важными лицами, влияющими на дальнейшую жизнь и восприятие мира. В вагоне поезда герои часто вступали в диалог, который становился ключевым событием в произведении и двигал сюжет. В неопубликованном при жизни писателя рассказе «В поезде» (1904) Л. Андреев размышляет об ощущениях пассажиров: «Для людей в вагоне нет настоящего, проклятого настоящего, что в тисках держит мысль и в движении руки – быть может, оттого люди в вагоне и становятся философами» [2, с. 241].

Открыл трагическое отношение к образу железной дороги в русской литературе Н. А. Некрасов стихотворением «Железная дорога», объясняющим причины, по которым поезд ассоциируется с трагедией, а именно описание истории строительства железных дорог.

В а н я (*в кучерском армячке*).

Папаша! кто строил эту дорогу?

П а п а ш а (*в пальто на красной подкладке*).

Граф Петр Андреевич Клейнмихель,
душенька!

Разговор в вагоне [7, с. 168].

Внешне обыденный диалог в вагоне поезда в эпилоге к произведению Некрасова раскрывает трагичность судьбы простого народа и неограниченную власть господствующего класса. Даже «папаша» с легкостью обесценивает каторжный труд крестьян, благодаря которым была построена железная дорога, говоря, что ее строителем является «граф Петр Андреевич Клейнмихель». Стихотворение «Железная дорога» демонстрирует тяжелые условия, в которых пребывали рабочие в строительстве железной дороги. По этой причине железнодорожные пути несут в себе разрушающую силу, рельсы, по которым движется поезд, устланы костями русского народа. Смерть всегда идет рядом с поездом и напоминает о страданиях и жертвах. Механическая сила становится символом разрушения не только традиций, но и жизней.

Действие первой главы романа Ф. М. Достоевского «Идиот» происходит в поезде. Атмосфера в вагоне была непринужденной, благодаря чему между попутчиками завязался разговор. Рогожин начал беседу с фразы, которая ни к чему не обязывала: «Зябко?» [4, с. 6]. Мышкин же с чрезмерной готовностью вступил в диалог с новым знакомым и с удовольствием отвечал на его вопросы, несмотря на ироничные и язвительные комментарии Рогожина о состоянии болезни Льва Николаевича: «Денег что, должно быть, даром переплатили» [4, с. 7]. В дальнейшем к разговору присоединяется «дурно одетый» [4, с. 7] Лебедев, беседа становится более динамичной и оживленной, включаются элементы конфликта.

Попутный диалог между Мышкиным и Рогожиным носит исповедальный характер, персонажи делятся своими переживаниями, эмоциями и мыслями. Рогожин откровенно и подробно рассказывает о своей семье, материальном положении и, главное, о своих чувствах и отношении к «первейшей красавице» [4, с. 12] Настасье Филипповне. Неожиданная встреча героев в поезде окажется решающей для их дальнейших судеб, их связь будет развиваться даже в отсутствие физического присутствия друг друга, осуществляя важный внутренний контакт и диалог между двумя персонажами. Не случайно, в финале первой главы произведения Рогожин говорит Мышкину: «Князь, неизвестно мне, за что я тебя полюбил...» [4, с. 14].

Особенный пространственно-временной контекст железнодорожного вагона обладает своими уникальными характеристиками и символикой. В произведении можно четко проследить

особенности хронотопа. Произведение начинается с осеннего пейзажа, событие происходит в ноябре, указано точное время – 9 часов утра. Упомянуты климатические особенности – оттепель. «Было так сыро и туманно, что насилу рассвело» [4, с. 5], отмечается плохая видимость и дается общая картина пассажиров на вокзале: «Все, как водится, устали, у всех отяжелели за ночь глаза, все назяблись, все лица были бледно-желтые, под цвет тумана» [4, с. 5]. Утро это – символ пробуждения, освобождения от бремени вчерашнего, прошлого. Оно может предвещать перемену, переход к новому этапу жизни или новым возможностям. Знакомство двух героев предвещает для них важные жизненные изменения. Автор акцентирует внимание, что герои-пассажиры едут в вагоне третьего класса – это вагоны для самых бедных людей, имеющих низкий социальный статус. В эпизоде попутного диалога представлено несколько пространств: вагон поезда и вокзал. Вокзал – это место, где сходятся разные судьбы, где люди встречаются и расстаются, где чувствуется напряжение ожидания и неопределенности. Пространство в вагоне закрытое, в котором чувствуется неуютность, ограниченность. Закрытое пространство создает ощущение тесноты и давления, словно каждый пассажир находится в своем собственном мире, отделенном от остальных. При описании вокзала и вагона автор использует такие лексемы, как «зябко», «озябшие», «сыро», «сырые», «туманно», «мокро». Ощущения способствуют развитию диалога, чтобы хоть немного отвлечь персонажей от физически неприятной обстановки в вагоне и позволить им сосредоточиться на разговоре и межличностных отношениях.

Железная дорога и сам вагон поезда являются не просто фоном, на котором происходят события, а важным образом, влияющим на развитие сюжета, передающим определенную атмосферу. Атмосфера закрытости и ограниченности способствует выявлению их внутренних состояний. Поезд в романе является не только средством передвижения героев, но также символизирует их внутренние состояния и противоречия.

В ходе развития сюжета железная дорога становится и губительным средством, значение железной дороги меняется, она становится жестокой механической силой, символом Апокалипсиса. Чиновник Лебедев приходит к выводу, что железные дороги прокляты: «Я слышал, что Лебедев признает эту “звезду Полюнь” сетью железных дорог, распространившихся по Европе» [4, с. 342], «выходит по-вашему, что железные дороги прокляты, что они гибель человечеству, что они язва, упавшая на землю, чтобы замутить “источники жизни”?» [4, с. 343]. Лебедев считает, что железные дороги хоть и являются проявлением технического прогресса и движения к новым возможностям, в то же время несут в себе разрушительный потенциал, который оказывается губительным для человечества, дороги выражают нравственный крах в век «науки, промышленности, ассоциаций, платы заработной и прочего» [4, с. 343]. Они становятся символом того, как прогресс и современность могут привести к утрате духовных ценностей.

В романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» важнейшие события, повлиявшие на развитие сюжета, происходят на железнодорожных станциях. Два ключевых разговора между Анной и Вронским происходят именно в такой обстановке.

Вронский приезжает на Николаевский железнодорожный вокзал для того чтобы встретить мать, и видит Стиву Облонского, который, в свою очередь, встречает сестру. Вронский сразу обратил внимание на даму, выходящую из вагона, и с интересом рассмотрел ее, он «почувствовал необходимость еще раз взглянуть на нее <...> потому, что в выражении миловидного лица, когда она прошла мимо его, было что-то особенно ласковое и нежное» [10, с. 66]. Вронский на Анну также произвел впечатление, он заметил «сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой» [10, с. 66]. Вероятно, Анна узнала Вронского, так как всю поездку мать Алексея говорила именно о нем. Первая встреча в вагоне поезда стала отправной точкой в их отношениях. Также важнейшим моментом станет смерть сторожа на железнодорожных рельсах, по словам Анны, является «дурным предзнаменованием» [10, с. 70], сама того не понимая, но героиня предсказывает свою гибель под колесами поезда. Неслучайно, следующей фразой Анны является упоминание Вронского, следовательно, причины трагедии будут связаны именно с этим человеком.

Второй ключевой разговор происходит между героями на перроне станции Бологое между Москвой и Петербургом. Состояние Анны было беспокойным и тревожным, «пальцы на руках и ногах нервно движутся, что в груди что-то давит дыхание и что все образы и звуки в этом колеблющемся полумраке с необычайной яркостью поражают ее» [10, с. 107]. Нахождение в пространстве вагона поезда сопровождало Анну разным спектром эмоций, то у нее усиливалось чувство стыда, то вдруг «чуть вслух не засмеялась от радости» [10, с. 107]. Время в вагоне словно перестает существовать, ее привычный мир начинает рушиться.

Погода за окном также является для Анны символом изменений и сменой ориентиров. Метель не пугает Анну, она не чувствует опасность или холод, ей наоборот становится жарко. «Метель и ветер рванулись ей навстречу» [10, с. 108], – это не испугало Анну, свежий зимний вечер дал ей сил, и героине «показалось весело» [10, с. 108]. Метель в данном эпизоде становится символом перемен, разрушением привычных устоев жизни Анны. Метель сменяется бурей, которая «рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции» [10, с. 108], более сильным и впечатляющим природным явлением. Именно в этой страшной и мрачной буре Анна узнает Вронского. К. А. Нагина интерпретирует появление Вронского в этой сцене как мотив обретения жениха, в описании бури на первый план выходит inferнальное начало [6, с. 17]. Уже вторая поездка Анны в поезде связана с Вронским, несмотря на его физическое отсутствие в вагоне.

Сцена признания в любви насыщена множеством различных звуков. Прежде всего, это звуки природы: свистела и налетала буря, «ветер <...> радостно засвистал» [10, с. 108], которые несут в себе особую смысловую нагрузку. Помимо природных звуков здесь слышатся звуки железнодорожной станции, исследовательница Б. Леннkvист замечает, что сцена происходит «под музыку металла» [5, с. 13]. На фоне диалога персонажей слышно множество других звуков: безостановочно открываются и закрываются двери, бегают люди, «скрипя по доскам платформы», разговаривают пассажиры, слышались «стуки молотка по железу» [10, с. 108–109]. Эта типичная, казалось бы, ситуация в общем контексте романа каждой деталью свидетельствует о последующей трагической судьбе героев.

Мотив железной дороги связан не только с сюжетной линией Анны и Вронского, является сквозным образом, проходящим на протяжении всего романа. Она также связана и с Левиным, его история начинается с прибытия в город на поезде: «Приехав с утренним поездом в Москву» [10, с. 27]. Возвращаясь домой, в вагоне поезда он «разговаривал с соседями о политике, о новых железных дорогах...» [10, с. 98]. Именно в вагоне поезда Левин испытывал смешанные чувства, его «одолевала путаница понятий, недовольство собой, стыд пред чем-то» [10, с. 98]. Атмосфера закрытости и изолированности от мира возвращала Левина к прежним чувствам, которые он ощущал в Москве.

В повести «Крейцера соната» Толстой изображает вагон поезда, в котором беседуют пассажиры, акцентируя внимание на споре попутчиков о браках и разводах. В ходе их полемики заходит речь о том, что же такое настоящая любовь, каким должен быть брак. Ответ на этот вопрос дает «некрасивая и немолодая дама» [11, с. 13], затем в спор вступает Позднышев.

Он изначально противопоставляется другим пассажирам, находится в изоляции не только от попутчиков, но и от всего внешнего мира, «на заговариванья соседей он отвечал коротко и резко и или читал, или, глядя в окно, курил, или, достав провизию из своего старого мешка, пил чай, или закусывал» [11, с. 7–8]. Рассуждения Позднышева об истинной любви пугают попутчиков. Позднышев рассказывает о том, что он является убийцей своей жены, это признание заставляет всех впасть в молчание и покинуть вагон. Единственным собеседником и слушателем трагической истории становится рассказчик. Позднышев с особым рвением вступает в разговор с новым знакомым («он вдруг с решительностью и раздражением обратился ко мне» [11, с. 15]), стремясь поделиться своими мыслями и рассуждениями, искренне надеясь на понимание и поддержку. Дальнейший сюжет повести построен на исповеди главного героя, откровениях его семейной жизни, о событии, оборвавшем привычное состояние. Рассказчик оказывается случайным свидетелем «драмы души» [9, с. 312], в которой пребывает его попутчик. Во время этой речи Позднышев испытывал разные чувства: кричал, «с злобой прошипел» [11, с. 28], испуганно переспрашивал.

Мотив железной дороги в повести является важным элементом, который значительно повлиял на поступки и внутренний мир Позднышева. Возвращение домой в вагоне поезда оказалось для него губительным и стало еще одним шагом к убийству жены. Зайдя только в вагон, Позднышев почувствовал, что его спокойная жизнь закончилась, восьмичасовой переезд предвещает лишь ужасные последствия. Само явление железной дороги тяжело действует на главного героя, он испытывает страх и ужас: «Ох, боюсь я, боюсь я вагонов железной дороги, ужас находит на меня» [11, с. 67]. Железная дорога полностью завладела мыслями и воображением героя, в его голове появлялись картины измены, его состояние стало тревожным и нестабильным, он вскакивал, подходил к окнам, то, шатаясь, начинал ходить, стараясь подогнать вагон. Позднышев «сгорал от негодования, злости» [11, с. 77], представляя картины измены своей жены. Не случайно именно здесь появляется образ дьявола, который «точно против моей воли придумывал и подсказывал мне самые ужасные соображения» [11, с. 77]. Этот

образ дьявола, который внезапно появляется в рассказе Позднышева, символизирует его внутренний конфликт и борьбу с собственными демонами. Он описывает свои мучительные страдания, акцентируя внимание на жалости к себе, ему даже пришла в голову идея лечь под рельсы. В целом атмосфера в вагоне была угнетающая, именно здесь зарождается мысль об убийстве. Поездку Позднышев описал одним словом – сумасшествие. Вагон становится словно отдельным миром, в котором находится Позднышев. Изолированное пространство создает чувство оторванности от внешнего мира. Вагон поезда можно рассматривать как образ внутреннего мира Позднышева, где он борется со своими страхами и внутренними конфликтами.

Герой не в состоянии выйти из временной ловушки, в которой оказался, поезд выступает специфическим посредником между границами прошлого, настоящего и будущего времени. Погода за окном окрашена также негативным тоном, это холод, слякоть, ощущение неуютно, то же состояние испытывает и сам Позднышев. Примечательно, что ужас перед железной дорогой присутствует не только у главного героя. Один из пассажиров вагона – «высокий бритый морщинистый старик» [11, с. 8] – испытывает страх перед технической силой прогресса, как только поезд тронулся, он «начал креститься и читать шепотом молитву» [11, с. 9], несмотря на то, что только что вел оживленную беседу с адвокатом.

В изолированной атмосфере все звуки звучат гораздо громче и насыщеннее, определяют особое отношение. Речь героев, в том числе Позднышева, пронизана эмоциональной силой, которая делает их высказывания особенно яркими и громкими. Герой вскрикивает, кричит, особый акцент сделан на злобной интонации. Также символической деталью являются «странные звуки», которые сопровождали Позднышева на протяжении всего сюжета произведения: «Особенность этого господина состояла еще в том, что он изредка издавал странные звуки, похожие на откашливание или на начатый и оборванный смех» [11, с. 7]; «он замолчал и раза два издал свои странные звуки, которые теперь уже совсем похожи были на сдержанные рыдания» [11, с. 45]. Неслучайно в финале произведения свой монолог Позднышев оканчивает троекратным «У» («... У! у! у... – вскрикнул он несколько раз и затих») [11, с. 77]. Этот звук является результатом глубоких и тяжелых размышлений Позднышева, тех двойственных чувств, которые он испытывает на протяжении длительного времени.

Диалог, происходящий между героями, обладает особыми характеристиками, это стремление к правде, создание доверительной атмосферы, внимание к деталям, способным раскрыть метания главного героя. Рассказчик не участвует активно в беседе, однако деликатно задает уточняющие вопросы, которые более полно раскрывают картину происходящего. Главной же функцией рассказчика является его способность слушать то, чего так не хватало Позднышеву. В повести попутный диалог становится не только двигателем сюжета, но и средством раскрытия внутреннего мира героя.

В нашем исследовании сформулирована особая форма диалога, который мы определили как попутный. Этот разговор происходит на железнодорожных станциях, вокзалах, в вагоне поезда и, шире, вообще по пути. Особенности попутного диалога в русской литературе второй половины XIX в. включают в себя следующие аспекты:

1. Образ железной дороги зачастую присутствует в эпизодах попутного диалога. Железная дорога имеет всеобъемлющий характер, раскрывает границы времени и пространства. Само явление движущего поезда метафорично течению человеческой жизни. Дорога служит олицетворением путешествия, перемещения, связей между городами и героями. Важно отметить, что образ железной дороги интерпретирован по-разному в произведениях, в зависимости от персонажей и особенностей сюжета.

2. Попутный диалог отражает не только повседневные разговоры между людьми, но носит исповедальный характер. В ходе попутных диалогов персонажи часто могут делиться своими мыслями, эмоциями, опасениями и размышлениями о своих жизненных ситуациях, что делает их взаимодействие более глубоким и содержательным. Попутный диалог в поезде между незнакомыми пассажирами, которые вскоре разойдутся, может иметь особенную искренность, так как герои считают, что больше не увидятся.

3. Попутные диалоги используются для развития сюжета, они должны быть связаны со стержневыми мотивами и идеями произведения.

4. Попутные диалоги дают возможность автору характеризовать своих персонажей. Через разговоры между ними можно показать их взаимоотношения, убеждения, ценности, черты характера и эмоциональное состояние. В этих диалогах прослеживаются языковые особенности, манера общения, привычки, стиль разговора, это помогает создать более полный и яркий образ героев, делая их более естественными и убедительными. А также позволяет лучше понять психологию и уникальность каждого персонажа.

5. Попутные диалоги могут содержать элементы динамики и конфликта. Герои могут не соглашаться друг с другом, спорить, иметь противоположные взгляды, разные цели во время разговора. Также попутный диалог имеет четкое временное ограничение, поэтому он более динамичен, может стимулировать интересные и таинственные разговоры.

6. Детали интерьера в вагоне поезда в литературном произведении служат для создания атмосферы динамичного или, наоборот, размеренного проживания. Они помогают лучше представить окружение героев, их состояние и настроение, а также углубиться в обстановку происходящих действий. Кроме того, интерьер вагона поезда может использоваться в художественном тексте как символ или метафора, отражающая ограниченность положения персонажей или их жизненных ситуаций.

7. Время в вагоне поезда может быть описано как мгновение пересечения местности, когда за окном мелькают различные виды, или как продолжительное путешествие, отображающее не только перемещение поезда, но и внутренние изменения героев. Пространство также может быть описано в разных его проявлениях (вагон поезда, вокзал). Ключевым оказывается пространство за окном поезда, которое отражает не только местоположение поезда, но и эмоциональное состояние героев.

Таким образом, попутный диалог является важным элементом текста, особым типом события, позволяющим углублять и усложнять движение сюжета, раскрыть внутренний мир персонажей, их отношения, идеи и конфликты.

Список литературы

1. Акимова М. С. Дом у дороги: усадьба, дача, железная дорога в историко-литературном аспекте (XIX – начало XX вв.) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 174–187.
2. Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. Т. 4. Художественные произведения 1904–1905. М. : Наука, 2017. 768 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского : собр. соч. : в 7 т. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. М. : Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. С. 7–300.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем : в 35 т. Т. 8. Идиот / текст подгот.: Я. Д. Битюгова, Н. Н. Соломина; ред.: Т. П. Голованова, Г. А. Фридендер. СПб. : Наука, 2019. 565 с.
5. Леннkvист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой. Анна Каренина. М. : Языки славянских культур, 2010. 128 с.
6. Нагина К. А. «Метель-страсть» и «Метель-судьба» в русской литературе XIX столетия // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2010. Вып. 4. С. 12–20.
7. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. Т. 2. Стихотворения 1855–1866 гг. Ленинград : Наука, 1981. 448 с.
8. Поезда в русской литературе XIX века. URL: <https://www.culture.ru/materials/194702/poezda-v-russkoi-literature-xix-veka?ysclid=lv9byxtmhd455593769> (дата обращения: 26.06.2024).
9. Роллан Р. Жизнь Толстого : собр. соч. : в 14 т. Т. 2. Жизни великих людей. М. : Художественная литература, 1954. 372 с.
10. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 18. Юбилейное издание (1828–1928). Анна Каренина / под общ. ред. В. Г. Черткова; ред. П. Н. Сакулин, Н. К. Гудзий. М. ; Л. : Художественная литература, 1934. IX, 558 с.
11. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 27. Юбилейное издание (1828–1928). Произведения 1889–1890 / под общ. ред. В. Г. Черткова; ред. Н. К. Гудзий, Н. Н. Гусев. М. : Художественная литература, 1936. XI, 767 с.

"Passing dialogue" on the railway in Russian literature of the second half of the 19th century

Kuryanova Valeria Viktorovna¹, Klimkina Oksana Petrovna²

¹PhD in Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology, Vernadsky Crimean Federal University. Russia, Simferopol.

ORCID: 0000-0001-7570-1926. ResearcherID: C-4136-2019. E-mail: kuryanova_v@mail.ru

²master student of the Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Russia, Simferopol. E-mail: Ksyu.k_2003@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is related to the specifics of the general principle of literary discourse as a dialogue. The purpose of the article is to analyze the elements of the structure of works of art in an episode of a passing dialogue and describe the uniqueness of this type of event. The subject of the study is the

events of a passing dialogue based on the material of the following works: "The Idiot" by F. M. Dostoevsky, "Anna Karenina", "Kreutzer Sonata" by L. N. Tolstoy, the poem "The Railway" by N. A. Nekrasov. Research methods and approaches: the method of structural analysis, the biographical method, the comparative method. The accompanying dialogue is an important element of the text, allowing to deepen and complicate the movement of the plot, to reveal the inner world of the characters, relationships and ideological differences. Using the example of specific works, episodes of passing dialogues are analyzed, their role, functions, influence on the plot and on the characters are revealed. It also describes the connection of the passing dialogue with the railway space, how the image of the railway affects the consciousness and actions of the characters. The study of the dialogue in Russian literature allows us to conclude that this type of event has a high artistic value and is an integral component of a literary work. In this form of communication, attention is paid not only to the verbal communication of the characters, but also to the subtext of the dialogue, context, non-verbal signals and other aspects that help to understand how the dialogue affects the narrative and perception of the work as a whole. It is established that the construction of railways in Russia in the 19th century influenced the formation and development of a dialogue in literature. The railway in Russian literature acts as a symbolic phenomenon that helps convey concepts, ideas and emotions of characters, reflects changes in society and relationships between people.

Keywords: passing dialogue, event, detail, railway, N. Nekrasov, F. Dostoevsky, L. Tolstoy.

References

1. Akimova M. S. *Dom u dorogi: usad'ba, dacha, zheleznaya doroga v istoriko-literaturnom aspekte (XIX – nachalo XX vv.)* [The house by the road: manor, cottage, railway in the historical and literary aspect (XIX – early XX centuries)] // *Vestnik slavyanskih kul'tur – Herald of Slavic Cultures*. 2021. Vol. 60. Pp. 174–187.
2. Andreev L. N. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 23 t. T. 4. Hudozhestvennye proizvedeniya 1904–1905* [The complete collection of writings and letters : in 23 vols. Vol. 4. Works of art 1904–1905]. M. Nauka (Science), 2017. 768 p.
3. Bahtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo : sobr. soch. : v 7 t. T. 6. "Problemy poetiki Dostoevskogo", 1963. Raboty 1960-h – 1970-h gg.* [Problems of Dostoevsky's poetics : collected works : in 7 vols. Vol. 6. "Problems of Dostoevsky's Poetics", 1963. Works of the 1960s – 1970s]. M. Russian dictionaries. Languages of Slavic Culture, 2002. Pp. 7–300.
4. *Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 35 t. T. 8. Idiot* [Complete works and letters : in 35 vols. Vol. 8. Idiot] / text prepared by Ya. D. Bitjugova, N. N. Solomina; ed. by: T. P. Golovanova, G. A. Friedlander. SPb. Nauka (Science), 2019. 565 p.
5. Lennqvist B. *Puteshestvie vglub' romana. Lev Tolstoj. Anna Karenina* [A journey deep into the novel. Lev Tolstoy. Anna Karenina]. M. Languages of Slavic Cultures, 2010. 128 p.
6. Nagina K. A. "Metel'-strast'" i "Metel'-sud'ba" v russkoj literature XIX stoletiya ["Blizzard-passion" and "Blizzard-fate" in Russian literature of the XIX century] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"* – Herald of Udmurt University. The series "History and Philology". 2010. Is. 4. Pp. 12–20.
7. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 15 t. T. 2. Stihotvoreniya 1855–1866 gg.* [The Complete collection of writings and letters : in 15 vols. Vol. 2. Poems of 1855–1866]. L. Nauka (Science), 1981. 448 p.
8. *Poezda v russkoj literature XIX veka – Trains in Russian literature of the 19th century*. Available at: <https://www.culture.ru/materials/194702/poezda-v-russkoi-literature-xix-veka?ysclid=lv9byxtmhd455593769> (date accessed: 26.06.2024).
9. Rolland R. *Zhizn' Tolstogo : sobr. soch. : v 14 t. T. 2. Zhizni velikih lyudej* [Tolstoy's Life : collected works : in 14 vols. Vol. 2. The lives of great people]. M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1954. 372 p.
10. Tolstoj L. N. *Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t. T. 18. Yubilejnoe izdanie (1828–1928). Anna Karenina* [The Complete works : in 90 vols. Vol. 18. Anniversary edition (1828–1928). Anna Karenina] / under the gen. ed. of V. G. Chertkov; ed. by P. N. Sakulin, N. K. Gudziy. M. ; L. Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1934. IX, 558 p.
11. Tolstoj L. N. *Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t. T. 27. Yubilejnoe izdanie (1828–1928). Proizvedeniya 1889–1890* [The complete works : in 90 vols. Vol. 27. Anniversary edition (1828–1928). Works of 1889–1890] / under the gen. ed. of V. G. Chertkov; ed. by N. K. Gudziy, N. N. Gusev. M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1936. XI, 767 p.

Поступила в редакцию: 14.08.2024

Принята к публикации: 10.12.2024

Некоторые заметки о взглядах русских классиков на литературное творчество

Курбакова Марина Андреевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Московский политехнический университет. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-1173-921X.
Researcher ID: AAI-2014-2020. E-mail: mkurbakova@inbox.ru

Аннотация. Предметом исследования в данной статье являются метапоэтические данные писателей, содержащиеся в их литературно-критическом и эпистолярном наследии. Тема работы обусловлена проводимым эстетическим анализом степени и характера преемственности пушкинской традиции в творчестве русских писателей XIX в. Целью работы является рассмотрение метапоэтических данных наследия Пушкина и Тургенева, выявление их характерных особенностей. В данной работе использовались эстетический и историко-литературный методологические подходы. Исследование проведено методом сплошной выборки. Представлены результаты осмысления заявленной темы. Новизна исследования видится в попытке осмысления пушкинской и тургеневской метапоэтики в рамках эстетического анализа, выборке ключевых идей о литературном творчестве и объединении их в одной работе. Актуальность исследования обусловлена задачами последовательного рассмотрения метапоэтики, ее общего вектора и нюансов для детализации вопросов преемственности. В процессе исследования выполнен обзор корпуса работ писателей, имеющих глубокие познания и теоретически обоснованную позицию в указанном вопросе, что позволяет сделать представленные в исследовании выводы: краткость, точность, правдивость присуща обоим мастерам малых жанров, Тургенев наследует элементы пушкинской эстетики, хотя и не является поэтом; углубляет, развивает и трансформирует романтический психологизм; пушкинский текст сфокусирован на национальной самобытности, порой на историзме; тургеневский – больше на самоинтерпретации, автопсихологизме. Результаты и материалы исследования могут быть использованы на занятиях по русской литературе XIX в. в средней и высшей школе, а также на специализированных семинарах филологических факультетов ВУЗов.

Ключевые слова: метапоэтический текст, метапоэтика Пушкина, метапоэтика Тургенева, творчество, критика, эпистолярное наследие.

Понятие «метапоэтика» появилось относительно недавно. В первом томе «Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса» под редакцией К. Э. Штайн и Д. И. Петренко под метапоэтикой понимают «поэтику по данным метапоэтического текста (языка, на котором описывается язык-объект) и метатекста, поэтику самоинтерпретации автором своего или чьего-то другого текста» [6, с. 607]. В этом исследовании авторы подвергают глубокому анализу пушкинский метатекст и выявляют ключевые идеи метапоэтического текста, вводя понятие «метапоэтики преобразования (преображения) и установления» [6, с. 113].

Метапоэтический контекст творчества И. С. Тургенева уже подвергался исследованию в работе Д. А. Чугуевой «Жанры эпической прозы в метапоэтике И. С. Тургенева» [9], в частности, автор исследовал мнения писателя о романном творчестве. По мнению Тургенева, создатель романа берет на себя большую историческую ответственность, он обязан представить правдоподобные типы, что для посредственного писателя недостижимо; у писателя должно быть понимание художественной правды, он призван описывать существующий типаж; писатель указывает на компоненты, которые должны присутствовать в романе, его признаки, а также подробно говорит о том, каких черт у романа быть не должно.

Предметом исследования в нашей статье является уровень метапоэтического текста обоих классиков. Литературно-критические статьи и эпистолярный писателя отражает особенности его метапоэтической системы, прослеживает механизм и траекторию создания литературных произведений в качестве исследователя текстов – своего и других авторов. Метапоэтические данные ценны тем, что они отражают не только результат творческой деятельности, а часто описывают сам процесс выработки отдельного уникального научного знания. «Автор, создающий художественное пространство, а также ... метапоэтические ссылки, обладает энциклопедическим складом ума, его тексты и художественные, и метапоэтические, каждой строкой свидетельствуют об этом, иначе бы не состоялось динамического построения

мира художника» [10, с. 7]. Метапоэтика отдельного автора таким образом представляет собой особый сплав различных знаний (часто лингвистики, литературоведения, истории, критики, фольклористики, культурологии, философии, эстетики) и составляет авторский код, или идиостиль (особый исследовательский почерк).

Критические произведения классиков имеют ключевое значение, поскольку совокупность их мнений, знаний, высказываний о литературном процессе образует сложный дискурс, на котором строится алгоритм литературоведческой деятельности современных критиков, редакторов и переводчиков. Письма Пушкина и Тургенева дают интереснейший материал для разрешения еще недостаточно изученного вопроса о многообразии и единстве авторского образа в творчестве поэта, при этом письма Пушкина порой представляют целые полемические статьи по критике.

Жанровый и тематический диапазон метапоэтических данных представлен в эпистолярной, критических статьях, исследованиях, литературных и житейских воспоминаниях, мыслях и замечаниях. Исследование проводилось методом сплошной выборки, в рамках эстетического анализа творчества поэта.

Для нас представляют особую ценность высказывания авторов о литературном процессе в аспекте поиска контрастных и типологически общих параметров. Приводим основные, важные для формулировки выводов цитаты писателей в таблице, очерчивающие круг их литературоведческих интересов:

Таблица 1

Сопоставительная таблица по произведениям авторов

Пушкин
<p>О стихосложении и романтизме</p> <p>«А в повести «Mardoche» Musset первый из французских поэтов умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях, что вовсе не шутка» [5, т. 9, с. 354].</p> <p>«Вот Тредьяковский, Василий Кирилович, – вот этот был почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков» [там же, с. 389].</p> <p>«Английская поэзия стала влиять больше, чем французская, и это хорошо, так как французская робка и неустойчива?» [там же, с. 69].</p> <p>«Кстати: я заметил, что все ... имеют у нас самое темное понятие о романтизме» [5, т. 6, с. 162].</p> <p>«Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. Мне казалось, однако, довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в каком роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики; но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно, причиною сего явления. Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени. Это первое признание ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно поработать литературную совесть?» [там же, с. 279–280].</p> <p>«Ты прав в отношении романтической поэзии. Но старая ... классическая, на которую ты нападаешь, полно существует ли у нас? это еще вопрос» [там же, с. 94].</p>
<p>Об исторических фактах</p> <p>«Кстати, недавно в одной исторической статье сказано было, что <i>Минину дали дворянство и боярство</i>, но что спесивые вельможи не допустили его в думу и принудили в 1617 г. удалиться в Нижний Новгород. – Сколько несообразностей! Минин никогда не бывал боярином; он в думе заседал, как <i>думный дворянин</i>; в 1616 их было всего два: он и Гаврила Пушкин. Они получали по 300 р. окладу. О годе его смерти нет нигде никакого известия; <i>полагают</i>, что Минин умер в Нижнем Новгороде, потому что он там похоронен и что в последний раз упомянуто о нем в списке дворцовым чинам в 1616» [5, т. 9, с. 242].</p> <p>Поэт делает точные обобщения: «...что нас очаровывает в историческом романе – это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим...» [там же, с. 302].</p>
<p>О грамматике русского языка</p> <p>«Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отречься от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным – значит не знать языка» [5, т. 9, с. 199].</p> <p>«Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи» [там же, с. 377].</p>

Продолжение табл. 1

О важной роли и необходимости национальной самобытности произведения	
<p>«Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее! – обычаи, история, песни, сказки – и проч. [5, т. 9, с. 256].</p> <p>«Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» [там же, с. 279–280].</p> <p>«По твоём отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии – ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает оды, но не может выдержать и строфы (исключая чего, знаешь). Что ж в нём: мысли, картины и движения истинно поэтические; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-богу, его гений думал по-татарски – а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нём (не говоря уж о его министерстве). У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь» [там же, с. 160].</p>	
О юморе	
<p>«Недовольные» (автора Загоскина. – М. К.) в самом деле скучная, тяжелая пьеса, писанная довольно легкими стихами. Лица, выведенные на сцену, не смешны и не естественны. Нет ни одного комического положения, а разговор, пошлый и натянутый, не заставляет забывать отсутствие действия. Г-н Загоскин заслужил благосклонность публики своими романами. – В них есть и живость воображения, и занимательность, и даже веселость, это бесценное качество, едва ли не самый редкий из даров» [5, т. 9, с. 236].</p>	
Пушкин	Тургенев
О чувстве соразмерности и соразности, краткости, точности, простоте и лаконичности (и в этом он созвучен Тургеневу, который так же считал это правило неизблемым)	
<p>О чувстве соразмерности и соразности, краткости, точности, простоте и лаконичности (и в этом он созвучен Тургеневу, который так же считал это правило неизблемым)</p>	<p>«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и соразности» [5, т. 9, с. 14].</p> <p>«Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!» [там же, с. 22–23].</p> <p>«В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскучившие однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному» [там же, с. 290].</p> <p>«Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем. Опыты Жуковского и Катенина были неудачны не сами по себе, но по действию, ими произведенному» [там же, с. 291].</p>
<p>О пошлости в литературе</p>	<p>«Появление пошлости бывает полезно в жизни; оно ослабляет слишком высоко настроенные струны, отрезвляет самоуверенные или самозабвенные чувства, напоминая им свое близкое родство с ними... мы не думаем, чтобы поэзия отсутствовала в нашей текущей литературе, несмотря на все упреки в прозаичности и пошлости, которым она часто подвергается; но мы понимаем желание читателей</p>

Продолжение табл. 1

	<p>нравственной цели было бы то же, что требовать от всякого гражданина беспорочного житья и образованности» [5, т. 9, с. 136]. «Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении <i>нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных</i>» [там же, с. 32]. «Они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием» [там же, с. 333].</p>	<p>насладиться гармонией стиха, обаянием мерной лирической речи» [7, т. 4, с. 524].</p>
<p>Тонкие знаатоки французской словесности</p>	<p>«Мы не полагаем, чтобы нынешняя раздражительная, опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием, политических волнений). В словесности французской совершилась своя революция, чуждая политической перестройке, ниспровергшему старинную монархию Людовика XIV. В самое мрачное время революции литература производила приторные, сентиментальные, нравоучительные книжки. Литературные чудовища начали появляться уже в последние времена кроткого и благочестивого Восстановления (Restauration). Начало сему явлению должно искать в самой литературе. Долгое время покорствовав своим уставам, давшим ей слишком стеснительные формы, она ударила в крайнюю сторону и забвение всяких правил стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риториками, будто бы польза есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель искусства есть идеал, а не нравоучение. Но писатели французские поняли одну только половину истины неоспоримой и положили, что и нравственное безобразие может быть целью поэзии, то есть идеалом! Прежние романисты представляли человеческую природу в какой-то жеманной напыщенности; награда добродетели и наказание порока были непременною условием всякого их вымысла: нынешние, напротив, любят выставлять порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие. Таковой поверхностный взгляд на природу человеческую обличает, конечно, мелкомыслие, и вскоре так же будет смешон и приторен, как чопорность и торжественность романов Арно и г-жи Котен. Покамест он еще нов, и публика, то есть большинство читателей, с непривычки видит в нынешних романистах глубочайших знатоков природы человеческой. Но уже «словесность отчаяния» (как назвал ее Гете), «словесность сатаническая» (как говорит Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, сигарочная и пр., – эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинает упадать даже и во мнении публики» [5, т. 9, с. 137–138].</p>	<p>«Ведь искусство не дагерротип, и такой большой мастер, как г-жа Санд, мог бы обойтись без этих капризов художника с несколько пресыщенным вкусом. ...У этой женщины – дар передавать самые тонкие, самые мимолетные впечатления уверенно, ясно и понятно; она умеет рисовать даже благоухания, даже мельчайшие звуки...» [8, т. 1, с. 257]. «Золя, кажется, написал длинную статью о г-же Санд в своем русском журнале; статья очень хороша – но, говорят, немного суховата. Золя не в состоянии в полной мере судить о г-же Санд. Между ними слишком большое расстояние» [8, т. 12, с. 289].</p>
<p>О психологии/ специфике/ технологиях творчества</p>	<p>«Я совершенно не умею писать ради денег» [5, т. 10, с. 239].</p>	<p>«Я никогда не могу заставить себя писать, если не имеется для этого внутреннего импульса» [7, т. 1, с. 80]. «Вся моя биография – в моих сочинениях». «Сочинять я никогда ничего не мог. Чтобы у меня что-нибудь вышло, надо мне</p>

Продолжение табл. 1

		<p>постоянно возиться с людьми, брать их живьем. Мне нужно не только лицо, его прошедшее, вся его обстановка, но и малейшие житейские подробности. Так я всегда писал, и все, что у меня есть порядочного, дано жизнью, а вовсе не создано мною. Настоящего воображения у меня никогда не было» [7].</p> <p><i>О силе психологизма в произведении</i> (во времена Пушкина человеческая и писательская мысль выражали иные задачи, еще только подступаясь к эре психологизма в литературе).</p> <p>«Психолог должен исчезнуть в художнике, как исчезает от глаз скелет под живым и теплым телом, которому он служит прочной, но невидимой опорой» [8, т. 12, с. 139].</p>
<p>О поэзии/прозе</p>	<p>«Цель поэзии – поэзия» [5, т. 9, с. 154].</p> <p>«Боюсь, чтоб проза жизни твоей не одолела поэзии души» [5, т. 9, с. 184].</p> <p>«Предприми постоянный труд, ... образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах» [5, т. 9, с. 164].</p> <p>«...Возьмись-ка за целый роман и пиши его со всею свободою разговора или письма» [там же, с. 244].</p>	<p>«Вдохновенная и простая поэзия, великая любовь к правде, сочетающаяся с редкой чуткостью ко всякой лжи или пустословию, поразительная сила психологического анализа, а также тонкое чувство природы, непревзойденный дар создавать типы, нечто очень живое и в то же время возвышенное – вот чем определяется этот прекрасный талант, который, оставаясь сугубо русским, уже обрел в Европе поклонников, число коих будет неизменно возрастать» [7, т. 12, с. 414].</p>
<p>О переводе произведений на европейские языки</p>	<p>«Нет сомнения, что, стараясь передать Мильтона <i>слово в слово</i>, Шатобриан, однако, не мог соблюсти в своем преложении верности смысла и выражения. <i>Подстрочный перевод никогда не может быть верен</i>. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. Возьмем первые фразы: Comment vous portez-vous; How do you do. Попробуйте перевести их слово в слово на русский язык» [5, с. 232–233].</p> <p>«Если уже русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, не способен к переводу подстрочному, к предложению слово в слово, то каким образом язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным, выдержит таковой опыт...? Они нашли его слишком поверхностным, слишком недостаточным...» [5, с. 233].</p>	<p>«Г-н Стифен не скрывал от самого себя трудностей своего предприятия: перевод в прозе имел бы на своей стороне важное преимущество большей точности и верности – но поэтическая физиономия утратила бы свои права. Должно сознаться, что г. Стифен – в целом – удачно решил свою задачу, хотя он и был вынужден в иных местах своего переложения несколько расплыться в ширину и прибегать к риторической фразеологии, освещенной байроновской традицией» [7, т. 12, с. 176].</p> <p>«Мы только хотим напомнить, что проза, даже французская проза, и она-то, может быть, в особенности, бессильна передать с чем-то несколько большим, чем точность смысла, все красоты поэзии, о которой русские единодушно говорят, что она соединяет силу и величие Корнеля с изяществом и тонкостью Расина. ...признать недостаточность этих переводов, то пусть в честь Пушкина их воображение придет нам на помощь и постарается прибавить к нашей простой канве поэтический узор, который мы поневоле сняли с его творений» [8, т. 3, с. 81].</p> <p>«...перевод г. Вронченко можно рассматривать с двух сторон: по отношению между свойством таланта переводчика и сочинением, которое он перевел, и по отношению к воззрению переводчика на переведенное им творение. Доселе</p>

Продолжение табл. 1

		<p>г. Вронченко переводил сочинения совершенно в другом духе, нежели «Фауст»; самый «Манфред» Байрона, может быть, навеянный чтением «Фауста», существенно от него разнится. «Фауст» – произведение по преимуществу романтическое и немецкое: для людей, которых склад ума исключительно практический, оно почти недоступно; они поймут не только «Макбета», но и «Гамлета», а «Фауст» все-таки будет для них странен. И потому очень естествен вопрос: по роду и направлению своего таланта мог ли г. Вронченко с полным успехом воспроизвести на русском языке туманное создание Гёте?» [7, т. 12, с. 196].</p> <p>«Всякий перевод назначен преимущественно для не знающих подлинника. Переводчик не должен трудиться для того, чтоб доставить знающим подлинник случай оценить, верно или неверно передал он такой-то стих, такой-то оборот, он трудится для «массы». Как бы ни была предубеждена масса читателей в пользу переводимого творения, но и ее точно так же должно завоевать оно, как завоевало некогда свой собственный народ. Но на массу читателей действует одно несомненно прекрасное, действует один талант; талант, творческий дар, необходим переводчику; самая взыскательная добросовестность тут недостаточна» [7, т. 1, с. 227].</p> <p>«Чем более перевод нам кажется не переводом, а непосредственным, самобытным произведением, тем он превосходнее; читатель не должен чувствовать ни малейшего следа той ассимиляции, того процесса, которому подвергся подлинник в душе переводчика; хороший перевод есть полное превращение, метаморфоза. Такой перевод не может быть неверным» [7, т. 5, с. 229].</p>
Тургенев		
Переход к критике романтизма		
<p>«В их произведениях истинного патриотизма, родного смысла, понимания народного быта, сочувствия к жизни предков» [7, т. 12, с. 80].</p>		
<p>«...горькое и смутное беспокойство... возбуждает в нас каждое творение лорда Байрона, этой надменной, глубоко симпатичной, ограниченной и гениальной натуры...» [там же, с. 23].</p>		
О женских образах		
<p>«Одно ему не совсем далось, как и почти всем нашим писателям, даже Гоголю, – женщины...» [7, т. 1, с. 92].</p>		
О авторе/рассказчике в произведениях		
<p>«Искусство торжествует свою высшую победу только тогда, когда лица, созданные поэтом, до того кажутся читателю живыми и самобытными, что сам творец их исчезает в глазах его, – когда читатель размышляет о создании поэта, как о жизни вообще...» [7, т. 12, с. 146].</p>		
О предпочтении		
малым формам и временным разрывах		
<p>«О романе Е. Тур: Главный его недостаток – несоразмерная длиннота» [7, т. 4, с. 104].</p>		
<p>«Слог г-жи Тур, как мы сказали выше, небрежен. Речь ее болтлива, часто водяниста и вообще более музыкальна, чем живописна; но в этом мы ее упрекать не станем. Это ее недостаток, и это ее достоинство в одно и то же время» [7, т. 4, с. 139].</p>		

Окончание табл. 1

«Между третьей и четвертой частью существует шестилетний промежуток. Мы вообще небольшие охотники до таких внезапных скачков. Большею частью интерес останавливается и замирает на той самой точке, где перервалась нить рассказа» [там же, с. 137]. Тургенев считает, что **больших временных разрывов в произведении быть не должно.**

«Роман – роман в четырех частях! Знаете ли, что, кроме женщины, никто в наше время в России не может решиться на такой трудный, на такой во всяком случае длинный подвиг?» [там же, с. 127].

На основании вышеприведенных цитат и изучения метапоэтических текстов очевидно, что оба писателя предстают мастерами малых жанров.

И Пушкин, и Тургенев точны в своих высказываниях, соразмерны, немногословны. В романном жанре Тургенев также считал, что одним из достоинств такого произведения является его лаконичность. Исключительная образованность обоих авторов позволяла им оценивать произведения мировой литературы, особенно европейской (французской, а также английской, немецкой) и слыть ее знатоками.

Тургенев в наследовании пушкинской традиции выглядит как собиратель ее лучших эстетических элементов: он продолжал считать, что и в прозаическом произведении должна быть своя простая, вдохновенная поэзия, только выраженная прозой; по его мнению, новая социально-политическая ситуация требовала уже более устойчивого стиля, т. к. писатель постепенно пришел к выводу, что поэзия в современном ему историческом периоде является инструментом «младых» народов, не подходящей своей эмоциональностью для отражения социально-политической ситуации 50–60-х гг. XIX в., требующей рационального подхода, а не чувства.

Тургенев – мастер жизнеописания, хотя художник не может вообще не использовать свою фантазию. Тем не менее на протяжении своей творческой жизни он находился во внутренней полемике относительно формы произведения и его архитектоники, и даже в 1880 г. на открытии памятника Пушкина в своей речи представляет свои суждения о поэзии и прозе, в которой поэзию он считает формой младых народов, младенчеством. Следует подчеркнуть, что концепт младенец/взрослый занимают особое место во всем творчестве писателя [8]. В нем выражается один из основных моментов его особого мнения относительно творчества. Писатель не высказывался позитивно и, по его собственному выражению, «по поводу длинот», но «Война и мир», «Братья Карамазовы», «Идиот» к этому времени были созданы.

Метапоэтика Пушкина отражает различную полемику, дискуссию и споры о поэзии, постепенный переход от поэзии к прозе; Тургенев, продолжив с ним внутренний спор о форме произведения, ознаменовал формирование романного жанра, отразил технологию его создания и произведения прозы вообще, психологию автора.

Психологизм в творчестве писателей проявляется следующим образом: в повестях Ивана Сергеевича пушкинский романтический психологизм предстает в максимально глубокой степени, так как в 70-е гг. XIX в. мысль философов, писателей подошла к стадии глубокого осмысления человеческой психологии, которая именно в это десятилетие, в 1879 г. была признана наукой, благодаря усилиям немецкого психолога Вильгельма Вундта, ее основоположника. Сны и видения в «таинственных повестях» проявлены как еще один особый, специфический элемент психологизма, который Пушкин использует в творчестве разово (во времена Пушкина человеческая и писательская мысль выражали иные задачи, еще только подступаясь к эре психологизма в литературе), но Тургенев глубоко, детально описывает. В тургеневский текст включено гораздо больше элементов автопсихологизма.

Пушкин в метапоэтическом тексте предстает носителем энциклопедических знаний по орфографии, грамматике, синтаксису, стихосложению. Национальную самобытность текста он считает одним из главных достоинств в литературе. Поэт высоко ценит юмор как показатель высокохудожественного произведения.

Тургеневский метапоэтический текст при этом содержит больше самоинтерпретации, что позволяет его более подробное вертикальное прочтение.

Тургенев, так же как и Пушкин, радеет о правдоподобию изображения, правдивости диалога, но в отличие от него в своем творчестве не пытается воссоздать исторические фигуры.

Обоим писателям удаются женские образы, что Тургенев считал неоспоримым достоинством творчества.

Переводчики Пушкин и Тургенев скрупулезно работали над лексической стороной перевода. Будучи переводчиком произведений Пушкина, Тургенев, как известно, пытался совла-

дать с переводческой непластичностью пушкинских произведений. Для Пушкина перевод это попытка перевыразить свое «эстетическое восприятие» [2], о переводах Тургенева верно сказано, что в этом процессе писатель осуществлял «эстетический синтез», «рефлексируя над каждым отрывком» [3, с. 101], считая главным постулатом перевода ощущение «единой, глубокой, общей связи между художником и переводчиком» [7, т. 1, с. 227]. Оба писателя работали в рамках переводческих представлений 19 в., которые не во всем созвучны современной переводческой традиции.

Таким образом, если судить по их собственным высказываниям, Пушкин и Тургенев наиболее сближаются в фокусе малых жанров, точности, краткости, правдоподобности и простоте, сдержанном психологизме повествования, характере трансляции произведения на иностранные языки, экспертности в литературе. Будучи представителями оппозиционных религиозно-философских течений (славянофильство и западничество), писатели во многом созвучны во взглядах на природу эстетики литературного произведения. Особая глубина эстетического совершенства в их произведениях была достигнута, несмотря на разность подходов и мнений к осмыслению романтизма как метода, формы произведения (поэзии/прозы), в объективном или автопсихологическом подходе к отражению действительности.

Список литературы

1. *Боборыкин П. Д.* Тургенев дома и за границей. «Новости». 1883. № 177.
2. *Владимирский Г. Д.* Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Вып. 4/5. С. 300–330.
3. *Волков И. О. И. С.* Тургенев – переводчик Шекспира. Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 97–120.
4. *Курбакова М. А.* Проблема семьи и детства в творчестве И. С. Тургенева : дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., МГУ, 2005. 179 с.
5. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 9. М. : Художественная литература, 1962.
6. Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса : антология : в 4 т. Ставропольское книжное издательство, 2002.
7. *Тургенев И. С.* Полное собрание писем : в 18 т. М. : Наука, 1978–2014.
8. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Наука, 1978.
9. *Чугуева Д. А.* Жанры эпической прозы в метапоэтике И. С. Тургенева (теория и поэтика романа) : дипломная работа. Ставрополь, 2009. 57 с.
10. *Штайн К. Э., Петренко Д. И.* Русская метапоэтика : учебный словарь / под ред. проф. В.А. Шаповалова. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2006.

Some notes on the views of Russian classics on literary creativity

Kurbakova Marina Andreevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Foreign Languages, Moscow Polytechnic University. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-1173-921X. ResearcherID: AAI-2014-2020. E-mail: mkurbakova@inbox.ru

Abstract. The subject of research in this article is the metapoetic data of writers contained in their literary, critical and epistolary heritage. The theme of the work is determined by the aesthetic analysis of the degree and nature of the continuity of the Pushkin tradition in the works of Russian writers of the 19th century. The purpose of the work is to consider the metapoetic data of the legacy of Pushkin and Turgenev, to identify their characteristic features. Aesthetic and historical-literary methodological approaches were used in this work. The study was conducted using a continuous sampling method. The results of understanding the stated topic are presented. The novelty of the research is seen in an attempt to comprehend Pushkin's and Turgenev's metapoetics within the framework of aesthetic analysis, a selection of key ideas about literary creativity and combining them in one work. The relevance of the research is determined by the tasks of consistent consideration of metapoetics, its general vector and nuances for detailing succession issues. In the course of the research, a review of the corpus of works by writers with deep knowledge and a theoretically grounded position on this issue was carried out, which allows us to draw the conclusions presented in the study: brevity, accuracy, truthfulness are inherent in both masters of small genres, Turgenev inherits elements of Pushkin's aesthetics, although he is not a poet; deepens, develops and transforms romantic psychologism; Pushkin The text focuses on national identity, sometimes on historicism; Turgenevsky focuses more on self-interpretation, autopsychologism. The results and materials of the research can be used in classes on Russian literature of the 19th century in secondary and higher schools, as well as at specialized seminars of philological faculties of universities.

Keywords: metapoetic text, Pushkin's metapoetics, Turgenev's metapoetics, creativity, criticism, epistolary heritage.

References

1. Boborykin P. D. *Turgenev doma i za granicej. "Novosti"* [Turgenev at home and abroad. "Novosti"]. 1883. No. 177.
2. Vladimirovskij G. D. *Pushkin-perevodchik* [Pushkin-translator] // *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* – Pushkin: The Time worker of the Pushkin Commission / USSR Academy of Sciences. Institute of Literature, M. ; L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939. Is. 4/5. Pp. 300–330.
3. Volkov I. O. *I. S. Turgenev – perevodchik Shekspira. Imagologiya i komparativistika* [I. S. Turgenev– Shakespeare's translator. Imagology and comparative studies]. 2019. No. 11. Pp. 97–120.
4. Kurbakova M. A. *Problema sem'i i detstva v tvorchestve I. S. Turgeneva : diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [The problem of family and childhood in the works of I. S. Turgenev : diss.... PhD in Philology: 10.01.01]. M. Moscow State University, 2005. 179 p.
5. *Pushkin A. S. Sobranie sochinenij : v 10 t. T. 9* [Collected works : in 10 vols. Vol. 9]. M. Khudozhestvennaya Literatura (Fiction), 1962.
6. *Tri veka russkoj metapoetiki: legitimaciya diskursa : antologiya : v 4 t.* – Three centuries of Russian Metapoetics: Legitimization of Discourse : anthology : in 4 vols. Stavropol Book Publishing House, 2002.
7. *Turgenev I. S. Polnoe sobranie pisem : v 18 t.* [Complete collection of letters : in 18 vols.]. M. Nauka (Science), 1978–2014.
8. *Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij : v 12 t* [Complete works : in 12 vols.]. M. Nauka (Science), 1978.
9. *Chugueva D. A. Zhanry epicheskoj prozy v metapoetike I. S. Turgeneva (teoriya i poetika romana) : diplomnaya rabota* [Genres of epic prose in the metapoetics of I. S. Turgenev (theory and poetics of the novel) : thesis]. Stavropol, 2009. 57 p.
10. *Shtajn K. E., Petrenko D. I. Russkaya metapoetika : uchebnyj slovar'* [Russian metapoetics: an educational dictionary] / ed. by prof. V. A. Shapovalov. Stavropol. Publishing House of SSU, 2006.

Поступила в редакцию: 11.07.2024

Принята к публикации: 28.10.2024

«Выразить невыразимое» как сверхзадача западноевропейского романа о холокосте («Благоволительницы» Д. Литтелла, «ННН» Л. Бине и «Аустерлиц» В. Г. Зебальда)

Мещерякова Лариса Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы, Пензенский государственный университет. Россия, г. Пенза. ORCID: 0000-0002-9416-8220. AuthorID: 79053655419. E-mail: lam050499@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности повествования в современных западноевропейских романах, посвященных теме Холокоста. Целью работы является выявление специфических черт произведений данной тематики. Исследование проводится на материале «Благоволительниц» Д. Литтелла, «ННН» Л. Бине и «Аустерлиц» В. Г. Зебальда. До настоящего времени сопоставительный анализ жанровых особенностей названных романов не предпринимался. Этим определяется актуальность настоящей работы. В ходе изучения произведений использовались принципы культурно-исторического, сравнительно-исторического, сравнительно-типологического методов, а также метод нарративного анализа. Установлено, что Л. Бине повествовательную манеру в своем «инфра-романе» «ННН» противопоставляет той, которая главенствует в «Благоволительницах» Д. Литтелла и может быть названа классической: не допускает вымышленных лиц и событий, художественных приемов изображения, демонстрирует максимальное сближение автора и нарратора. Обращение к роману Д. Литтелла позволяет увидеть диаметрально противоположную авторскую стратегию. «Персонажное» повествование сближает «Благоволительниц» с романом В. Г. Зебальда. Скупое использование изобразительно-выразительных средств в романе «Аустерлиц» позволяет провести ряд параллелей с «ННН» Л. Бине. Обнаружение в процессе исследования различных жанровых моделей исторического романа позволяет увидеть в каждом произведении стремление авторов найти средства, способные описать запредельные для человеческого разума события. В заключении делаем вывод о том, что Л. Бине, Д. Литтелла и В. Г. Зебальда сближает осознание невозможности «выразить невыразимое», что может быть названо своеобразной нарратологической универсалией, специфической особенностью отражения темы Холокоста в современной западноевропейской исторической прозе. В этом обозначении содержится новизна предлагаемого исследования.

Ключевые слова: «невыразимость» темы Холокоста, исторический роман, нарративные стратегии, жанровая рефлексия.

Характеризуя современную литературу, отмечаем переплетение приемов повествования художественной, публицистической и документальной прозы. «Писатели ищут жанровые конфигурации, наиболее отвечающие их замыслу, сочетая то, что ранее казалось несовместимым» [17, с. 57]. Поиск современными писателями новых литературных форм ожидаем и закономерен, как ожидаем и закономерен он был во все предыдущие столетия.

Бесспорно мнение А. В. Татарнинова: «Роман имеет право не учить спасению, не давать точную информацию о райских и адских пространствах, не оформлять свод заповедей и не сообщать о действительно состоявшихся судьбах тех, кто был прежде нас» [19, с. 4]. Но хочется вывести за скобки произведения о Второй мировой войне, массовом уничтожении евреев на территории европейских стран и Советского Союза. На тему Холокоста написаны сотни книг. В числе наиболее известных западноевропейских и американских писателей – Э. Визель, П. Леви, Д. Гроссман, У. Стайрон, Дж. С. Фоер, Ж. Кабре, Р. Гари, Л. Рис, Н. Краусс, И. Вайль, Р. Гари, Б. Шлинк, Д. Бойн, Т. Кенилли, Р. Бенини, Д. Хантер и многие другие. Выбор романов Д. Литтелла, Л. Бине и В. Г. Зебальда в качестве объекта нашего исследования продиктован принципиально разными нарративными стратегиями этих авторов, что позволяет осмыслить жанровую рефлексию современного исторического романа в целом. Французский писатель Лоран Бине (Laurent Binet, 1972) написанную им беллетризованную биографию нациста Рейнхарда Гейдриха «ННН» (2010, русский перевод 2015) назвал «инфра-романом», что можно воспринимать как такую форму произведения, которая «по каким-то признакам не дотягивает до настоящего романа, своего рода "недороман"» [5]. Другой французский писа-

тель американского происхождения Джонатан Литтелл (Jonathan Littell, 1967) в 2006 г. опубликовал исторический роман «Благоволительницы» (*Les Bienveillantes*, русский перевод 2013), глубоко укорененный в европейскую романную традицию, написанный на стыке барокко, романтизма, реализма, натурализма, некоторых модернистских традиций, пронизанный фантастическими эпизодами и литературными реминисценциями, главная из которых – древнегреческая трагедия об Оресте, определяющая магистральную нарративную стратегию романа [28]. Немецкий писатель Винфрид Георг Зебальд (W. G. Sebald, 1944–2001) в «Аустерлице» (*Austerlic*, 2001, русский перевод 2006) дал образец гармоничного соединения вербального и визуального уровней повествования, где для выстраивания нарратива используются в том числе фотографии [10]. Джон Зилкоски обнаруживает в жанровой природе этого произведения черты путевого очерка, которые напрямую связываются с желанием героя найти свой путь [29].

Многие аспекты повествования в романах о Холокосте получили глубокое осмысление в трудах современных российских и западноевропейских исследователей. И. В. Даниленко, рассматривая «интердискурсивные аспекты французской историографической метапрозы», обращается в том числе к роману Д. Литтелла «Благоволительницы», в котором «автору понадобилось не только гражданское мужество, но и весьма специфическая эстетическая форма, соразмерная чудовищному масштабу этой трагедии истории, а также особые формы дискурса, которые придали бы тексту не только метафорический (художественный характер), но и аналитический» [4]. О. Б. Карасик смысловой константой романов «Полная иллюминация» Дж. С. Фоера и «Хроника любви» Н. Краусс называет поиск героями своей этнической идентичности, преемственности поколений через осмысление не пережитой ими лично трагедии Холокоста. Автор обращает внимание на фрагментарность, композиционную сложность этих произведений, игру с авторскими масками [12]. Е. С. Жиронкина анализирует приемы создания комического эффекта в литературе рубежа XX–XXI вв.; в поле ее зрения попадают и интересующие нас романы Д. Литтелла и Л. Бине. Ее внимание сосредоточено на выявлении в них комического регистра: гротеска, сарказма, иронии, пародии, двойничества как «средств разоблачения инстанций власти фашистской Германии» [6]. Творческое наследие В. Г. Зебальда, пожалуй, чаще других писателей становилось объектом научных исследований. Е. О. Хромова среди отечественных германистов прежде всего выделяет В. Н. Ахтырскую и Е. В. Соколову, которые не в пример английским и немецким ученым задали вектор многостороннего и разноуровневого изучения творчества одного из самых крупных современных немецких писателей [23]. Новизну предлагаемого исследования мы видим в попытке сопоставительного анализа указанных исторических романов, определении их принципиально различных жанровых черт, а также выявлении осознанной писателями «невыразимости» темы Холокоста.

У каждой исторической эпохи имеются свои области «невыразимого». «Выразить невыразимое» для Лорана Бине – найти слова, способные запечатлеть страшные события Второй мировой войны, связанные в том числе с «решением еврейского вопроса» в странах восточной Европы, прежде всего в Чехословакии. Элина Васильева в статье «Традиция и литература о Холокосте», рассматривая произведения русско-еврейских авторов, пишет о том, что «западная и восточная традиции по-разному оценивают это явление». Западное, и прежде всего французское литературоведение, констатировало существенное изменение литературы после Второй мировой войны, потому что «писать стихи после Освенцима – это варварство» (Т. Адорно). «Поведение человека во время войны изменяет представления о возможностях и этических ценностях человека в целом», поэтому «в противовес умозрительной литературе появляется литература, опирающаяся на документальные источники – свидетельства» [3].

Роман французского писателя Л. Бине «ННН» явился примером популярного сегодня как на Западе, так и в России жанра «non-fiction», максимально стремящегося к документальной достоверности повествования. На протяжении всего произведения автор не устает повторять, что пишет не «настоящее художественное произведение» [2, с. 232], не «настоящий роман» [2, с. 239] и тем более не «русский роман» [2, с. 233], а создает «новый тип отношений с читателем» [2, с. 55]. Бине на страницах своего произведения нередко ведет полемику с авторами исторических романов, например Дэвидом Чако, который не стал, по мнению Бине, «рабом собранного им материала» и позволял себе «запросто придумывать недостающее и не считать себя при этом обязанным отчитываться перед Историей». Бине называет его «ловким обманщиком» и «фокусником» [2, с. 213]. Допуская существование разного соотношения «ис-

торической правды» и «выдумки» в жанре исторического романа, писатель полагает, что в итоге «во всех случаях выдумка преобладает над Историей». Но ему «самому трудно решиться на такое» [2, с. 24], если речь идет об изображении событий Второй мировой войны. Заметим здесь, что при создании следующих своих романов, таких как «Седьмая функция языка» или «Цивилизация», Л. Бине включает исторические факты и реальных деятелей в «игру» вплоть до создания фейковых утопий¹. Но находится, по его выражению, «в рабстве у своей совести» [2, с. 329], рассказывая, например, о том, как нацисты уничтожили чешскую деревню Лидице в июне 1942 г. Тогда всех жителей среди ночи подняли ударами прикладов, выгнали из домов, мужчин здесь же расстреляли, детей отправили в газовые камеры лагеря смерти близ Хелмно. «Но и это еще не все. <...> Отдается приказ стереть Лидице не только с лица земли, но и с карты. В буквальном смысле. Кладбище осквернено, все строения сожжены, фруктовые деревья выдраны с корнем, а почва еще и посыпана солью – для уверенности, что здесь никогда ничего не вырастет. <...> Гитлер хочет показать, во что может обойтись вызов, брошенный рейху, и Лидице служит ему искупительной жертвой» [2, с. 332]. Л. Бине не допускает мысли, что этих фактов недостаточно и к ним можно что-то сочинить, применить какой-то художественный прием. Более того, по его мнению, даже некоторые документальные свидетельства и детали в строгом повествовании о тех чудовищных событиях могут быть избыточны.

Бине на страницах романа часто дает комментарии, рассказывает о своей работе с историческим материалом, принципах его отбора. От некоторых фактов отказывается в силу их видимой «анекдотичности», или сомнительности, или обнаружения нескольких версий одного и того же события и тогда делает вид, что «ничего подобного не читал» [2, с. 59]. В целом отдавая должное Д. Литтеллу и его роману на ту же тему («Благоволительницы»), Л. Бине критически оценивает отсутствие у писателя щепетильности в вопросах достоверности исторического повествования: «Если у Блобеля действительно был «опель», мне остается лишь преклонить голову перед исследовательскими талантами Литтелла. Но если это блеф, то это весьма ослабляет книгу <...> правдоподобное не значит достоверное» [2, с. 256]. В романе Л. Бине «ННН», в отличие от «Благоволительниц», нет ни одного вымышленного персонажа. На этот счет у писателя есть следующее рассуждение: «По-моему, придумывать персонажей для лучшего понимания исторических фактов – все равно что подделывать доказательства <...> приносить отягчающие улики на место преступления, когда их там и так полно» [2, с. 257–258]. Такой «отягчающей уликой», по мнению Бине, в романе Литтелла является герой-нарратор Максимилиан Ауэ: «Он кажется правдивым (некоторым читателям – тем, кого легко одурачить), ибо он – зеркало нашей эпохи, эпохи <...> постмодернистского нигилизма» [2, с. 272]. Это по-своему подтверждает французский критик Ив Буассело в статье «Благоволительницы: ироническая точка зрения» [26]. Говоря же об авторской стратегии в романе «ННН», отмечаем максимальное сближение нарратора и автора. Эта позиция предполагает включение в повествование, помимо рассуждений о жанре исторического романа, освещение обстоятельств личной жизни повествователя, а также весьма эмоциональную рефлексию, вплоть до полного слияния с историческими персонажами: «И вот наконец я – Габчик. Как же это говорят-то?.. Я вселяюсь в своего персонажа!» [2, с. 343]. По мнению Г. Юзефович, «Л. Бине не всегда удается удержаться в рамках, и потому документальные фрагменты оказываются щедро пересыпаны сбивчивыми и эмоциональными интерлюдиями» [24, с. 336].

«Благоволительницы» Д. Литтелла, как уже было замечено, представляют собой персонажное повествование, в котором роль хроникера событий Второй мировой войны выполняет ушедший от справедливого возмездия нацист Макс Ауэ². Яркую характеристику этому образу дал Ф. Бегбедер, назвавший Ауэ «конвейерным убийцей в изысканном кружевном белье под эсэсовским мундиром» [1, с. 264]³. Именно этот герой оказывает на читателя самое большое впечатление, а не документальные факты, также в изобилии приводимые писателем и используемые многими сочинителями романов о Второй мировой войне и Холокосте. Все отвратительные проявления плоти и духа Макса Ауэ (болезненные испражнения, бред, галлю-

¹ Подробнее см. нашу статью «Некоторые особенности изображения исторического прошлого в современной западноевропейской прозе» [15].

² Подробнее см. нашу статью «Преисподняя» в «Благоволительницах» Д. Литтелла: нарративные стратегии фантастического дискурса» [16].

³ В оригинале это звучит чуть иначе: «Les Bienveillantes sont les mémoires fictifs d'un assassin industriel reconverti dans la dentelle de Calais» [25, p. 249].

цинации, гомосексуализм, стремление к инцесту и т. п.) – не что иное, как реакция человеческой природы на поругание в себе образа сына Божия. «Нарративная стратегия «имплицитного» автора романа состоит в том, чтобы «искусить» читателя, вызвать негодование, физическую реакцию брезгливости и отвращения» [16, с. 46]. В качестве сверхзадачи Д. Литтелл в личных интервью обозначил свое желание добиться от читателей своего романа ощущения того, что все происходящее с Максом Ауэ касается каждого и любой, оказавшийся на его месте, мог стать палачом. Есть на этот счет и рассуждение героя: «Не поймите превратно: речь здесь не о чувстве вины и не об угрызениях совести. Они тоже присутствуют, я не отрицаю, но, уверен, все гораздо сложнее. Даже человек, который никогда не воевал, не убивал по приказу, прочувствует то, о чем я говорю. Припомнит мелкие подлости, трусость, лживость, мелочность – любому есть о чем сокрушаться» [13, с. 15].

Разное впечатление на читателя оказывает повествование в романах Л. Бине и Д. Литтелла о чудовищном преступлении нацистов в Бабьем Яру. В обоих романах на эти события читатель смотрит глазами нацистов: в «ННН» – штандартенфюрера СС Пауля Блобеля, под чьим руководством происходило уничтожение населения Украины, в «Благоволительницах» – вымышленного персонажа Макса Ауэ, участвующего в организации и проведении массовых казней. Л. Бине несколько отступает здесь от своей нарративной стратегии, пытается объяснить причины последовавшего пьянства и нервного срыва Блобеля. Земля здесь кажется ему живой: «комья ее прыгают вверх, как пробки от шампанского, она дымится, из-под нее вырываются пузырьки газа, образующегося при разложении тел. Запах ужасный. Блобель, разразившись идиотским смехом, объясняет свои гостям: «Вот они где – тридцать тысяч моих евреев!» – и широким жестом словно бы обнимает яр, похожий на огромный урчащий и булькающий живот» [2, с. 255].

Описанию казни евреев в Бабьем Яру Д. Литтелл отводит несколько страниц, подробно рассказывая обо всех этапах подготовки, а затем и проведения операции. Тот же Блобель незадолго до этого взрывает храм Успения Богородицы в Лавре. Дальнейшие события, детально восстанавливаемые писателем, имеют целью оказать сильное эмоциональное воздействие на читателей. И с учетом специфического свидетеля, участника и рассказчика повествование демонстрирует крен в сторону описания психического состояния исполнителей этого злодеяния, многие из которых от всего увиденного даже «теряли самообладание». Чтобы как-то успокоить личный состав, между немецкими офицерами пустили по кругу ром, который те безостановочно пили. «Поскольку расстрелы прекращать не разрешалось, столовую устроили чуть дальше, в низине, откуда не виден был овраг <...> когда вскрыли консервы и солдаты обнаружили в банках кровяную колбасу, они пришли в бешенство и подняли ужасный крик. <...> У них явно сдавали нервы» [13, с. 113]. Но наибольшее впечатление на читателей оказывает душевное состояние Макса Ауэ, описываемое на протяжении всего романа предельно натуралистично. Вынужденный спуститься в ров, чтобы добывать раненых, он «наступал прямо на трупы и страшно скользил, обмякшие белые тела перекатывались» под его сапогами, «кости предательски ломались», из-за чего он «постоянно оступался да еще по щиколотку увязал в грязи и крови». Его «пронизывало невыносимое отвращение <...> как <...> в сортире, полном тараканов» [13, с. 114]. Незабываемое впечатление на Ауэ оказывает красивая молодая еврейка, чьи глаза «наполняло невыносимое горе». « <...> ее взгляд пронзил меня насквозь, – вспоминает нацист, – я показался себе обыкновенной, грубо сделанной куклой, набитой опилками <...>, я с лихорадочной поспешностью пустил ей пулю в голову <...>, я стрелял и не мог остановиться, ее голова лопнула, как перезрелый плод» [13, с. 115]. В этом эпизоде рассказчик тоже не удерживает свое сознание: «вдруг моя рука отделилась от тела и поплыла над оврагом, стреляя по сторонам, я бежал следом, подзывал ее второй рукой, просил подождать, но она не хотела, издевалась надо мной и палила по раненым, вполне справляясь без меня, я остановился и расплакался» [13, с. 115–116]. Рефлексирующий герой-нацист есть свидетельство того, что литература – это «единственная среда, где имморализм способен высказываться, а следовательно роман Литтелла может <...> читаться как творческая самокритика литературы средствами самой же литературы» [9, с. 799].

Перед нами нацист и герой-нарратор, избежавший возмездия и спустя годы ищущий оправдания своим злодеяниям, перекадывающий вину на время, обстоятельства, государство, которому было безразлично, из каких соображений они убивают евреев: из ненависти, или для того чтобы сделать карьеру, или даже потому, что в некоторой степени получают от этого удовольствие. «Точно ему было безразлично», что они не испытывали ненависти ни к

евреям, ни к цыганам, ни к русским, что им «не доставляет никакой радости уничтожать их, абсолютно никакой радости» [13, с. 116]. Совершенно бесспорно сильнейшее эмоциональное воздействие, которое испытывает читатель от такого повествователя. Поиски им сочувствия вызывают прямо противоположный эффект: преступления фашистов, с трудом переносимые даже ими самими, от этого приобретают чудовищные масштабы.

С персонажным повествованием мы сталкиваемся и в романе «Аустерлиц» немецкого писателя В. Г. Зебальда. Но в отличие от автора «Благоволительниц» он скуп в использовании художественных средств: «приглаженно-обобщенные драматические и лирические приемы нередко препятствуют точности понимания ужасных событий» [8, с. 135]. Исследователи определяют жанровую природу этого произведения из ряда *documentary fiction* как гармоничное сочетание репортажа, путевой заметки, исторического очерка с включением в повествование фотографий, гравюр из старинных книг, планов городов, копий архивных документов и проч. [11]. В «*Campo santo*» Зебальд подвергает критике произведения немецких писателей 1950–1960-х гг., таких как Грасс, Андерш, Бёлль, раскрывавших тему Холокоста «не столько эмоционально, сколько сентиментально» и по возможности избегавших «знакомства с подробностями о жертвах фашистской системы» [8, с. 96]. В самом начале своего романа Зебальд сетует на то, «как мало мы в состоянии удержать в нашей памяти, как много всего постоянно предается забвению, с каждой угасшей жизнью...» [7, с. 31].

Рассказчиком о Холокосте на территории Праги во время Второй мировой войны является Жак Аустерлиц, чья семья пострадала во время немецкой оккупации, а сам он ребенком был вывезен в Англию. В этой части романа описываются практически те же события, которые легли в основу «ННН» Л. Бине. Главный герой в свои неполные пять лет потерял родину, близких, чудом избежал немецкого концлагеря и до конца своих дней чувствовал себя человеком без прошлого, мучительно пытавшимся вспомнить, кто он. Именно отсюда проистекает его обостренный интерес к материальному миру, дворцам, зданиям, памятникам как неоспоримым фактам человеческого присутствия. Вмонтированные в текст вырезки из туристических буклетов, выцветшие любительские фотографии, квитанции, почтовые открытки и прочие свидетельства существования Жака Аустерлица «и есть личный архив, головоломный пазл его жизни, который пытается сложить безымянный рассказчик» [11].

На значимую особенность главного героя-нарратора романа «Аустерлиц» указывает Е. В. Соколова, называя «одним из центров, формирующих этот текст как художественное целое», присутствие в нем австрийского философа Людвиг Витгенштейна, «и как личности, и как связанного с его именем комплекса идей». Его «этика памяти» о событиях Холокоста проявлялась в «категорическом отказе от недостаточно «аккуратного» (точного, бережного) объяснения человеческого страдания», поэтому будучи свидетелем и жертвой тех событий, он о них почти не говорил [18].

Трагедия изображаемых событий показывается в романе «Аустерлиц» прежде всего через страдания ребенка. Такое решение можно отнести к традиционным для данной темы, к нему в разные годы обращались Д. Бойн, Т. Биргер, М. Рольникайте, А. Вивьерка и многие другие. Но Зебальд при этом во многом оригинален. Он создает образ «искателя утраченного времени», переходит от конкретных эпизодов к воспоминаниям, вызванным какими-то деталями материального мира. Основной повествователь, альтер-эго автора, передает рассказы Жака Аустерлица, который в свою очередь вплетает в свои воспоминания отсылки к своим рассказчикам. И получается зачастую нечто совершенно необычное, даже не собственно прямая речь. Создается нечто вроде паутины, которая связывает всех со всеми. Это впечатление поддерживает и повествовательная манера «потока сознания» без текстового деления на абзацы с невероятно длинными синтаксическими конструкциями. История предстает неразрывным, неделимым потоком, что разрушает «официально санкционированную демонстрацию все более настойчиво заявляющей о себе потребности положить конец всему, что так или иначе питается жизненными соками прошлого» [7, с. 345]. Историческое повествование у Зебальда переплетается с углубленным психологизмом, передачей тончайших переживаний главного героя, который становится для автора романа воплощением «души истории». Это рождает у читателя щемящее чувство жалости к больному, несчастному, так и не нашедшему себя в этом мире человеку, пострадавшему из-за национальной принадлежности. Но справедливости ради заметим, что такая судьба в эпоху Второй мировой была не только у евреев.

Авторы всех трех романов «ищут контакта с читателем», включают в различные перспективы [14, с. 439]. Техника конструирования образа автора в «Аустерлице», в отличие от

двух других произведений, предполагает сюжетный контакт с главным героем, но при этом он дистанцирован от изображаемого мира [27]. «НННН» Л. Бине можно назвать «романом о написании романа» [14, с. 440], где авторское «самообнаружение» фиксируется и в рефлексии, и в комментариях по поводу подачи материала. Д. Литтелл на все изображаемые события смотрит глазами нациста, непосредственного участника «окончательного решения еврейского вопроса», которому «жалеть не о чем», потому что он лишь выполнял свою работу [13, с. 13].

Л. Бине, Д. Литтелл и В. Г. Зебальд осуществляют разные подходы к теме Холокоста. Бине, по его собственному признанию, создает «новый тип отношений с читателем», в котором повествователь не является нарратологической абстракцией и позволяет приблизиться к концептуальной позиции самого Л. Бине [21, с. 32–34]. Если Бине при изображении Холокоста предпочитает правдоподобию достоверность, то в числе специфических приемов Литтелла в «Благоволительницах» – «ненадежный нарратор», отрицательный герой, декларирующий имморализм и уход от наказания за свои злодеяния во время Второй мировой войны. В отличие от Л. Бине, Д. Литтелл зачастую показывает события Холокоста не с фактологической и даже не с эмоциональной, а с физиологической стороны. Зебальд в своем романе изображает не столько события Второй мировой войны, сколько их последствия, изломанную судьбу и исковерканную личность человека, попавшего в железные клещи нацистской машины. Главная задача писателя – уход от сентиментализма в раскрытии темы Холокоста, что осуществляется в том числе благодаря созданию «пограничного вида искусства, и вербального, и визуального» [23]. При этом большое количество фотографий выполняет не иллюстративную функцию, а передает «ощущения дезориентированности рассказчика в мире тотального сомнения в достижимости, возможности (и даже необходимости) «точного» именованного – точности языка» [18]. Каждый из авторов так или иначе высказывает свои сомнения в том, что возможно удержать в своей памяти и передать потомкам страшную правду о Второй мировой войне, найти слова, способные описать запредельные для человеческого разума события, в традиционных повествовательных формах «передать аутентичную попытку скорби» [8, с. 96]. Переинчивая замечание Семена Франка, можно сказать, что невыразимое постигается ими через постижение его невыразимости [22, с. 559], «невозможности выразить невыразимое» [20, с. 6]. Такой подход может быть назван своеобразной нарратологической универсалией, специфической особенностью отражения темы Холокоста в современной западноевропейской исторической прозе.

Список литературы

1. *Бегбедер Ф.* Конец света: первые итоги. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2014. 264 с.
2. *Бине Л.* НННН / пер. с фр. Н. Васильковой. М. : Фантом Пресс, 2016. 416 с.
3. *Васильева Э.* Традиция и литература о Холокосте. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/233177941.pdf> (дата обращения: 08.06.2024).
4. *Даниленко И. В.* Интердискурсивные аспекты французской историографической метапрозы (на материале произведений М. Турнье «Лесной царь» и Д. Литтелла «Благоволительницы»). URL: <http://e-lib.mslu.by/bitstream/edoc/11510/1/146-152.pdf> (дата обращения: 25.11.24).
5. *Еремин М.* Роман НННН. URL: <https://fastly.syg.ma/@mikhail-eremin/roman-pamiat> (дата обращения: 19.08.2023).
6. *Жиронкина Е. С.* Комическое в литературе о Холокосте: преодоление табу? URL: <http://el-ar.usru.ru/bitstream/usru/14450/1/fkls-2020-02-24.pdf> (дата обращения: 22.11.24).
7. *Зебальд В. Г.* Аустерлиц / пер. с нем. М. Кореновой. М. : Новое издательство, 2019. 362 с.
8. *Зебальд В. Г.* Campo santo / пер. с нем. Н. Федоровой. М. : Новое изд-во, 2020. 242 с.
9. *Зенкин С.* Джонатан Литтелл как русский писатель // Благоволительницы [И. Мельникова – пер. с фр.]. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 800 с. С. 786–798.
10. *Зозуля Н. М.* Визуальное воплощение эстетики воспоминания в романах В. Г. Зебальда «Кольца Сатурна» и «Аустерлиц». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-voploschenie-estetiki-vozpominaniya-v-romanaх-v-g-zebalda-koltsa-saturna-i-austerlits> (дата обращения: 01.12.24).
11. *Иванов А.* Бремя непережитого (об опыте прочтения романа «Аустерлиц» В. Г. Зебальда). URL: http://narodknigi.ru/journals/150/bremya_neperezhitogo/ (дата обращения: 04.06.2024).
12. *Карасик О. Б.* О Холокосте средствами постмодернизма (романы Дж. С. Фоера «Полная иллюминация» и Н. Краусс «Хроники любви»). URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/articles/karasik-o-holokoste.htm> (дата обращения: 19.11.24).
13. *Литтелл Д.* Благоволительницы [И. Мельникова – пер. с фр.]. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 800 с.
14. *Манн Ю. В.* Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Российская академия наук Института мировой литературы им. А. М. Горького. М. : Наследие, 1994. С. 431–480.

15. Мещерякова Л. А. Некоторые особенности изображения исторического прошлого в современной западноевропейской прозе // *Modern Humanities Success, Успехи гуманитарных наук*. 2023. № 2. С.123–126.
16. Мещерякова Л. А. «Преисподняя» в «Благовоительницах» Д. Литтелла: нарративные стратегии фантастического дискурса // *Современный ученый*. 2018. № 1. С. 46–49.
17. Русская проза рубежа XX–XXI вв. : учеб. пособие / под ред. Т. М. Колядич. М. : ФЛИНТА, 2019. 520 с.
18. Соколова Е. В. Фигура и круг идей Людвига Витгенштейна в «Аустерлице» В. Г. Зебальда. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/figura-i-krug-idey-lyudviga-vitgenshteyna-v-austerlitse-v-g-zebalda> (дата обращения: 27.11.24).
19. Татаринов А. В. Роман как явление литературности // *Современный роман: русский и зарубежный (сборник статей) / под ред. А. В. Татаринова*. Краснодар : ZARLIN, 2010. 231 с.
20. Токарев Д. О «невыразимо выразимом» (Вместо предисловия). «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте : сборник статей / сост. и научная редакция Д. В. Токарева. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 572 с.
21. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию : научно-учебное пособие для самостоятельной исследовательской работы. М. : Intrada, 2016. 145 с.
22. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // *Сочинения*. М. : Правда, 1990. 559 с.
23. Хромова Е. О. Зебальд в русском литературоведении. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-g-zebald-v-russkom-literaturovedenii> (дата обращения: 25.11.24).
24. Юзефович Г. Л. Таинственная карта. Неполный и неокончателный путеводитель по миру книг. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. 511 с.
25. Beigbeder F. Premier bilan après l'apocalypse : essai. Paris : Grasset, 2011. 429 p.
26. Boisseleau Y. Les Bienveillantes: une position ironique // *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Etudes réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. Pp. 277–298.
27. Crownshaw R. Reconsidering Postmemory: Photography, the Archive, and Post-Holocaust Memory in W. G. Sebald's *Austerlitz*. URL: https://www.academia.edu/18273155/Reconsidering_Postmemory_Photo-graphy_the_Archive_and_Post_Holocaust_Memory_in_W_G_Sebald's_Austerlitz (дата обращения: 25.11.24).
28. Grethlein J. Myth, Morals, and Metafiction in Jonathan Littell's *Les Bienveillantes*. URL: https://www.researchgate.net/publication/262081851_Myth_Morals_and_Metafiction_in_Jonathan_Littell's_Les_Bienveillantes (дата обращения: 25.11.24).
29. Zilcosky J. Lost and Found: Disorientation, Nostalgia, and Holocaust Melodrama in Sebald's *Austerlitz*. URL: https://www.academia.edu/30592723/Lost_and_Found_Disorientation_Nostalgia_and_Holocaust_Melodrama_in_Sebalds_Austerlitz_2006 (дата обращения: 02.12.24).

"To express the inexpressible" as a super-task of the Western European novel about the Holocaust ("The Well-wishers" by D. Littell, "HHhH" by L. Binet and "Austerlitz" by V. G. Zebald)

Meshcheryakova Larisa Alexandrovna

PhD in Philological Sciences, associate professor of Literature and Methods of Teaching Literature,
Penza State University. Russia, Penza. ORCID: 0000-0002-9416-8220. AuthorID: 79053655419.
E-mail: lam050499@gmail.com

Abstract. The article analyzes some features of the narrative in modern Western European novels dedicated to the theme of the Holocaust. The purpose of the work is to identify the specific features of the works of this subject. The research is based on the material of "The Well-wishers" by D. Littell, "HHhH" by L. Binet and "Austerlitz" by V. G. Zebald. To date, no comparative analysis of the genre features of these novels has been undertaken. This determines the relevance of this work. In the course of studying the works, the principles of cultural-historical, comparative-historical, comparative-typological methods, as well as the method of narrative analysis were used. It is established that L. Binet contrasts the narrative manner in his infra-novel "HHhH" with that which dominates in D. Littell's "The Well-Wishers" and can be called classical: it does not allow fictional persons and events, artistic methods of representation, demonstrates the maximum convergence of the author and the narrator. An appeal to Roman D. Littell allows you to see the diametrically opposite author's strategy. The "character-based" narrative brings "The Well-wishers" closer to the novel by V. G. Zebald. The sparse use of visual and expressive means in the novel "Austerlitz" allows us to draw a number of parallels with L. Binet's "HHhH". The discovery of various genre models of the historical novel in the process of research allows us to see in each work the authors' desire to find means capable of describing events beyond the human mind. In conclusion, we conclude that L. Binet, D. Littell and V. G. Zebald is brought closer by the realization of the impossibility of "expressing the inexpressible," which can be called a kind of narratological universal, a specific fea-

ture of reflecting the theme of the Holocaust in modern Western European historical prose. This designation contains the novelty of the proposed research.

Keywords: the "ineffability" of the Holocaust theme, historical novel, narrative strategies, genre reflection.

References

1. Begbeder F. *Konec sveta: pervye itogi* [The end of the world: the first results]. SPb. Azbuka : Azbuka-Atticus, 2014. 264 p.
2. Binet L. *HHhH* [HHhH] / transl. from French by N. Vasilkova. M. Phantom Press, 2016. 416 p.
3. Vasil'eva E. *Tradiciya i literatura o Holokoste* [Tradition and literature about the Holocaust]. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/233177941.pdf> (date accessed: 08.06.2024).
4. Danilenko I. V. *Interdiskursivnye aspekty francuzskoj istoriograficheskoj metaprozy (na materiale proizvedenij M. Turn'e "Lesnoj car'" i D. Littella "Blagovolitel'nicy")* [Interdiscursive aspects of French historiographical meta-prose (based on the works of M. Tournier "The King of the Forest" and D. Littell "The Well-wishers")]. Available at: <http://e-lib.mslu.by/bitstream/edoc/11510/1/146-152.pdf> (date accessed: 25.11.24).
5. Eremin M. *Roman HHhH* [Roman HHhH]. Available at: <https://fastly.syg.ma/@mikhail-eremin/roman-pamiat> (date accessed: 19.08.2023).
6. Zhironkina E. S. *Komicheskoe v literature o Holokoste: preodolenie tabu?* [The comic in the literature about the Holocaust: overcoming taboos?] Available at: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/14450/1/fkls-2020-02-24.pdf> (date accessed: 22.11.24).
7. Zebal'd V. G. *Austerlic* [Austerlitz] / transl. from German by M. Koreneva. M. New Publishing House, 2019. 362 p.
8. Zebal'd V. G. *Campo santo* [Campo santo] / transl. from German by N. Fedorova. M. New Publishing House, 2020. 242 p.
9. Zenkin S. *Dzhonatan Littell kak russkij pisatel'* [Jonathan Littell as a Russian writer] // *Blagovolitel'nicy – The well-wishers*. Melnikova – transl. from French. M. Adam Press, 2013. 800 p. Pp. 786–798.
10. Zozulya N. M. *Vizual'noe voploshchenie estetiki vospominaniya v romanah V. G. Zebal'da "Kol'ca Saturna" i "Austerlic"* [The visual embodiment of the aesthetics of memory in the novels of V. G. Zebald "Rings of Saturn" and "Austerlitz"]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-voploshchenie-estetiki-vospominaniya-v-romanah-v-g-zebalda-koltsa-saturna-i-austerlits> (date accessed: 01.12.24).
11. Ivanov A. *Bremya neperezhitogo (ob opyte prochteniya romana "Austerlic" V. G. Zebal'da)* [The burden of the undone (about the experience of reading the novel "Austerlitz" by V. G. Zebald)]. Available at: http://narodknigi.ru/journals/150/bremya_neperezhitogo/ (date accessed: 04.06.2024).
12. Karasik O. B. *O Holokoste sredstvami postmodernizma (romany Dzh. S. Foera "Polnaya illyuminaciya" i N. Krauss "Hroniki lyubvi")* [About the Holocaust by means of postmodernism (novels by J. S. Foer "Full Illumination" and N. Krauss "Chronicles of Love")]. Available at: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/articles/karasik-o-holokoste.htm> (date accessed: 19.11.24).
13. Littell D. *Blagovolitel'nicy* [The well-wishers [I. Melnikova – transl. from French]]. M. Adam Press, 2013. 800 p.
14. Mann Yu. V. *Avtor i povestvovanie* [The author and the narrative] // *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya – Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness / The Russian Academy of Sciences of the Gorky Institute of World Literature*. M. Nasledie (Heritage), 1994. Pp. 431–480.
15. Meshcheryakova L. A. *Nekotorye osobennosti izobrazheniya istoricheskogo proshlogo v sovremennoj zapadnoevropejskoj proze* [Some features of the depiction of the historical past in modern Western European prose] // *Modern Humanities Success, Uspekhi gumanitarnyh nauk – Modern Humanities Success, Successes of the Humanities*. 2023. No. 2. Pp. 123–126.
16. Meshcheryakova L. A. *"Preispodnyaya" v "Blagovolitel'nicah" D. Littella: narrativnye strategii fantasticheskogo diskursa* ["Hell" in D. Littell's "The Well-wishers": narrative strategies of fantastic discourse] // *Sovremennyj uchenyj – Modern Scientist*. 2018. No. 1. Pp. 46–49.
17. *Russkaya proza rubezha XX–XXI vv. : ucheb. posobie – Russian prose of the turn of the XX–XXI centuries : textbook / ed. by T. M. Kolyadich*. M. FLINT, 2019. 520 p.
18. Sokolova E. V. *Figura i krug idej Lyudviga Vitgenshtejna v "Austerlice" V. G. Zebal'da* [The figure and circle of ideas of Ludwig Wittgenstein in "Austerlitz" by V. G. Zebald]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/figura-i-krug-idej-lyudviga-vitgenshtejna-v-austerlitse-v-g-zebalda> (date accessed: 27.11.24).
19. Tatarinov A. V. *Roman kak yavlenie literaturnosti* [The novel as a literary phenomenon] // *Sovremennyj roman: russkij i zarubezhnyj (sbornik statej) – Modern novel: Russian and foreign (collection of articles) / ed. by A. V. Tatarinov*. Krasnodar. ZARLIN, 2010. 231 p.
20. Tokarev D. O *"nevyrazimo vyrazimom" (Vmesto predisloviya). "Nevyrazimo vyrazimoe": ekfrasis i problemy reprezentacii vizual'nogo v hudozhestvennom tekste : sbornik statej* [About the "inexpressibly expressive" (Instead of the preface). "The Inexpressibly expressible": ecphrasis and problems of visual representation in a literary text : collection of articles] / comp. and the scient. ed. office of D. V. Tokarev. M. New Literary Review, 2013. 572 p.

21. Тура В. И. *Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu : nauchno-uchebnoe posobie dlya samostoyatel'noj issledovatel'skoj raboty* [Introduction to comparative narratology : scientific textbook for independent research]. М. Intrada, 2016. 145 p.
22. Frank S. L. *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii* [The incomprehensible. An ontological introduction to the philosophy of religion] // *Sochineniya – Essays*. М. Pravda (Truth), 1990. 559 p.
23. Hromova E. O. *Zebal'd v russkom literaturovedenii* [Zebald in Russian literary criticism]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-g-zebald-v-russkom-literaturovedenii> (date accessed: 25.11.24).
24. Yuzefovich G. L. *Tainstvennaya karta. Nepochat'nyj i nekonchatel'nyj putevoditel' po miru knig* [The mysterious map. An incomplete and inconclusive guide to the world of books]. М. AST : Edited by Elena Shubina, 2020. 511 p.
25. Beigbeder F. *Premier bilan après l'apocalypse : essai*. Paris : Grasset, 2011. 429 p.
26. Boisseleau Y. *Les Bienveillantes: une position ironique* // *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Etudes réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. Pp. 277–298.
27. Crownshaw R. *Reconsidering Postmemory: Photography, the Archive, and Post-Holocaust Memory in W. G. Sebald's Austerlitz*. Available at: https://www.academia.edu/18273155/Reconsidering_Postmemory_Photography_the_Archive_and_Post_Holocaust_Memory_in_W_G_Sebald's_Austerlitz (date accessed: 25.11.24).
28. Grethlein J. *Myth, Morals, and Metafiction in Jonathan Littell's Les Bienveillantes*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/262081851_Myth_Morals_and_Metafiction_in_Jonathan_Littell's_Les_Bienveillantes (date accessed: 25.11.24).
29. Zilcosky J. *Lost and Found: Disorientation, Nostalgia, and Holocaust Melodrama in Sebald's Austerlitz*. Available at: https://www.academia.edu/30592723/Lost_and_Found_Disorientation_Nostalgia_and_Holocaust_Melodrama_in_Sebalds_Austerlitz_2006_ (date accessed: 02.12.24).

Поступила в редакцию: 12.07.2024

Принята к публикации: 10.12.2024

Эволюция образа оружия в прозе Владислава Крапивина

Комин Максим Вадимович

аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества,
Тверской государственной университет. Россия, г. Тверь. ORCID: 0009-0000-0323-8290.
E-mail: mvkomin@gmail.com

Аннотация. Представленная статья посвящена изучению творчества известного отечественного детского писателя Владислава Крапивина. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостатком работ, раскрывающих проблематику системы образов в прозе В. П. Крапивина. Целью работы является описание эволюции образа оружия в прозе В. П. Крапивина на протяжении творческого пути писателя. Объектом анализа послужили отдельные рассказы, повести и романы, созданные В. П. Крапивиним в разное время – на этапах раннего (1960-е гг.), среднего (1970–1980-е гг.) и позднего (1990–2000-е гг.) творчества автора.

По итогам проведенного исследования установлено, что в раннем творчестве Крапивина самодельное оружие в играх ребят отражает советскую концепцию военно-патриотического воспитания, военная игрушка воспитывает в «крапивинских мальчиках» уважение к оружию, служащему защите Родины. В период романического творчества (1970–1980-е гг.) излюбленным оружием крапивинского героя становится шпага. В романе «Мальчик со шпагой» (1975) занятия в фехтовальном клубе играют ключевую роль на пути нравственного становления Сережи: подражая мушкетерам из книг А. Дюма, мальчик укрепляет чувство собственного достоинства, самоотверженно отстаивает правду и защищает своих друзей. С 1990-х гг. образ оружия в прозе Владислава Крапивина приобретает подчеркнуто негативный окрас. В условиях политического хаоса, междоусобных войн и терактов оружие предстает источником смерти, боли, разрушений. В постсоветских произведениях Крапивина герои испытывают ненависть к оружию, сломавшему их судьбы, а игрушечное оружие исчезает из детских забав. Писатель занимает позицию пацифизма. Настоящая работа вносит вклад в изучение системы образов и проблем творческой эволюции прозы Владислава Крапивина и открывает перспективы для дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: «крапивинский мальчик», оружие, военные игры, защита, агрессия.

Первый авторский сборник рассказов В. П. Крапивина «Мальчишки – мои товарищи» был опубликован в Свердловске в 1962 г. Уже в дебютных рассказах начинавшего творческий путь писателя («Костер», «Минное заграждение») присутствуют образы игрушечного оружия и описания военных игр ребят. Приведенные рассказы следует рассматривать в контексте информационной, социокультурной обстановки времени их создания: в начале 1960-х гг. в советском обществе еще свежи воспоминания о Великой Отечественной войне, оформление блоков НАТО (1949) и ОВД (1955) знаменует ужесточение «Холодной войны» между США и СССР, Карибский кризис 1962 г. ставит мир на грань ядерной катастрофы. В условиях потенциальной военной угрозы педагогической доминантой советского государства является воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, сплоченности, верности гражданскому долгу, готовности встать на защиту Родины. Наряду с довоенными произведениями, воспевающими подвиги юных героев революции («Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове» (1933) А. П. Гайдара, роман «Макар-Следопыт» (1925) Л. Остроумова), в советской детско-юношеской литературе получают распространение произведения о пионерах-героях, с оружием в руках защищавших Отечество от немецко-фашистских захватчиков (например, повесть Ю. М. Королькова «Партизан Лёня Голиков» (1955), поэма М. А. Познанской «Валя Котик» (1954)). В советской педагогике и системе социокультурных установок важное значение придавалось воспитанию мальчиков как будущих защитников Отечества, что получило отражение в ранних рассказах Владислава Крапивина.

Герои крапивинского рассказа «Костер» (1960) стремятся схватить «вражеского часового»: «На листьях кустарника метались отблески костра. А в кустах сидели Димка, Владик и Вовка. У них была задача: поймать того, кто разжигал костер. С ребятами соседней улицы у них была война, и мальчишка, возившийся у костра, мог быть только часовым передового поста противника.

– Пора, – сказал командир Димка. Шнурок висевшего на шее автомата натирал ему кожу, а рукоятка деревянного кинжала, засунутого за резинку трусов, больно уперлась в живот [14, с. 9].

В рассказе В. П. Крапивина «Минное ограждение» (1960) Сашка защищает воображаемую «границу» от нападения «дикой конницы»: «Сашка лежит между маленьких сосенок. Он держит под рукой вырезанный из доски автомат. <...> Пригибаясь, чтоб не заметили, собрал Сашка пучок синих флажков и огородил ими полянку... Потом он ухватил за шиворот зазевавшегося Дозора, и оба они покинули новое минное поле. <...> На «границе» спокойно...» [14, с. 15–16].

Игрушечное оружие (деревянный кинжал, автомат) в забавах советских детей служит воспитанию уважительного отношения к настоящему оружию и профессии военного. Такая игрушка способствует социализации мальчиков, моделированию социальной реальности военного дела, игровому перевоплощению в образ военного, воспитанию необходимых нравственных качеств: смелости, решительности, умения преодолевать трудности. Оружие предстает средством защиты страны, охраны границ Родины (Сашка ограждает полянку флажками, обозначив «минное поле» на рубеже).

В рассказе «Бегство рогатых викингов» самодельное «боевое снаряжение» ребят описано В. П. Крапивинным в комичном ключе: «По дороге шло грозное войско. <...> Но удивительней всего оказались шлемы. Чего здесь только не было! Ржавые каски, кастрюли с прорезями для глаз, колпаки от автомобильных фар, алюминиевые тазики. И каждый шлем был с рогами! Рога из железных трубок, из проволоки, из жести – припаянные, приклепанные, прикрученные – торчали грозно и вызывающе. Самохин шел первым. На нем сверкал никелированный чайник. Из носика чайника получился отличный рог. Второй рог – такой же – был припаян с другой стороны. <...> Над щитами, над шлемами гордо подымались копыя. Мочальные хвосты и пестрые флажки реяли у наконечников» [12, с. 17]. Автором показано богатство мальчишеской фантазии, способной превратить в боевое облачение и грозное оружие викингов самые обычные бытовые предметы. Вместе с тем оружие, с которым обращаются ребята в ранних рассказах В. П. Крапивина, является подчеркнута ненастоящим: деревянный кинжал, «вырезанный из доски автомат», копыя из жердей с мочальными хвостами. При прочтении и восприятии приведенных образов отсутствуют ассоциации смерти, ранения, боли, уничтожения. Представленное оружие остается всего лишь игрушкой, не способной причинить реальный вред и принести в мир разрушения, страдания.

Для творчества Владислава Крапивина 1970–1980-х гг. характерен романтизм, мотивы борьбы за правду, свободу и справедливость, отсылки к приключенческим произведениям А. Дюма, Р. Сабатини. Особым оружием, значимым для «крапивинского мальчика», становится шпага: она вынесена в заглавие романа «Мальчик со шпагой» (1975). Его главный герой, Сережа Каховский, с интересом посещает фехтовальный клуб, открытый Олегом Московичевым: «Олег принес в клуб сетчатые маски, четыре стеганых нагрудника, книгу «Три мушкетера» и букет новеньких рапир. Когда рапиру брали в руки, тонкая зеркальная сталь клинка чутко дрожала, словно в ожидании схватки» [11, с. 98]. В представлении крапивинских героев, читающих книги Дюма, шпага выступает неизменным оружием мушкетера – человека чести. Благородство, верность слову, неотступная защита правды и справедливости становятся важнейшими принципами «кодекса чести» крапивинского «мальчика-мушкетера», из игр в мушкетеров юные герои переносят эти установки в реальную жизнь. Типичный крапивинский мальчик-протагонист – «длинноволосый и утонченный, романтик, мечтатель и любитель приключений» [1, с. 61]. При этом «крапивинского героя отличают твердая вера в добро и обостренное чувство справедливости, при всей своей внешней беззащитности он не раздумывая бросается в бой с любым злом и подлостью» [2, с. 81].

В сюжетах В. П. Крапивина шпага становится символом защиты чести и достоинства, настоящему благородным оружием. В своих фантазиях Джонни Воробьев, представляя себя мушкетером, спасает девочку-принцессу от хулиганов – гвардейцев кардинала: «Джонни подергивает отвороты на ботфортах и выходит на середину мостовой. Правой рукой вынимает шпагу» [12, с. 86]. При помощи навыков фехтования Сережа Каховский в действительности дает отпор нападавшей дворовой банде, защищает своих друзей.

Поединок на шпагах подчинен строгим правилам («Клинок выбит, нельзя колоть!» [11, с. 146]), мальчиков привлекает его эстетика и динамика: «Голованов от неожиданности на миг остановил свой клинок. Тут же Серёжа снизу вверх нанес по нему скользкий удар. Женькина рапира взмыла под потолок, а Серёжа вошел в глубокий выпад. Есть!» [11, с. 146].

Звон шпага на занятиях сливается с радостным смехом играющих друзей: «Звон рапир и смех Данилки Вострецова» [11, с. 122]. Шпагой может владеть лишь подготовленный человек, это оружие неподвластно обывателю, что позволяет отнести его к категории «элитного». Вместе с тем Сережа Каховский никогда не ставит себя выше других ребят и не полагается на одну только силу оружия: «Да, я помню, что говорил д'Артаньян. Не тот молодой и отчаянный, из «Трех мушкетеров», а старый, поседевший в боях д'Артаньян из длинного и печального романа «Виконт де Бражелон». Он говорил, что не в умении владеть шпагой заключается доблесть и честь человека. Она в самом человеке...» [11, с. 150]. Подражание владеющим шпагой героям приключенческих книг побуждает «крапивинских мальчиков» ко внутренней работе над собой, искоренению своих недостатков и развитию нравственных качеств – чувства собственного достоинства, смелости, решительности. В представлении крапивинского протагониста сила духа неизменно превалирует над мощью оружия. Сережа Каховский обретает неколебимую уверенность и разгоняет уличную банду хулиганов, несмотря на то, что вместо шпаги в его руках оказывается обычная жердь от забора: «До сих пор он не думал об оружии. Но сейчас, ощутив под рукой деревянный брусок, он вспомнил все, что надо: Олега с рапирой, свечи, серебристый вихрь клинка» [11, с. 207].

В романе В. П. Крапивина «Журавленок и молнии» (1983) Журка остается ночью на страже лагеря с незаряженной винтовкой: «Ночь стояла пасмурная, кое-где под тучами загорались отблески молний. Страшно было даже у палаток <...>. А Журке выпало по жребию стоять в карауле у дальней границы походного лагеря. Ему вручили пневматическую винтовку без пуль и велели стрелять вхолостую, если появится что-нибудь подозрительное. Отвели его на место и оставили одного» [8, с. 55]. Полагаясь лишь на собственные силы и преодолевая страх, мальчик достойно справляется с испытанием. Сталкиваясь с опасностью, герои В. П. Крапивина не возлагают на оружие первоочередных надежд: незаряженная пневматическая винтовка Журки показана подчеркнуто бессильной на фоне непроглядного ночного леса с разразившейся над ним грозой. По мысли писателя, истинная сила человека заключается в чистоте души, верности долгу и дружбе: «Можно бояться и все равно стоять прямо. Потому что есть эмблема с конниками и солнцем, есть друзья, рапиры, слова клятвы» [11, с. 207].

Значимое место в жизни клуба «Эспада» занимает проведение фехтовальных турниров: в этом ключе шпага предстает спортивным оружием, которое позволяет продемонстрировать силу, ловкость, уровень подготовки участника, но при этом не является орудием боя, не предназначено для причинения смерти или увечий. В повести В. П. Крапивина «Оруженосец Кашка» (1966) ребята организуют в летнем лагере турнир по стрельбе из лука: «Когда в руках у Володи растягивался длинный тонкий лук, в Кашке тоже что-то натягивалось и дрожало. А когда щелкала тетива, Кашка вздрагивал, и сердце у него срывалось. И в тот короткий миг, пока стрела летела к цели, он много раз успевал повторить про себя: «Попади! Ну попади же! Попади обязательно!» <...> Это желание было где-то позади другого, самого главного, которое называлось "Володина победа"» [13, с. 120]. Игры и соревнования со спортивным оружием в сюжетах В. П. Крапивина способствуют сближению героев: ребята интересно проводят время, учатся слаженно работать в спортивной команде и разрешают возникающие противоречия мирным способом. Овладение спортивным оружием сопряжено с воспитанием силы воли, выдержки, упорной борьбой за победу: преодолевая трудности, Кашка справляется с ролью Володиноного оруженосца на турнире и обретает надежного старшего друга.

В поздней прозе Владислава Крапивина образ оружия переносит существенную трансформацию и обретает подчеркнуто негативный окрас. Распад СССР и последовавший политический кризис 1990-х гг. приводят к росту социальной напряженности, преступности, возникновению «горячих точек», что находит отражение в постсоветском творчестве писателя, переживавшего за судьбу своей страны. Отныне оружие на страницах его книг предстает средством совершения преступлений, террористических актов, насилия над слабыми, особенно – детьми: «Как они изменятся? Кто? <...> Бен-Ладен? Или те сволочи, что недавно кинули гранату в окно детского сада?!» [17, с. 72]. Оружие – неременный атрибут бандитского разгула «лихих девяностых»: в повести «Лето кончится не скоро» (1995) отец Шурки Полушкина расстрелян у подъезда на глазах сына. Беспощадные выстрелы переворачивают жизнь мальчика. Сотрудничавший с бандитами следователь Хорченко не намерен расследовать убийство, при этом он обвиняет самого Шурку в краже отцовского пистолета, доводя мальчика до отчаяния: «Один раз я не выдержал, как заору на этого Хорченко: <...> «Если, – говорю, – была бы у меня эта пушка, разве бы вы, гады, ходили живые? Вы – одна лавочка с бандитами...» [10, с. 76].

И все же в силу прочных моральных убеждений герои Крапивина, не желая увеличивать зло в мире, отказываются брать в руки оружие даже в боевой обстановке и выходят навстречу вооруженным врагам безоружными: данный сюжетный ход использован писателем во многих произведениях. Кульминацией повести «Выстрел с монитора» (1989) становится сцена, в которой двенадцатилетний Галиен Тукк, защищавший родной город Реттерхальм, смело смотрит в глаза матросам расстрельной команды: «Галька увидел черные дула, прижался спиной к мачте. Мачта была железная, круглые заклепки впились в спину. «Как пули, – мелькнуло у Гальки. – Только с той стороны». И еще представилось, как пули пройдут навывлет и горячо расплющатся под спиной о металл. Но этого он уже не почувствует» [6, с. 102]. В романе «Рыжее знамя упрямства» (2006) пленный Саня Салазкин не теряет силу духа под угрозами вооруженных чеченских боевиков: «Дружок его тоже скалится, гладит автомат. И понял я: все равно убьют, хоть сделайся я самым-самым мусульманином. Не оставят в живых русского свидетеля, который видел эти головы... Вцепился в автомат, рванул, кинул через бедро этого Саидова приятеля» [15, с. 81]. В повести «Рассекающий пенные гребни» (1998) мальчик Даниэль Дегар поступает во французскую армию барабанщиком, чтобы, защищая интересы Отечества на войне, все же не убивать людей собственными руками. Вступая в открытое противостояние безоружными, герои В. П. Крапивина всякий раз удивительным образом выходят победителями, поражая врагов силой духа, отвагой, находчивостью и решительностью.

По мысли писателя, самое сокрушительное оружие в руках злых людей в конечном счете бессильно перед чистотой души и правдой устремлений. В повести «Самолет по имени Серёжка» (1994) Сергей, превратившись в самолет, спешит на помощь людям в район боевых действий: «Тогда по южным границам там и тут гремели гражданские войны <...>. И вот Сережка надумал помочь там кому-то. Или продукты сбросить беженцам, или, может, малыша какого-то вывезти из-под огня» [16, с. 183]. Мирный самолет Серёжка терпит крушение под обстрелом на побережье, но в финале повести чудесным образом воскресает и, победив смерть, возвращается к Ромке из Заоблачного города. Вражеское оружие отняло у него земную жизнь и способность превращаться в самолет, но не смогло поразить его светлую детскую душу. В повести «Выстрел с монитора» (1989) плененный врагами Галька останавливает выпущенный по Реттерхальму снаряд силой взгляда и мысли: «Он вцепился в падающую бомбу глазами. Каждым своим нервом, всем своим отчаянием он словно стремился задержать в полете этот смертельный метеор. <...> Снаряд упал за остров. Сейчас грохнет! Сейчас... Сей... что? Тонко звенела в ушах тишина. Да где-то, кажется, раздался всплеск...» [6, с. 97]. Искренняя боль мальчика за свой родной город и его мирных жителей отводит смертоносный снаряд.

На фоне религиозного возрождения в России с конца 1980-х гг. в прозе Владислава Крапивина появляются христианские мотивы, «духовный реализм как художественный метод занимает значимое место в творческом инструментарии писателя» [3, с. 381]. В романе «Бронзовый мальчик» (1994) В. П. Крапивиним показано, что выдержать обстрел английской эскадры Соловецкому монастырю помогает прежде всего духовная опора: «настоятель архимандрит Александр, который шпаги, естественно же, не имеет. <...> Невзирая на отсутствие личного оружия и склонностей к бранным утехам, отец Александр тем не менее, уповая на Божью помощь, надеется постоять за веру и землю Русскую. <...> В ответ на дерзость загремели орудия «Бриска» и «Миранды», посылая в крепость громадные бомбические снаряды. Десять монастырских пушек отвечали бодро и умело. В церквях зазвонили колокола. Более девяти часов продолжалась канонада, но древние каменные стены были чересчур прочны. Мало того! В подзорные трубы можно было разглядеть, что никто из бесстрашных участников крестного хода, двигавшегося вокруг обители по стенам, ничуть не пострадал, хотя ядра не раз пробивали деревянную крышу галереи» [4, с. 338]. Превосходство в оружии само по себе не является залогом победы: снаряженная сильнейшими орудиями английская эскадра не смогла взять штурмом древний монастырь. В пространстве крапивинского текста колокольный звон противопоставлен грохоту пушек и затмевает шум сражения. Незримая божественная защита укрывает участников крестного хода, делая их неуязвимыми для вражеских выстрелов. По мысли В. П. Крапивина, победы русского оружия были одержаны в первую очередь благодаря силе духа и веры русских людей.

Коренное изменение отношения героев к оружию наглядно показано В. П. Крапивиним в повести «Взрыв генерального штаба» (1996), пронизанной идеями гуманизма, пацифизма, антимилитаризма. В начале повести воспитанник военного корпуса Лен, не сомневающийся в словах генералов, восхищен своей армией, победами и славой оружия. Генерал подбадривает

отправленного на секретное задание Лена, обещая вручить мальчику собственный кортик: «оружие, похожее на маленький меч, висело на цепочках, спускавшихся из-под генеральского мундира – у бедра с лампасом. В темно-зеленых кожаных ножнах с оковками, с золотистой витой рукояткой. Слезы на веснушчатых щеках стремительно высыхали. Лён сдвинул каблук гвардейских ботинок» [5, с. 17]. Поначалу кортик генерала видится Лёну подлинным символом чести, военной доблести, ради получения наградного оружия Лен соглашается на выполнение опасного задания. Однако в приморском городе Лен становится свидетелем того, как его армия беспричинно обстреливает праздничную площадь: «Лён сидел на корточках и видел, как с машины, декорированной под старый фэзтон, лупит по кукольному театру дядька в клетчатом костюме арлекина. Длинными очередями, от живота. Профессионально! «Бэодин» бился в его крепких пальцах и злорадно ревел! <...> С машины дали по сцене еще одну очередь и кинули взрывпакет. Холщовый задник пылал, сыпались доски. С помоста прыгали. <...> Люди кричали и бежали» [5, с. 24]. Постепенно Лен приходит к осознанию того, что в действительности оружие редко служит защите правды и справедливости, как об этом говорится в армейских воззваниях, на деле его чаще применяют во зло. На глазах мальчика разворачивается не героическое сражение, а массовое убийство мирных безоружных людей. Позже Лен с ужасом узнает о том, что Объединенный Генеральный штаб заранее планирует ход всех войн на планете, объемы поставок армиям оружия и масштабы его применения: «А вот если едет автобус, а по нему стреляют из кустов... гранатами... Это, значит, все равно, да? <...> Неважно, кто стрелял, да? Все равно по вашему приказу?» [5, с. 85]. В конце повести герой исполнен ненависти и отвращения к оружию, которое утрачивает для него былую привлекательность и отныне напрямую ассоциируется исключительно со смертью, страданиями, насилием, жестокостью, подлостью. В кульминационном конфликте Лен уничтожает проект секретного климатического оружия прямо на глазах у командования Объединенного Генерального штаба, понимая, что тем самым обрекает себя на верную гибель. «Крапивинский мальчик» жертвует своей жизнью ради того, чтобы разрушительное оружие не было приведено в действие, спасая тем самым от мучительной смерти многих людей.

С 1990-х гг., наполненных войнами, стрельбой и разрушениями, из жизни «крапивинских мальчиков» уходят военные игры, отдавая место мирным забавам. Ашотик, потерявший родителей в военном конфликте, не имеет военных игрушек, способных вернуть его к тяжелым воспоминаниям: «На тахте валялись плюшевые игрушки, вагончики электрической дороги и детали конструктора. Ашотик аккуратно убрал с тахты мохнатого тигренка» [7, с. 59]. В повести «Колесо Перепелкина» (2003) Вася отказывается от компьютерных игр-стрелялок с оружием и насилием: «Скоро компьютерные забавы Васе приелись. Они были похожи одна на другую. Там все время надо было куда-то бежать, кого-то догонять, в кого-то стрелять, чтобы тебя самого не подстрелили или не взорвали» [9, с. 28]; «Компьютер новый, а игры все те же. Мордобой...» [9, с. 114]. В своих мирных играх крапивинские герои пытаются построить новый мир, в котором нет места войнам, оружию и насилию: в повести «Лето кончится не скоро» (1995) ребята строят из песка волшебный город, играют в «дразнилки и щекоталки», Кустик сочиняет для друзей сказку о приключениях Кудрика и Мудрика на далекой планете – в поздних произведениях В. П. Крапивина военные мотивы и прообразы оружия отсутствуют в играх детей.

По итогам проведенного исследования установлено, что образ оружия проходит сложную эволюцию на протяжении творческого пути Владислава Крапивина. На раннем этапе творчества писателя (1960-е гг.) игрушечное оружие выступает неотъемлемым атрибутом советских детских забав и командных игр, военная игрушка рассматривается в том числе как средство социализации мальчиков, элемент патриотического воспитания. В игровых сюжетах ребят из рассказов В. П. Крапивина 1960-х гг. («Костер», «Минное заграждение») оружие непременно служит защите Родины.

В период пропитанного романтизмом творчества В. П. Крапивина 1970–1980-х гг. шпага становится излюбленным оружием эталонного «крапивинского мальчика» – мечтателя и идеалиста, подражающего Д'Артаньяну и капитану Бладу. Шпага – оружие благородного героя, носителя кодекса чести, она предназначена для защиты правды, справедливости и свободы. При этом – исключительно личной свободы и независимости. В романе «Мальчик со шпагой» (1975) одним из сюжетобразующих конфликтов становится противостояние отряда «Эспада» с чиновниками-формалистами. С рапирой в руке Данилка Вострецов отчаянно защищает помещение отряда от творящих беспорядок сотрудников домоуправления. Шпага в

представлении В. П. Крапивина становится символом противостояния искреннего, чистого душой героя косной толпе грубых обывателей. «Мальчики со шпагами» отбиваются от нападков уличных хулиганов, противятся давлению авторитарных учителей и партийных деятелей эпохи «застоя», отстаивая свое право жить исключительно по совести, защищая свои интересы и убеждения. Нравственные поиски «мальчика со шпагой» хронологически совпадают с разворачивающимся в СССР диссидентским движением, отголоски которого можно услышать в рассуждениях Сережи Каховского и Олега Московина (осуждение авторитарной педагогики, стремление к индивидуализму). Овладение шпагой, усвоение кодекса чести фехтовальщика способствует нравственному становлению юного героя.

В произведениях Владислава Крапивина 1960–1980-х гг. дети не взаимодействуют с настоящим оружием; оружие ребят – либо самодельное, игрушечное (деревянные мечи, выпиленные из фанеры автоматы, шлемы викингов из чайников, копья из жердей с мочальными хвостами), либо спортивное (спортивные шпаги в отряде «Эспада», пневматическая винтовка Журки, спортивный лук Володи и Кашки на турнире стрелков).

С настоящим оружием сталкиваются лишь герои поздних произведений Владислава Крапивина, созданных в 1990–2000-е гг. Писатель болезненно переживал распад СССР: атмосфера краха государства и следующего за ним хаоса присутствует во многих его произведениях (даже в тех, действие которых разворачивается в параллельной реальности). Примененное в горячих точках, междоусобных войнах и терактах оружие приносит множество невинных жертв и напрасных разрушений. Образ оружия приобретает исключительно негативную коннотацию. В. П. Крапивин с горечью описывает разгул оружия в трагичных событиях «лихих 90-х» (убийства и погромы по заказу бандита Лудова в повести «Лето кончится не скоро» (1995)), чеченских войнах (роман «Рыжее знамя упрямства» (2006)), а также обращается к истории войн прошлого (размышления Кинтеля о Крымской войне в романе «Бронзовый мальчик» (1994)); молчащие пушки на постаменте напоминают Оське о тяжелых боях за Севастополь в годы Великой Отечественной войны (повесть «Рассекающий пенные гребни» (1998)). Даже в условиях боевой обстановки крапивинские герои отказываются брать в руки оружие – они выходят навстречу вооруженным врагам безоружными и одерживают победу силой своего духа. В поздних произведениях В. П. Крапивина ребята не играют в войну и не имеют игрушечного оружия, автор уверенно занимает позицию пацифизма, приходит к выводу о том, что дети и оружие несовместимы. Своеобразным манифестом антимилитаризма становится повесть Владислава Крапивина «Взрыв Генерального штаба» (1996), в завершении которой главные герои – мальчики Лен и Зорко – ценой своей жизни подрывают Объединенный Генеральный штаб (центр планирования всех войн на планете) со всем запасенным на нем для будущих войн оружием, чтобы на земле воцарился мир.

Следует заключить, что образ оружия, в том или ином виде воплощенный на всех этапах творчества В. П. Крапивина, в конечном итоге кардинально переосмысливается писателем под влиянием развернувшихся в стране на рубеже XX–XXI вв. событий: некогда бывшее благородным, служащим защите правды, свободы, друзей и Родины, оружие становится для крапивинских героев неприемлемым, отвратительным средством совершения жестоких преступлений против нравственности и человечности.

Список литературы

1. *Комин М. В.* Крапивинские мотивы в повести Анны Зеньковой «С горячим приветом от Фёклы» // Текст. Язык. Человек : сборник научных трудов XII Международной научной конференции. Мозырь, 2023. С. 60–66.
2. *Комин М. В.* Мотив сиротства в прозе В. П. Крапивина и А. И. Папченко // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве : сборник научных трудов. Тверь, 2023. С. 76–83.
3. *Комин М. В.* Обретение Бога в детско-отроческой прозе В. П. Крапивина // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 4. С. 369–385. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12942.
4. *Крапивин В. П.* Бронзовый мальчик. М. : ИДМ, 2016. 347 с.
5. *Крапивин В. П.* Взрыв Генерального штаба. М. : ИДМ, 2016. 112 с.
6. *Крапивин В. П.* Выстрел с монитора. М. : ИДМ, 2017. 155 с.
7. *Крапивин В. П.* Дырчатая луна. М. : ИДМ, 2017. 157 с.
8. *Крапивин В. П.* Журавленок и молнии. СПб. : Союз, 1999. 415 с.
9. *Крапивин В. П.* Колесо Перепелкина. М. : АСТ, 2003. 345 с.
10. *Крапивин В. П.* Лето кончится не скоро. М. : Лабиринт Пресс, 2022. 204 с.
11. *Крапивин В. П.* Мальчик со шпагой. М. : ИДМ, 2014. 397 с.

12. Крапивин В. П. Мушкетер и фея и другие истории из жизни Джонни Воробьева : повести. М. : Махаон, 2016. 284 с.
13. Крапивин В. П. Оруженосец Кашка. М. : Оникс-Лит, 2013. 190 с.
14. Крапивин В. П. Рейс «Ориона». М. : ИДМ, 2013. 76 с.
15. Крапивин В. П. Рыжее знамя упрямства. М. : ИДМ, 2015. 396 с.
16. Крапивин В. П. Самолет по имени Сережка. М. : ИДМ, 2014. 187 с.
17. Крапивин В. П. Семь фунтов брамсельного ветра. М. : РИПОЛ Классик, 2014. 478 с.

The evolution of the image of weapons in the prose of Vladislav Krapivin

Komin Maxim Vadimovich

postgraduate student at the Department of Philological Foundations of Publishing and Literary Creativity,
Tver State University. Russia, Tver. ORCID: 0009-0000-0323-8290. E-mail: mvkomin@gmail.com

Abstract. The presented article is devoted to the study of the work of the famous Russian children's writer Vladislav Krapivin. The relevance of this study is due to the lack of works that reveal the problems of the image system in V. P. Krapivin's prose. The purpose of the work is to describe the evolution of the image of weapons in V. P. Krapivin's prose throughout the writer's creative career. The object of the analysis is individual short stories, novellas, and novels created by V. P. Krapivin at different times – at the stages of the author's early (1960s), middle (1970s–1980s), and late (1990s–2000s) creative work.

According to the results of the study, it was found that in Krapivin's early work, homemade weapons in children's games reflected the Soviet concept of military-patriotic education, military toys instilled in the "Krapivin boys" respect for weapons that serve to protect the Motherland. During the period of his romantic work (the 1970s and 1980s), the sword became Krapivinsky's favorite weapon. In the novel "The Boy with the Sword" (1975), classes at the fencing club play a key role in Seryozha's moral development: imitating the Musketeers from the books of A. Dumas, the boy strengthens his self-esteem, selflessly defends the truth and protects his friends. Since the 1990s, the image of weapons in Vladislav Krapivin's prose has become emphatically negative. In conditions of political chaos, internecine wars, and terrorist attacks, weapons appear to be a source of death, pain, and destruction. In Krapivin's post-Soviet works, the characters feel hatred for the weapons that broke their destinies, and toy weapons disappear from children's amusements. The writer takes the position of pacifism. This work contributes to the study of the system of images and the problems of the creative evolution of Vladislav Krapivin's prose and opens up prospects for further research in this field.

Keywords: "Krapivinsky boy", weapons, war games, defense, aggression.

References

1. Komin M. V. *Krapivinskie motivy v povesti Anny Zen'kovej "S goryachim privetom ot Fyokly"* [Krapivinsky motifs in the story of Anna Zenkova "With warm greetings from Fekla"] // *Tekst. Yazyk. Chelovek : sbornik nauchnyh trudov XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* – Text. Language. Man : collection of scientific papers of the XII International Scientific Conference. M.: Mozyr, 2023. Pp. 60–66.
2. Komin M. V. *Motiv sirotstva v proze V. P. Krapivina i A. I. Papchenko* [The motive of orphanhood in the prose of V. P. Krapivin and A. I. Papchenko] // *Rodnaya slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve : sbornik nauchnyh trudov* – Native literature in the modern cultural and educational space : a collection of scientific papers. Tver, 2023. Pp. 76–83.
3. Komin M. V. *Obretenie Boga v detsko-otrocheskoj proze V. P. Krapivina* [Finding God in the childhood and adolescence prose of V. P. Krapivin] // *Problemy istoricheskoy poetiki* – Problems of historical poetics. 2023. No. 4. Pp. 369–385. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12942.
4. Krapivin V. P. *Bronzovyy mal'chik* [The Bronze Boy]. M. IDM, 2016. 347 p.
5. Krapivin V. P. *Vzryv General'nogo shtaba* [Explosion of the General Staff]. M. IDM, 2016. 112 p.
6. Krapivin V. P. *Vystrel s monitora* [Shot from the monitor]. M. IDM, 2017. 155 p.
7. Krapivin V. P. *Dyrchataya luna* [Holey moon]. M. IDM, 2017. 157 p.
8. Krapivin V. P. *Zhuravlenok i molnii* [The crane and the lightning]. SPb. Soyuz Publ., 1999. 415 p.
9. Krapivin V. P. *Koleso Perepelkina* [Perepelkin's wheel]. M. AST, 2003. 345 p.
10. Krapivin V. P. *Leto konchitsya ne skoro* [Summer will not end soon]. M. Labyrinth Press, 2022. 204 p.
11. Krapivin V. P. *Mal'chik so shpagoj* [The boy with the sword]. M. IDM, 2014. 397 p.
12. Krapivin V. P. *Mushketer i feya i drugie istorii iz zhizni Dzhonni Vorob'eva : povesti* [The Musketeer and the Fairy and other stories from the life of Johnny Vorobyov : novellas]. M. Makhaon, 2016. 284 p.
13. Krapivin V. P. *Oruzhenosec Kashka* [Squire Kashka]. M. Onyx-Lit, 2013. 190 p.
14. Krapivin V. P. *Rejs "Oriona"* [Orion Flight]. M. IDM, 2013. 76 p.

15. Krapivin V. P. *Ryzhee znatya upryamstva* [The red banner of stubbornness]. М. IDM, 2015. 396 p.
16. Krapivin V. P. *Samolet po imeni Serezhka* [An airplane named Serezhka]. М. IDM, 2014. 187 p.
17. Krapivin V. P. *Sem' funtov bramsel'nogo vetra* [Seven pounds of topsail wind]. М. RIPOL Classic, 2014. 478 p.

Поступила в редакцию: 22.08.2024

Принята к публикации: 27.11.2024

Формы и способы освоения литературной классики в дискурсивных практиках русской рок-культуры

Дюкин Сергей Габдульсаматович

доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-1092-2765.
E-mail: dudas75@mail.ru

Аннотация. Образы классической культуры имеют важное значение для процесса идентификации. В данном случае речь идет о построении идентичности в рамках рок-культуры, которая рассматривается как особая форма современной культуры. Идентификационные процессы внутри рок-культуры имеют свою сложность, предопределенную тем, что ядро идентичности имеет неопределенный характер, в то время как степень отождествления себя с феноменом рока для субъектов рок-культуры высока. Использование прецедентных образов и ситуаций из литературных текстов и наиболее известных имен писателей и поэтов в песнях рок-исполнителей призвано упорядочить процесс идентификации в рок-культуре. Одним из способов обращения к классическим образам является простая номинация концептов. Данная процедура связана с включением автора в большой культурный контекст, с отграничением субъекта от массовой культуры и с встраиванием автора в отечественную рок-традицию. Более усложненным способом использования концептов отечественной литературной классики становится создание постмодернистских игровых контекстов. Совмещение дискурсов классической литературы и рок-культуры обретает очевидную функциональность, когда концепты высокой культуры преобразуют актуальные контексты, придавая им обновленную смысловую нагрузку. В ряде случаев образы классики становятся единственным инструментом, с помощью которого описывается сегодняшняя ситуация. Частным случаем обращения авторов к классическому дискурсу становится осмысление историко-культурных ситуаций. В случае иронизации в отношении русской литературы классика замыкается на самой себе, лишаясь функциональности. Подобные способы обращения к дискурсу литературной классики способствуют упорядочению сознания современного субъекта и выстраиванию идентификационных нарративов.

Ключевые слова: рок-культура, классическая литература, идентичность, ядро идентичности, функциональность, дискурс, нарратив.

Выстраивание идентичности на матрице прецедентных образов – процесс, в равной степени характерный для различных уровней самосознания. С концептами, представляющими классическую национальную культуру, имеют дело, в первую очередь, регуляторы национальной и этнической идентичности. Инструменты локальной и профессиональной идентичности, реже возрастной и гендерной, также пользуются узнаваемыми образами и персоналиями для собственного укрепления и структурирования. Теоретические проблемы процесса идентификации изучены и представлены в трудах Х. Абельса [1], Б. Андерсона [2], Т. Вульфа [5], Э. Геллнера [6], Э. Гидденса [38], Ф. Джеймисона [40], М. Сомерса [41], Э. Хобсбаума [35], Э. Эриксона [37]. В нашем случае речь пойдет об одной из «малых» специфических идентичностей [30], формирующихся на основе локальных единичных явлений, к каковым могут быть отнесены жанры разных видов искусства, определенные увлечения, субкультурные особенности. Идея «малых» идентичностей во многом коррелирует с концепцией Ф. Джеймисона, считающего множественные идентичности, которыми обладает субъект в эпоху постмодерна, отражением множества социальных и культурных взаимосвязей, объем которых продолжает стремительно возрастать [40]. М. В. Заковоротная определяет данную проблему как разрыв связей между отдельными локальными явлениями, что, в свою очередь, заменяет линейные представления субъектов о характере идентичности нелинейными [18]. Среди таковых особых идентичностей, отражающих кризисность современного этапа в развитии культуры, особое место занимает самосознание субъектов рок-культуры.

Рок-культура, или форма современной культуры, характеризуемая единством стилизованных, аксиологических, идентификационных процессов, связанных с влиянием рок-музыки, порождает особую систему отношений своих акторов с ядром идентификации. Имеется в виду достаточно специфическая ситуация, при которой субъект, не имея четкого представления об ядре идентичности, демонстрирует усиленную лояльность в отношении такового. Ядром в данном случае выступает понятие рока [15]. Коллективный субъект идентификации демонстрирует предельное непонимание того, что означает важный для него феномен рока. В ряде же случаев субъект демонстративно отрицает номинацию ядра идентичности в виде рока, при этом подразумевая таковую косвенно, через вхождение в контекст. Сами субъекты новой идентичности представляют границы и смысловое наполнение рока эфемерно и размыто. С одной стороны, акторы рок-культуры сосредотачивают на рок-музыке повышенное внимание, с другой же стороны, часто затрудняются определить ее стилистические рамки, а иногда и отказываются от проведения данной операции. Данное положение подтверждают информанты автора, участвующие в интервьюировании, среди которых рок-музыканты, активные меломаны-коллекционеры, журналисты, близкие друзья музыкантов (в общей сложности 30 человек). Важным элементом контекста понимания феноменологических пределов рока становится оценка данного понятия и степень его приятия. В случае с рок-культурой позитивное определение феномена часто устраняется. Данное положение подтверждается И. Гололобовым на примере панка как важного и репрезентативного сегмента рок-культуры [8, с. 57]. В данном случае мы наблюдаем сознательный отказ субъектов рок-культуры от положительной номинации собственной идентичности через редуцирование ее ядра, либо через симуляцию его дезактуализации и отказа от надления рока референтными характеристиками. При этом, большей частью, рок-культура сохраняется в пределах положительного контекста, оставаясь объектом противопоставления отрицаемым характеристикам.

В данной статье мы попытаемся сформулировать и описать, каким образом отечественные рок-поэты, использующие образы, связанные с русской литературной классикой (персонажи и в ряде случаев авторы), задействованы в упорядочивании идентификационных процессов, в позиционировании субъекта самосознания, в формировании идентификационных нарративов.

В качестве гипотезы выступает предположение о том, что обращение к образам классической литературы является для отечественной рок-культуры одним из способов встраивания субъекта меняющегося мира в общекультурный контекст для установления баланса между традицией и инновацией, для обретения устойчивой идентичности в аспекте перехода культуры модерна в состояние постмодерна. Также благодаря обращению к дискурсу литературной классики происходит стабилизация идентификационного ядра, его насыщение устойчивыми и узнаваемыми характеристиками.

Размышления об одном из литературных аспектов рок-культуры базируются на огромном пласте научных работ, посвященных поэтике рока. В данном контексте необходимо назвать такие имена, как Р. Гольдштейн [39], С. М. Ворошилова [4], Д. Давыдов [12], Ю. Доманский [16], Т. Логачева [21], А. Щербенок [36]. В работах этих и других авторов литературный аспект рок-культуры часто переплетается с антропологической сущностью данного феномена. В той или иной форме в исследованиях поэтики рока затрагивается проблема идентичности, формирующейся внутри рок-культуры. Мы бы хотели рассмотреть еще один аспект рок-поэзии в ее отечественном варианте, потенциально тесно связанный с темой идентичности.

Методологической установкой, обеспечивающей возможность интерпретации текстов русской классической литературы, инкорпорируемых в тексты массовой культуры, становится интертекстуальный подход, нашедший апологию в трудах Р. Барта [3], Ю. Кристевой [20], Ю. Лотмана [22] и других авторов. Определяющим принципом интертекстуальности в нашем случае является утверждение о том, что каждое произведение через интертекст заново создает свою историю культуры [32, с. 37]. По Ю. Лотману, текст является «конденсатом новых смыслов и культурной памяти» [22, с. 44]. Именно в этом аспекте предстают перед нами тексты песен русских рок-исполнителей, в которых упоминаются персонажи отечественной классической литературы и имена писателей-классиков.

Первое, на что нужно обратить внимание при изучении присутствия образов русской литературной классики в текстах рок-композиций, – это относительная малочисленность подобных фактов. По сравнению со своими англоязычными коллегами, русские рокеры не так часто обращаются к именам литературных героев и писателей. Огромный массив отечествен-

ной рок-н-рольной музлитературы содержит единичные факты упоминаний персонажей, либо самих литераторов. Однако количество этих фактов, пусть и не слишком объемное, позволяет сделать определенные выводы.

Простейший способ обращения к классическому дискурсу – элементарная номинация компонентов данного контекста. Литературные персонажи не более чем просто упоминаются в текстах. На первый взгляд, такое простое воспроизведение имен персонажей и писателей может выглядеть функционально бессмысленным.

Анна Каренина жила по соседству со мной.

Она читала огромное количество книг, кроме книги о себе самой.

Другие времена, другие нравы [13]. («Джамахирия»)

А где-то идет война,

Где-то новый рождается мир.

Она бродит одна у ж/д полотна.

Кто?

Анна Каренина [10]. («RockerJoker»)

Однако объект номинации, даже при всем своем искусственном сопоставлении с воспроизводимым нарративом, не лишен смысловой нагрузки. Одна из функций классического образа в подобной нарративно-дискурсивной ситуации – презентация автора с целью включения его в *большой культурный* контекст. Упомянув в такой ситуации Анну Каренину, автор текста устанавливает корреляцию между собой и классической культурной традицией. Ряд исследователей в данном случае говорят о национальной сущности рок-культуры [19, с. 12; 29, с. 52], которая может быть актуализирована именно через обращение к концептам классической литературы, даже если данные аллюзии и носят достаточно формальный характер. Субъект создает черты нового дискурса, обеспечивающего синтетичность культурного контекста, с которым связывает себя автор. Имеется в виду то, что синтетичный характер является одним из определяющих свойств рок-культуры [14]. Рок создает запрос на новый дискурс, включающий в себя элементы различных культурных традиций, взаимоисключающих друг друга в качестве первоначальных дискурсов, которые формируются и действуют за пределами рок-культуры. Автору в роке недостаточно современного языка и актуальных образов для предъявления себя *Другому*. Рокер вынужден разбавлять сегодняшний язык узнаваемыми образами из классической культурной традиции. Именно такая ситуация позволяет субъекту рока осознать и презентовать себя, так как «субъект приобретает идентичность путем репрезентации в дискурсе» [31, с. 84].

Если же обратить внимание на то, что выше цитировались песни периферийной группы («Джамахирия» – группа, существующая в Перми с начала 90-х гг. и являющаяся одним из лидеров местной рок-сцены) и современной группы, не связанной с классическим русским рок-дискурсом («RockerJoker» – белорусский коллектив, созданный в конце 1-го десятилетия XXI в.), то можно высказать предположение о том, что использование в песнях классического образа – это еще и обращение к классическим образцам русского рока. Иначе говоря, упоминая Анну Каренину, пермские и белорусские авторы заявляют о своей сопричастности традициям русского рока 80-х. Классики и эпигоны, таким образом, формируют общую традицию, одним из элементов которой становятся прецедентные образы национальной литературы.

Еще более упрощенный вариант простейшей номинации классических образов представляет рок, сводимый к маскульту в его чистом состоянии. Примером такого обращения к классике может служить песня «Вий» группы «Легенда». Мифологический персонаж, пропущенный через гоголевский текст, создает типичный для маскульту псевдоинфернальный контекст, лишаясь своего денотата. Вий превращается в «хуг», структурирующий, благодаря своей узнаваемости, достаточно бессистемный мини-нарратив. Близкое функционирование классических образов обнаруживается в песнях «Бал у князя тьмы» группы «Ария» и «Памяти Аэлиты» группы «Легион».

Несколько более усложненным способом обращения к классическим образам представляется создание на их основе постмодернистских игровых контекстов, что также характерно для отечественной рок-культуры. Законченным вариантом такой дискурсивной ситуации в русском роке является песня группы «Зоопарк» «В уездном городе N», неоднократно описанная и проанализированная в научных текстах. Пушкин, Гоголь, Лев Толстой, Блок, Маяковский, Раскольников, Анна Каренина перемешиваются с персонажами мировой культуры. Они лише-

ны очевидной функциональности. Выбор персоналий и образов подчинен идее узнаваемости, помимо чего сложно отыскать какие-либо иные основания для помещения их в данный дискурс. Само по себе обращение к мировому культурному контексту нацелено на реализацию презентационной и дискурсивной функций. Автор текста Майк Науменко позиционирует себя и свой круг в качестве знатоков текста мировой культуры, а также обрамляет рок-н-ролльный дискурс классическими персонажами, отграничивая его от массовой культуры.

Иным способом создания игрового постмодернистского пространства представляется размещение цитат из «Мастера и Маргариты» в песне «Энергия» группы «Алиса». Аллюзии, связанные с романом, становятся элементами вербального дизайна заглавной песни альбома. Фразы из произведения используются как «хук», зацепка, способствуют привлечению дополнительного внимания к песенному полотну. Цитаты одновременно остаются вне основного текста и в то же время создают новую семантику для вербальной составляющей песни. Без «украшений» из булгаковских выражений песня обрела бы исповедальный характер. В том же виде, какой «Энергия» в конечном счете обретает, она окрашивается в иронично-игровые тона.

Постмодернистская «игра в бисер» преобразуется в функциональный инструментарий в том случае, когда классические образы и персоналии встраиваются в современный контекст и работают в пределах актуальной для автора проблематики. Подобная ситуация просматривается в песне «Дубровский» группы «Аквариум», в тексте которой романтический пушкинский герой встраивается в контекст русофильского дискурса, создавая ироничный и вместе с тем предельно эмоциональный в своей лиричности контекст. Дубровский важен для автора своей узнаваемостью, являясь прецедентным персонажем, по крайней мере, для культуры советской, инерция которой в середине 90-х еще очень ощутима (песня выпущена на альбоме «Снежный лев» 1996 г.).

Подобным образом усиливается с помощью образа Левши в одноименной песне группы «Алиса» славяно-мифологический контекст. Левша становится выражением архетипики русскости.

Звенит душа, латает невод у реки Левша.
Ему был сон третьего дня – за семь озер бежит река, –
Чеканит дно, шлифует берега, в пережат льет брызги огня.
Лучит узор пером Царь Рыбы [25]. («Алиса»)

Аналогичная дискурсивная конструкция предложена группой «Звери» в песнях альбома «Одинокому везде пустыня». Почти все песни альбома названы заглавиями произведений Чехова. Литературоведческий аспект данного цикла подробнейшим образом описан и проанализирован Ю. Доманским [16, с. 80–92]. Так же как и *Дубровский* в песне группы «Аквариум», *Попрыгунья*, *Дама с собачкой*, *Душечка*, *Палата № 6* вводятся автором в новый контекст, который, с одной стороны, непосредственно не связан с чеховскими концептами, но, с другой стороны, без них не стал бы собой. Названия классических произведений усиливают восприятие песен слушателями, придают текстам особый колорит, задают узнаваемость, благодаря которой описываемые типаж и ситуации приближаются к слушателю, погружая его в создаваемую смысловую атмосферу.

Аналогичную функцию выполняют образы Раскольников и Сонечки Мармеладовой, которыми вооружаются «Умка и Броневинок». В песне «Раскольников» описывается бытовая ситуация, которая усиливается благодаря контрасту между профанностью (быт) и сакральностью (классические персонажи).

Они зовут его Раскольников.
Они зовут его.
Он – автор множества покойников
И больше ничего.
Их ожидает мука адова,
Но я не верю им.
И только Соня Мармеладова на коленях перед ним.
Они зовут его Раскольников,
Я ненавижу их.
Среди стритовых алкоголиков
Он самый главный псих [26]. («Умка и Броневинок»)

Дискурс классической литературы становится функциональным. Прецедентный образ Раскольникова и описываемый Умкой персонаж *системы* (отечественное обозначение суб-

культуры хиппи) соединяются, взаимно ассимилируя друг друга. В обозначенных выше песнях группы «Звери», имеющих названия чеховских произведений, происходит примерно то же самое. Актуальный эротический контекст в песнях «Попрыгунья» и «Дама с собачкой» отчасти нивелируется классическими прецедентными концептами, лишаясь налета пошлости и чрезмерной профанности. С другой стороны, происходит ассимиляция современностью классического контекста. Рок-н-ролл в лице автора песни присваивает себе мир русской классики, частично устраняясь, таким образом, из дискурса масскульты и обретая элитарные коннотации. Таким образом, сама классическая культура провозглашается сегментом рок-культуры.

В ином варианте привлечение классики связывает слушателя с дискурсом городской мифологии. Примером этой ситуации могут служить созданные в разные периоды песни «Сталь» группы «Аквариум» (1982 г.) и «Куплеты старухи-процентщицы» группы «Зимовье зверей» (2006 г.).

Во дворе петербургском колодезном
Раздаются стенанья шарманки.
Я лежу в полумраке болотистом
На скрипучей своей оттоманке.

А в болото мое
Только ступишь ногой –
И вовек не уйдешь, не отцепишься.

А ведь и не Яга,
Не колдунья с клюкой,
Я простая старушка-процентщица [11]. («Зимовье зверей»)

Функциональна в отношении актуального дискурса песня «Тургеневские женщины» группы «Центр», в которой на основе классического литературного концепта эстетизируется современная эмансипированная феминность. Так же как и в вышеназванных композициях, искомая семантика становится невозможной без привлечения классического контекста.

Тургеневские женщины читают газеты,
Звонят по телефону, ходят на работу,
Имеют образование, опускаются в метро,
Стоят в очереди, расщепляют атом [28]. («Центр»)

Подобным образом в песне «Самоотвод» группы Егора Летова, сконцентрированной на трагической стороне биографического нарратива Маяковского, благодаря привлечению концептосферы литературной классики усиливается трагедийный контекст, в который погружает себя автор. Имя поэта превращается в единственно возможный инструмент формирования смысловой атмосферы трагедийности.

Маяковский жал курок,
Жег окурок, лил струю.
Покатилось колесо.
Вот и собран урожай [9]. (Егор Летов)

В отдельных случаях при обращении рок-поэтов к классическим концептам возможна полная редукция актуальных смыслов путем полного погружения в историко-культурный нарратив. Подобное происходит в песне Евгения Чичерина «Айседора Дункан». Американская балерина и незримо присутствующий в тексте Сергей Есенин обретают в песне самостоятельность, не покушаясь на преобразование современного дискурса. Подобные тексты сосредоточены исключительно на истории своих героев.

Возможно промежуточное положение между концентрацией автора на денотате образа в его изначальном контексте и использовании классического концепта для описания современности и демонстрации собственной субъектности. Примером такого текста выступает «Песенка про Свидригайлова» Александра Непомнящего.

А мир какой-то замызганный, серенький.
Его б подкрасить – денег нет краски взять.
Аркадий Иванович едет в Америку,
Желает вам, господа, не скучать [27]. (Александр Непомнящий)

Интерпретация данного текста зависит исключительно от позиции субъекта восприятия. Авторская установка имеет неопределенный характер. Песня в равной степени может быть как о Свидригайлове, так и об авторе с его окружением. В том случае, если мы имеем дело с погружением собственно в литературный дискурс, формируется та же ситуация, что и в

случае с песней «Айседора Дункан», – автор песни осмысляет литературное наследие, отказываясь от функционального использования классического литературного дискурса.

Логическим завершением функционального соединения двух дискурсов становится обращение к классическим образам и персоналиям, помещенным в ироничную коннотацию. Примером такой ситуации является песня «Чехов – это я» группы «Ундервуд». Неупорядоченное напластование образов, фразы, претендующие на статус прецедентных выражений, отражающих феномен чеховского языка, стилизация под стиль чеховской прозы венчаются рефреном «Чехов – это я, Чехов – это ты». Классика замыкается на самой себе, лишаясь при этом всякого позитивного смысла. Дискурс русской классической литературы превращается в самодостаточное явление, демонстрирующее собственную внешнюю форму, но лишенное при этом какой-либо функциональности.

Аналогичным образом выглядит песня группы «Громыка» с рефреном «Паустовский, Бианки, Пришвин погулять на природу вышли». Развертывание дискурса оборачивается его дискредитацией и ироничным опровержением. Русские писатели-пейзажисты становятся объектом легкой насмешки.

Таким образом, дискурсивные единицы, связанные с русской классической литературой, способны проникать в дискурс отечественной рок-культуры в рамках широкой функциональной нагрузки. Простейшая номинация, усиление актуальных смыслов и нарративов, создание контекстов, иронизация – все эти операции, для реализации которых рокеры привлекают известные образы и фамилии из национального литературного фонда, сводятся, в конечном счете, к формированию единой субъектности, важным сегментом идентичности которой является классическая культура. Переплетение дискурсов может быть объяснено природой самого рока как особой формы культуры. Первым теоретическим положением, предусматривающим смешение контекстов, становится утверждение о противоречивости рока, его амбивалентности [23, с. 11–13]. Данный тезис верифицируется через взаимодействие взаимоисключающих дискурсов, – дискурса литературной классики XIX и начала XX вв. и дискурса рок-культуры, с другой стороны. Дискурсивность рока заключается в том, что система высказываний, свойственная этой форме культуры, порождает вокруг себя определенную систему практик, которые находятся в строгом соответствии с определенными культурными институтами, системой ценностей, способами самоидентификации. Помимо этого, возможна актуализация положения о том, что само по себе существование социальной группы (рок-культура во многом является именно сообществом) невозможно до ее конституирования в дискурсе [24]. На теоретическом уровне дискурсивный характер рока обоснован М. Ворошиловой, предложившей расширенное видение данной формации высказываний [4]. Близок к М. Ворошиловой А. Щербенок, считающий, что целостность рок-культуры определяется способом отношений между музыкой и текстами, то есть, по сути, дискурсивным единством [36]. В конечном счете, подобные теоретические построения основаны на принципах М. Фуко, Л. Филлипс, М. Йоргенсен, считающими что дискурс напрямую участвует в создании социального мира [31; 33, с. 95–147]. А. Полонский, резюмируя основы данного подхода, говорит, что дискурсивный тип сознания отражает «характерный способ видения и переживания мира, способ его осмысления и упорядочения, предопределяющий вид востребованных знаний, способ их кодирования и передачи, стратегии противопоставления себя субъекту и объекту и взаимодействия с ними» [24]. Соответственно, смешение дискурсов предполагает переплетение социальных миров, сочетание жизненных стилей, взаимоналожение изначально нетолерантных друг ко другу социально-культурных практик.

Близким представляется нам тезис об «эkleктичной всеядности рока» [17, с. 116], заключающейся, собственно, в полидискурсивности, постмодернистской организации формальных способов выражения. Самое очевидное проявление радикальной эkleктичности рока – это его полижанровость. В настоящее время в полной мере отсутствует ограничение в понимании рок-музыки, основанное на жанровой природе. Размытость рок-культуры распространяется и на ее поэтику, проявлением чего и является обращение к контекстам, отрицаемым изначально.

Наконец, еще одной теоретической установкой, оправдывающей вбирание дискурсом рок-культуры классических образов и персоналий, можно обозначить приписывание року национального характера [19, с. 12; 29, с. 52]. В данном положении может быть актуализирована теория множественной идентичности Ф. Джеймисона, считающего характерное для постмодерна самосознание отражением множества социальных и культурных взаимосвязей, объ-

ем которых продолжает стремительно возрастать [40]. В свете данного подхода наблюдается уход субъекта, в нашем случае принадлежащего рок-культуре, из поля *нормальной* идентичности примордиального типа. С данной точки зрения, в современных условиях происходит уход индивида из поля *нормальной* идентичности, имеющей примордиальную матрицу, связанную с территорией, происхождением, культурными традициями. Данный тип идентичности уступает место самосознанию, базирующемуся на фрагментированном дискурсе, элементами которого становятся, в том числе, структурные единицы классической культуры.

Помимо этого, важным аспектом, позволяющим увидеть смысл в обращении к классике, представляется нарративизация идентичности, описанная в трудах М. Сомерса и Дж. Гибсона [41]. С данной позиции использование рок-поэтами образов и имен классической литературы представляется слабым способом включения себя в большой нарратив национальной культуры. Встраивание субъектом себя в национальную культуру, помимо всего прочего, устанавливает границу вокруг самой рок-культуры, так как отделяет ее от массовой культуры, имеющей космополитичный характер.

Обретающая таким образом собственное лицо рок-культура превращается в инструмент, осуществляющий борьбу с дезориентацией человека в условиях распада модерна и трансформации последнего в постмодерн. «Исчезновение «великого нарратива», как характеризует Э. Гидденс современную идентификационную ситуацию [7, с. 112], наталкивается на определенное сопротивление, оказываемое в пределах одной из культурных форм. Рок превращается в культурное пространство, которое позволяет удерживать баланс в условиях кризиса идентичности.

Список литературы

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация / пер. с нем. Н. А. Головина, В. В. Козловского. СПб. : Алетейа, 2000. 272 с.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества / пер. с англ. В. Г. Николаева. М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
3. *Барт Р.* От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 413–424.
4. *Ворошилова М.* Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 10. Екатеринбург-Тверь, 2010. С. 57–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-modelirovanie-hudozhestvennogo-mira-v-diskurse-russkogo-roka>.
5. *Вульф Л.* Воображая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.
6. *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М. : Прогресс, 1991. 319 с.
7. *Гидденс Э.* Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М. : Практис, 2011. 352 с.
8. *Гололобов И., Стейнхольт И., Пилкингтон Х.* Панк в России: краткая история эволюции // Логос. 2016. № 4. С. 27–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pank-v-rossii-kratkaya-istoriya-evolyutsii>.
9. Гражданская оборона. Официальный сайт группы. URL: <https://www.gr-oborona.ru/> (дата обращения: 03.05.2024).
10. Гуру песен. URL: <https://pesni.guru/text/rocker-joker-анна-карепина> (дата обращения: 02.05.2024).
11. Гуру песен. URL: https://pesni.guru/text/константин-арбенин-куплеты-старухи_процентщицы (дата обращения: 27.04.2024).
12. *Давыдов Д. М.* Статус автора в русской рок-культуре // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 2. Тверь, 1999. С. 17–23.
13. Джамахирия&Sellodo. URL: <https://vk.com/jamakhery> (дата обращения: 17.05.2024).
14. *Доронин В. В.* Рок-культура как современное воплощение традиции героев : дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Тюмень, 2011. 22 с.
15. *Дюкин С. Г.* О структуре идентичности в рок-культуре // Ценности и смыслы. 2019. № 6 (64). С. 18–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-identichnosti-v-rok-kulture>.
16. *Доманский Ю. В.* Рок-поэтика. М. : Эдитус, 2023. 206 с.
17. *Житомирский Д.* Бунт и слепая стихия // Искусство и массы в современном буржуазном обществе. М. : Советский композитор, 1979. С. 96–144.
18. *Заковоротная М. В.* Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов н/Д : СКНЦ ВШ, 1999. 198 с.
19. *Козицкая Е. А.* Субязыки и субкультуры русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 5. Тверь, 2001. С. 169–189. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subyazyki-i-subkultury-russkogo-roka>.
20. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. М. : РОССПЭН, 2004. 656 с.

21. *Логачева Т. Е.* Русская рок-поэзия 1970-1990-х гг. в социокультурном контексте : дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1997. 26 с.
22. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
23. *Мякотин Е. В.* Рок-музыка. Опыт структурно-антропологического анализа : дисс. ... канд. иск.: 17.00.02. Саратов, 2006. 24 с.
24. *Полонский А.* Медиа-дискурс-концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ. Вып. 6. URL: <http://www.discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml> (дата обращения: 27.12.2021).
25. Стихи.ру. Алиса. Саботаж. Русская рок-поэзия. URL: <https://stihi.ru/2013/03/15/4803> (дата обращения: 14.05.2024).
26. Стихи.ру. Раскольников. URL: <https://stihi.ru/2001/04/09-46> (дата обращения: 11.05.2024).
27. Стихи.ру. Песенка про Свидригайлова. Александр Евгеньевич Непомнящий. URL: <https://stihi.ru/2011/06/15/6575> (дата обращения: 30.04.2024).
28. Стихи.ру. Текст песни группы «Центр» «Тургеневские женщины». URL: <https://stihi.ru/2020/10/14/5327> (дата обращения: 19.04.2024).
29. *Сыров В. Н.* Стилиевые метаморфозы рока, или путь к «третьей» музыке. Нижний Новгород : НГУ, 1993. 209 с.
30. *Тульчинский Г. Л.* Культурная идентичность, самозванство и новая антропология: перспективы постчеловечности // Семиозис и культура. Сыктывкар : Изд-во КГПИ, 2008. С. 12–17.
31. *Филлипс Л., Йоргенсен М.* Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. А. А. Киселева. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 354 с.
32. *Фетеева Н. А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М. : КомКнига, 2007. 280 с.
33. *Фуко М.* Археология знания / пер. с франц. М. Б. Раковой. СПб. : Гуманитарная академия, 2004. 416 с.
34. *Цапко М. С.* Рок как социокультурный феномен : дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 1998. 23 с.
35. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб. : Алетей, 1998. 305 с.
36. *Щербенок А.* Слово в русском роке // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 2. Тверь, 1999. С. 4–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-v-russkom-roke>.
37. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. А. Д. Андреевой, А. М. Прихожан, В. И. Ривош, Н. Н. Толстых. М. : Прогресс, 1996. 344 с.
38. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford : Stanford University Press, 1991. 186 p.
39. *Goldstein R.* The Poety of Rock. New York : BantamBooks, 1969. 272 p.
40. *Jameson F.* Postmodernism, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham : Duke University Press, 1991. 438 p.
41. *Somers M.* Reclaiming the Epistemological «Other»: Narrative and the Social Constitution of Identity / M. Somers, G. Gibson // Social Theory and the Politics of Identity. Cambridge : Blackwell, 1994. Pp. 37–99.

Forms and methods of mastering literary classics in discursive practices of Russian rock culture

Dyukin Sergey Gabdulsamatovich

Doctor of Cultural Studies, associate professor, professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-1092-2765. E-mail: dudas75@mail.ru

Abstract. Images of classical culture are important for the identification process. In this case, we are talking about building an identity within the framework of rock culture, which is considered as a special form of modern culture. Identification processes within rock culture have their own complexity, predetermined by the fact that the core of identity is uncertain, while the degree of identification with the phenomenon of rock is high for the subjects of rock culture. The use of precedent images and situations from literary texts and the most famous names of writers and poets in the songs of rock performers is intended to streamline the identification process in rock culture. One of the ways to refer to classical images is to simply nominate concepts. This procedure is associated with the inclusion of the author in a large cultural context, with the separation of the subject from mass culture and with the embedding of the author in the Russian rock tradition. A more complicated way of using the concepts of Russian literary classics is the creation of postmodern gaming contexts. Combining the discourses of classical literature and rock culture acquires obvious functionality when the concepts of high culture transform actual contexts, giving them an updated semantic load. In some cases, classical images become the only tool used to describe the current situation. A special case of the authors' appeal to classical discourse is the comprehension of historical and cultural

situations. In the case of irony in relation to Russian literature, the classics close in on themselves, losing their functionality. Such methods of addressing the discourse of literary classics contribute to the ordering of the consciousness of a modern subject and the building of identification narratives.

Keywords: rock culture, classical literature, identity, core of identity, functionality, discourse, narrative.

References

1. Abel's H. *Interakciya, identichnost', prezentaciya* [Interaction, identity, presentation] / transl. from German by N. A. Golovin, V. V. Kozlovsky. SPb. Aleteya, 2000. 272 p.
2. Anderson B. *Vobrazhaemye soobshchestva* [Imaginary communities] / transl. from English by V. G. Nikolaev. M. Canon-Press-Ts, Kuchkovo field, 2001. 288 p.
3. Bart R. *Ot proizvedeniya k tekstu* [Russian Russian Rock poetry From the work to the text] // *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* – Selected works: Semiotics: Poetics. M. Progress, 1989. Pp. 413–424.
4. Voroshilova M. *Metaforicheskoe modelirovanie hudozhestvennogo mira v diskurse russkogo roka* [Metaphorical modeling of the artistic world in the discourse of Russian rock] // *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* – Russian rock poetry: text and context. Is. 10. Yekaterinburg-Tver, 2010. Pp. 57–71. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-modelirovanie-hudozhestvennogo-mira-v-diskurse-russkogo-roka>.
5. Wolf L. *Vobrazhaya Vostochnuyu Evropu: karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya* [Imagining Eastern Europe: a map of civilization in the consciousness of the Age of Enlightenment] / transl. from English by I. Fedyukin. M. New Literary Review, 2003. 548 p.
6. Gellner E. *Nacii i nacionalizm* [Nations and nationalism] / transl. from English by T. V. Berdikova, M. K. Tyunkina. M. Progress, 1991. 319 p.
7. Giddens E. *Posledstviya sovremennosti* [The consequences of modernity] / transl. from English by G. K. Olkhovikov, D. A. Kibalich. M. Praxis, 2011. 352 p.
8. Gololobov I., Stejnhol't I., Pilkington H. *Pank v Rossii: kratkaya istoriya evolyucii* [Punk in Russia: a brief history of evolution] // *Logos* – Logos. 2016. No. 4. Pp. 27–61. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pank-v-rossii-kratkaya-istoriya-evolyutsii>.
9. *Grazhdanskaya oborona. Oficial'nyj sajt gruppy* – Civil defense. The official website of the band. Available at: <https://www.gr-oborona.ru/> (date accessed: 03.05.2024).
10. *Guru pesen* – Song Guru. Available at: <https://pesni.guru/text/rocker-joker-anna-karенина> (date accessed: 02.05.2024).
11. *Guru pesen* – Song Guru. Available at: <https://pesni.guru/text/константин-арбенин-куплеты-старухи-procentshchicy> (date accessed: 27.04.2024).
12. Davydov D. M. *Status avtora v russkoj rok-kul'ture* [The status of the author in Russian rock culture] // *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Vyp. 2* – Russian rock poetry: text and context. Is. 2]. Tver, 1999. Pp. 17–23.
13. *Dzhamahirya&Sellodo* – Jamakhiria&Sellodo. Available at: <https://vk.com/jamakhery> (date accessed: 17.05.2024).
14. Doronin V. V. *Rok-kul'tura kak sovremennoe voploshchenie tradicii geroev : diss. ... kand. filol. nauk: 24.00.01* [Rock culture as a modern embodiment of the tradition of heroes : diss. ... PhD in Philology: 24.00.01]. Tyumen, 2011. 22 p.
15. Dyukin S. G. *O strukture identichnosti v rok-kul'ture* [On the structure of identity in rock culture] // *Cennosti i smysly* – Values and meanings. 2019. No. 6 (64). Pp. 18–36. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-identichnosti-v-rok-kulture>.
16. Domanskij Yu. V. *Rok-poetika* [Rock poetics]. M. Editus, 2023. 206 p.
17. Zhitomirskij D. *Bunt i slepaya stihiya* [Rebellion and the blind element] // *Iskusstvo i massy v sovremennom burzhuaznom obshchestve* – Art and the masses in modern bourgeois society. M. Soviet Composer, 1979. Pp. 96–144.
18. Zakovorotnaya M. V. *Identichnost' cheloveka. Social'no-filosofskie aspekty* [Human identity. Sociophilosophical aspects]. Rostov-na-Donu. SKSC Higher School of Economics, 1999. 198 p.
19. Kozickaya E. A. *Sub'yazyki i subkul'tury russkogo roka* [Sublanguages and subcultures of Russian rock: text and context. Is. 5]. Tver, 2001. Pp. 169–189. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/subyazyki-i-subkultury-russkogo-roka>.
20. Kristeva Yu. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected works: The Destruction of poetics]. M. ROSSPEN, 2004. 656 p.
21. Logacheva T. E. *Russkaya rok-poeziya 1970–1990-h gg. v sociokul'turnom kontekste : diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [Russian rock poetry of the 1970s and 1990s in a socio-cultural context : diss. ... PhD in Philological Sciences: 10.01.01]. M. 1997. 26 p.
22. Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriya* [Inside thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. M. Languages of Russian Culture, 1996. 464 p.
23. Myakotin E. V. *Rok-muzyka. Opyt strukturno-antropologicheskogo analiza : diss. ... kand. isk.: 17.00.02* [Rock music. The experience of structural and anthropological analysis : diss. ... PhD in Law: 17.00.02]. Saratov, 2006. 24 p.

24. Polonskij A. *Media-diskurs-koncept: opyt problemnogo osmysleniya* [Media discourse concept: the experience of problematic comprehension] // *Sovremennyy diskurs-analiz – Modern discourse analysis*. Is. 6. Available at: <http://www.discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml> (date accessed: 27.12.2021).
25. *Stihi.ru. Alisa. Sabotazh. Russkaya rok-poeziya* – *Stihi.ru*. Alice. Sabotage. Russian rock poetry. Available at: <https://stihi.ru/2013/03/15/4803> (date accessed: 14.05.2024).
26. *Stihi.ru. Raskol'nikov* – *Stihi.ru*. Raskolnikov. Available at: <https://stihi.ru/2001/04/09-46> (date accessed: 11.05.2024).
27. *Stihi.ru. Pesenka pro Svidrigajlova. Aleksandr Evgen'evich Nepomnyashchij* – *Stihi.ru*. [A song about Svidrigailov. Alexander Evgenievich Nepomnyashchy]. Available at: <https://stihi.ru/2011/06/15/6575> (date accessed: 30.04.2024).
28. *Stihi.ru. Tekst pesni gruppy "Centr" "Turgenevskie zhenshchiny"* – *Stihi.ru*. The lyrics of the song "Turgenev women" by the group "Center". Available at: <https://stihi.ru/2020/10/14/5327> (date accessed: 19.04.2024).
29. Syrov V. N. *Stilevye metamorfozy roka, ili put' k "tret'ej" muzyke* [Stylistic metamorphoses of rock, or the path to the "third" music]. Nizhny Novgorod. NSU, 1993. 209 p.
30. Tul'chinskij G. L. *Kul'turnaya identichnost', samozvanstvo i novaya antropologiya: perspektivy postchelovechnosti* [Cultural identity, imposture and new anthropology: perspectives of posthumanity] // *Semiozis i kul'tura – Semiosis and culture*. Syktyvkar. KSPI Publishing House, 2008. Pp. 12–17.
31. Fillips L., Jorgensen M. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method] / transl. from English by A. A. Kiselyov. Kharkiv. Humanitarian Center, 2008. 354 p.
32. Feteeva N. A. *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti* [Intertext in the world of texts: Counterpoint of intertextuality]. M. KomKniga, 2007. 280 p.
33. Foucault M. *Arheologiya znaniya* [Archeology of knowledge] / transl. from French by M. B. Rakova. SPb. Humanitarian Academy, 2004. 416 p.
34. Capko M. S. *Rok kak sociokul'turnyj fenomen : diss. ... kand. kul'turologii: 24.00.01* [Rock as a sociocultural phenomenon : diss. ... PhD in Cultural studies: 24.00.01]. M. 1998. 23 p.
35. Hobsbaum E. *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda* [Nations and nationalism after 1780] / transl. from English by A. A. Vasiliev. SPb. Aletya, 1998. 305 p.
36. Shcherbenok A. *Slovo v russkom roke* [The word in Russian rock] // *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst – Russian rock poetry: text and context*. Is. 2. Tver, 1999. Pp. 4–10. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-v-russkom-roke>.
37. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and crisis] / transl. from English by A. D. Andreeva, A.M. Parishioners, V. I. Rivosh, N. N. Tolstykh. M. Progress, 1996. 344 p.
38. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford : Stanford University Press, 1991. 186 p.
39. Goldstein R. *The Poetry of Rock*. New York : BantamBooks, 1969. 272 p.
40. Jameson F. *Postmodernism, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham : Duke University Press, 1991. 438 p.
41. Somers M. *Reclaiming the Epistemological «Other»: Narrative and the Social Constitution of Identity* / M. Somers, G. Gibson // *Social Theory and the Politics of Identity*. Cambridge : Blackwell, 1994. Pp. 37–99.

Поступила в редакцию: 26.06.2024

Принята к публикации: 08.11.2024

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 1 (37) (2025)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 15.03.2025 г.
Дата выхода в свет 17.04.2025 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,74. Тираж 100 экз. Заказ № 86.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36